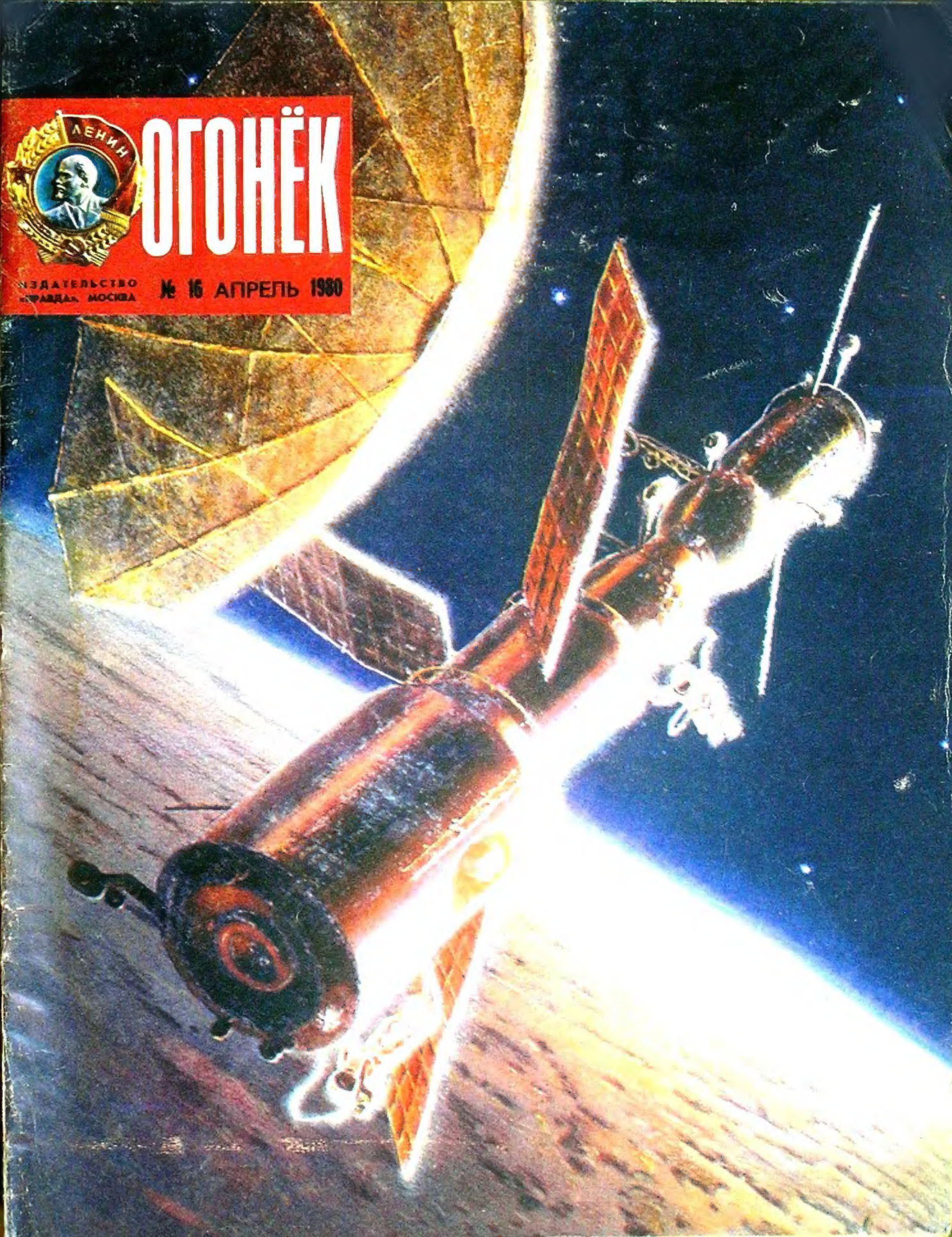
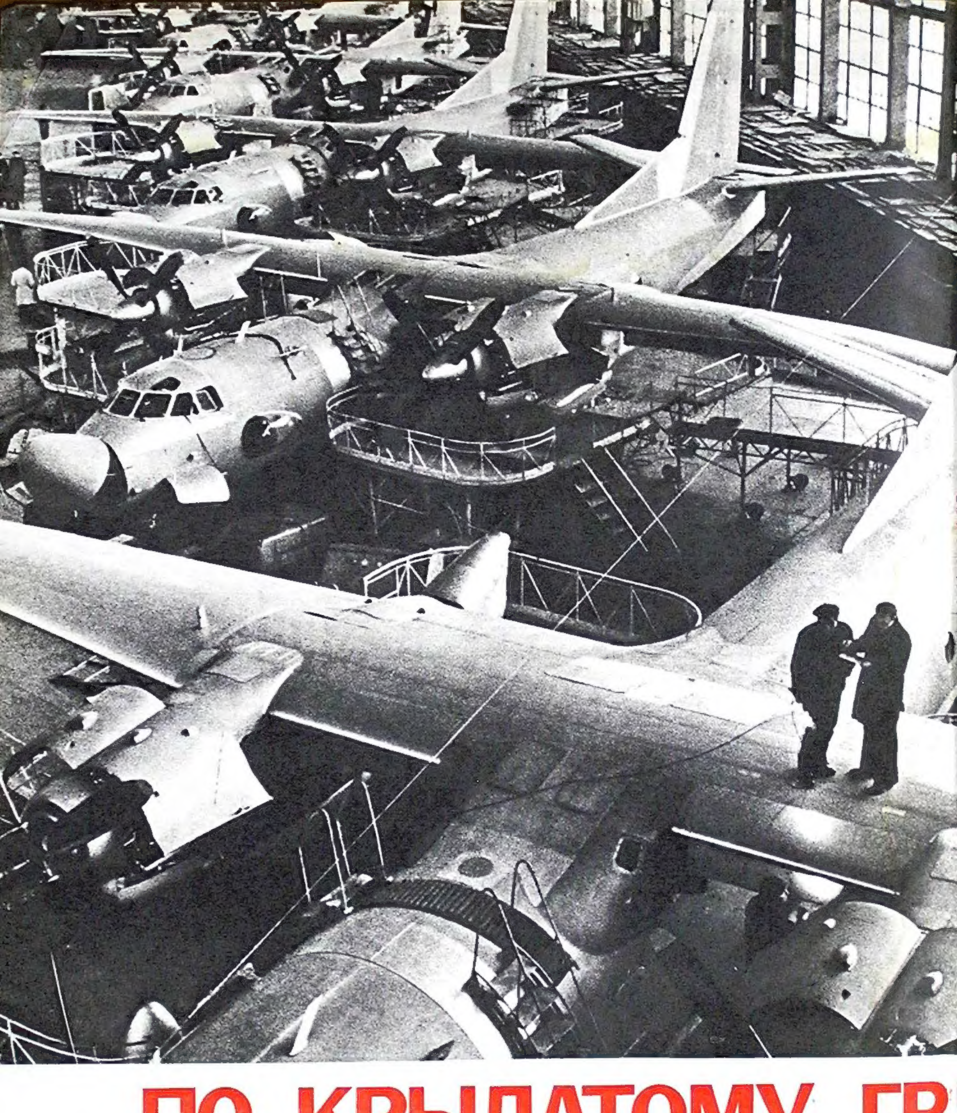

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1980

ПО КРЫЛАТОМУ ГР

АФИКУ ПЯТИЛЕТКИ

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Ритмично работают в завершающем году пятилетки киевские самолетостроители. Четкий, выверенный график — вот высший закон производства.

Это чувствуешь, едва переступив порог проходной. Огромная территория завода, застроенная высокими, сверкающими корпусами, необычайно чиста. Мы идем по центральной аллее с заместителем начальника сборочного цеха Ю. В. Недашковским. Показался автобус, в котором десятка два пассажиров.

— Делегация? — спросил я.

— Нет, рейсовый. Мы подсчитали, что наши рабочие, инженеры, служащие теряют много времени на то, чтобы пройти из цеха в цех, в столовую и т. д. Пустили рейсовые автобусы, продумали маршруты и графики движения. Все затраты с лихвой окупаются.

Когда подошли к многоэтажному зданию, мой спутник сказал:

— Это вычислительный центр.

— Я слышал, у вас автоматизированная система управления производством?

— Да. Вычислительный центр занимается многими делами: от бухгалтерских операций до разработки оснастки и планирования загрузки оборудования.

Заходим в корпус сборочных цехов. Это своего рода крытый стадион, где на десятках стапелей, похожих на скелеты гигантских ископаемых рыб, рождаются фюзеляжи будущих Анов. И по мере того, как мы идем вдоль их строя, еще не окрашенных, простроченных пунктирами заклепок и точечной сварки, эти зеленые сигары обрастают плоскостями хвостового оперения, иллюминаторами...

Бригада Виктора Мартыненко устанавливает на воздушный корабль, как поется в песне, «пламенный мотор». Отличн работают Олег Соловьев, Леонид Марченко, Алексей Сергиенко. Это дружный, хорошо слаженный кол-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (2753)

12 АПРЕЛЯ 1980

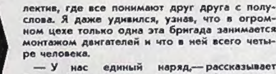
Советские руководители в посольстве Социалистической Республики Вьетнам.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

2 апреля товарищи Л. И. Брежнев, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих посетили посольство СРВ в СССР в связи с кончиной Президента СРВ Тон Дык Тханга.

Минутой молчания они почтили память верного сына вьетнамского народа, боевого соратника Хо Ши Мина, последовательного интернационалиста, большого друга Советского Союза, неутомимого борца за дело мира и социализма, и расписались в траурной книге соболезнований.

лектив, где все понимают друг друга с полуслова. Я даже удивился, узнав, что в огромном цехе только одна эта бригада занимается монтажом двигателей и что в ней всего четыре человека.

— У нас единый наряд,— рассказывает Виктор Мартыненко,— но, кроме того, мы сами планируем работу. Все самолеты имеют жесткий график сборки. Но мы, выходя на смену, сами решаем, какой сегодня наш. Естественно, учитываем и график, и производственную ситуацию, и свои возможности: случается, что кто-то заболеет или в отпуск уйдет. Но точно в намеченный срок самолет обязательно поднимется в небо.

Сам бригадир, хоть и выглядит довольно молодо, вот уже двадцать лет работает в этом цехе. Он отличник качества, а завоевать такое звание в цехе, где безукоризненное выполнение любой операции — норма, не так просто.

Рядом с В. Мартыненко работает бригада А. Я. Коханого. Он ветеран завода, сразу после войны собирал здесь первые Ан-2. А вообще-то строит самолеты уже более сорока лет. Делал стремительные МиГи, грозные Ил-2, которые прямо из цеха уходили на фронт. А осенью 1942 года, в самые тяжелые дни фашистского наступления, Алексей Яковлевич попросился на передовую. И прошел с боями от Старой Руссы до Вены.

— У нас в бригаде,— рассказывает он,— полная взаимозаменяемость.

Бригада А. Я. Коханого, образно говоря, ставит самолеты на ноги, то есть монтирует шасси и испытывает их. Вот уже больше пятнадцати лет ОТК не проверяет его работу. Алексей Яковлевич имеет свое личное клеймо. Он один из лучших наставников молодежи.

В цеховой конторке у нас зашел разговор о культуре производства, трудовой дисциплине, подготовке кадров.

— Чтобы обеспечить четкий ритм такого сложного производства,— говорит Ю. В. Недашковский,— надо постоянно работать с людьми. Завод имеет вечернюю школу, авиационный техникум, прекрасный Дворец культуры. Воспитанием людей занимаются все: партком, дирекция, профсоюз и прежде всего сам коллектив, наши лучшие рабочие. Вы заметили, у нас нигде лишней железки не валяется, окурка не увидишь.

— Мы считаем очень своевременным принятое недавно постановление об укреплении трудовой дисциплины,— вступает в разговор председатель цехового комитета профсоюза, электромонтажник Б. Н. Похиль,— такие вопросы надо решать, как говорится, всем миром. Любое нарушение дисциплины обсуждается на общем собрании участка или цеха. У нас редко бывает, чтобы кого-то вызывали «на ковер» дважды. Что ни говори, такой урок долго помнится.

Высокая дисциплина, четкая организация труда помогают самолетостроителям из месяца в месяц, из года в год добиваться отличных успехов. Прошлогодний план по реализации продукции коллектив завода выполнил 26 декабря. Только в одном этом сборочном цехе 53 человека закончили свои личные пятилетние задания за четыре года. К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина свою пятилетку здесь выполнят не менее ста человек.

На обратном пути из цеха, проводив глазами обогнавший нас автобус, я сказал Ю. В. Недашковскому:

— Опять рейсовый...

— Нет,— ответил он.— На этот раз поехала делегация. Иностранцы. Прибыли принимать очередную машину. Последнее время у нас особенно много заказов от иностранных компаний. Это впрямую связано с энергетическим кризисом, разрастающимся на Западе. Наша машина взлетает со всех грунтовых аэродромов и «съедает» много меньше топлива, чем другие модели этого класса.

Мощный тягач вез на летно-испытательную станцию очередной самолет. Сегодня еще один серебристый Ан впервые поднимется в небо.

Киев.

Л. ЛЕРОВ **Фото А. БОЧИНИНА**

ОТЧЕТ ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ

Репортаж с открытого партийного собрания в подмосковном госплемзаводе «Заря коммунизма». В повестке дня — «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически».

— Трудиться надо так, как сегодня сказал нам Ленин...

Нет, оратор не оговорился. Бригадир монтажников Ф. Л. Мшвелидзе даже постарался интонационно подчеркнуть слово **сегодня**, вызвав гул одобрения товарищей. Они его правильно поняли. Два часа назад, когда в атмосфере волнующей приподнятости открывалось это собрание, в притихшем зале раздался голос Владимира Ильича. Люди поднялись с мест, чтобы стоя слушать записанную на граммофонную пластинку речь В. И. Ленина «О трудовой дисциплине». «Как живой с живыми говоря», призывал Ильич: «Да здравствует трудовая дисциплина, рвение в труде, преданность рабочему и крестьянскому делу!». И на ленинский этот призыв, донесшийся сюда сквозь шесть десятилетий, уверенно отвечали сегодня хозяева земли подмосковной: «Вот так, по-ленински, трудились мы!..»

Секретарь МК КПСС В. М. Борисенков вручает почетные Ленинские грамоты.

Им не занимать рвения в труде. Оно — и в овладении передовой агротехникой и в совершенствовании организации труда. Не занимать им рвения и в воспитании людей, в воспитании того всепобеждающего чувства, к которому призывал Владимир Ильич,— «преданности рабочему и крестьянскому делу». Об этом они и говорили на собрании, обсуждая доклад секретаря Домодедовского горкома партии В. Г. Раткина.

Молодому хозяйству — ему только 20 лет — многое было дано государством. Это в немалой мере и определило взятый и настойчиво осуществляемый курс на высокие стандарты продуктивности и урожайности, на устойчивые урожаи всех культур вопреки каверзам природы. Ордена Ленина Госплемзавод стал флагманом молочного животноводства. И, как полагается флагману, он удостоился переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам работы в 1979 году.

Было интересно слушать, сколь деловито, без похвальбы, но с достоинством, с трезвой оценкой свершенного и с ленинской непримиримостью к упущениям, следуя совету Владимира Ильича «смотреть правде прямо в лицо», люди держали отчет: «Что я сделал для общего блага?»

Идет открытое партийное собрание.

Первым поднялся на трибуну Кирилл Петрович Миронов, ветеран партии, труда, войны, секретарь парторганизации отделения, бессменный пропагандист, один из самых уважаемых здесь людей. Удивительно точно сформулировал он тот душевный настрой, с которым шли сюда люди.

— Убежден, что не только я, но и все заревцы, готовясь к собранию, держали отчет перед партией, перед своей совестью, по Ленину сверяли свои дела и поступки.

И вот он с удовлетворением докладывает, что показала «сверка». Миронов помнит, с чем на старт выходили. Примитивные скотные дворы. О механизации и не мечтали. 1700 килограммов молока от коровы считалось за благо. А зерновых собирали по 7—8 центнеров. Соответственно — и оплата труда. Рабочих привозили из соседних деревень. Поработает неделю-другую, и след его простыл. Так было. Кое-кто сомневался — поднимемся ли на гору? Поднялись! Поднялись по дороге, указанной партией, решениями ее съездов, пленумов ЦК КПСС. Теперь ему приятно оглянуться с горы, Кириллу Петровичу.

— За последние четыре года урожай в среднем составил у нас около сорока шести центнеров. Надои молока — более пяти тысяч килограммов. Ко дню Ленинского юбилея наша ферма, где я работаю бригадиром, даст прибавку к уровню прошлого года в сто двадцать килограммов молока. На примере нашего хозяйства видно, как партия целеустремленно осуществляет ленинскую аграрную политику, претворяет в жизнь заветы Ильича о стирании граней между городом и деревней. Наше высокомеханизированное хозяйство переведено на промышленную основу. Мы делом доказали, что дает работа с орошаемыми культурными пастбищами, организация труда по щенинскому методу. Глубоко символично само название нашего хозяйства — «Заря коммунизма».

Отблески этой зари приметны тут каждому. И этот агрогород, и Дом культуры на главной площади центральной усадьбы, и многоэтажные жилые дома — практически каждая семья имеет отдельную квартиру со всеми удобствами. Школа, детские сады, поликлиника, торговый центр, служба быта...

И тем не менее еще не все так ладно, как хотелось бы ветерану. Тревожит его, что не всегда взыскательно оценивают результаты труда, поведение людей. И тут уж разговор переходит «на личности». Называются фамилии тех, кто недостойно ведет себя. Страдает от них и дело, и семья, и, что особенно беспокоит коммуниста-пропагандиста, на молодежь они не лучшим образом влияют.

Почти никто из выступавших не обходил «острые углы» — проблемы, еще не решенные, высоты, еще не взятые. Об этом говорил и докладчик В. Г. Раткин («Несколько снизилась культура земледелия; высока себестоимость продукции; тревожат пестрота урожайности, текучесть кадров»); и директор племзавода Г. М. Никифоров («От каждой сотни коров получено только семьдесят семь телят. Мало! Невысоко еще качество кормов»); и мастер машинного доения Р. М. Васильева,

Чимкентская область. Сев в разгаре.

СОВЕТУЯСЬ С ЗЕ

■

Когда читатель увидит эти фотографии, сев в колхозе «Победа» Чимкентской области будет завершен, но бригадир Абдурахман Бердыев без дела не останется. Сев закончится и во всей Чимкентской области, и в соседней Джамбулской, и в части Алма-Атинской, распространяясь постепенно все дальше к северу Казахстана, на целинные земли. Там основная житница республики, но и юг внес свою долю в прошлогодний миллиард. Вряд ли нужно говорить, что хлебороб, выводя в поле посевные агрегаты, мечтает о высоком урожае. Однако природе нет дела до его мыслей, и каждый год вступает она в единоборство с разумом и умением человека.

Весна на юге нынче выдалась затяжная. То снег, то дожди долго не давали начать сев. А время шло. Земля зябла, и солнце не спешило ее согреть. Вот оно и наступило, первое испытание земледельца,— испытание севом. Бросишь семена в холодную почву — ничего не получишь. Опоздаешь посеять — тоже промахнешься. Где же заветная золотая середина? Агрономы, рассуждая о запасах влаги, хмуро смотрели в серое небо и понимали, что природа отпустит этой весной для сева дня три, четыре — не больше. Потом сразу придет жара. Аксакалы выходили в поле, мяли в пальцах комья почвы и тоже хмурились — рано!

Бригадир Абдурахман Бердыев вспоминал, что в прежние времена (а он в колхозе «Победа» с 1938 года) в эту пору уже всходы появлялись, и начинал сомневаться сам в себе: удастся ли выполнить взятые обязательства? И не уставал напоминать трактористам, сеяльщикам, чтобы техника была готова в любой момент. И не уставал «советоваться с землей», как он говорил. Советовался он так: уходил от дороги в поле на сотню примерно метров и, не останавливаясь, возвращался обратно. Тут счищал густые комья земли с подошв и молча уезжал. Молчал — значит, и говорить нечего, сеять рано. Но вот однажды он, возвратясь с поля, задумчиво посмотрел на свои ботинки с едва налипшими крупинками почвы и решительно произнес: «Начинаем завтра». Агрономы обычно с ним соглашались. Вот к этому «завтра» я и подоспел.

...Мы ехали к Ближней горе, где сеяли уже вовсю. Вдали прыгала по камням горная речка Аксу, по сторонам зеленели озимые, обочины дороги густо усеяли крупные подснежники.

— Красиво,— сказал я.

— Пора тюльпанов наступает, а эти все не уходят,— с неудовольствием отозвался секретарь парткома Таджимат Рахатов. И добавил:— Вот где красиво!

Я увидел на склоне горы трактора. Их было много, и шли они по большому кругу, то скрываясь из виду, то вновь появляясь. Постепенно я разобрался, что к чему. Ближе к центру все сужающимися концентрическими кругами ходили мощные «Кировцы», которые вели предпосевную обработку почвы. За ними, словно в погоню, устремились шесть сеялок. Зерна падали в нагретую влажную землю, как в колыбель. Теперь мать-земля будет их баюкать, питать своими соками... На краю поля стояли еще шесть сеялок, без тракторов. Я спросил: «Зачем они?»

наставница молодежи, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени («В нынешнем году мы на своей ферме допустили небольшое снижение продуктивности коров по сравнению с прошлым годом. Есть еще неиспользованные резервы»).

Резервы... Их тут ищут не только в технико-экономическом потенциале, но и в духовном, нравственном, в искусстве формировать личность, увлечь ее интересами общего дела. Вот, например, комплексная бригада монтажников Ф. Мшвелидзе. Девиз ее — ленинский завет: один за всех, все за одного! Трудятся по-злобински, по единому наряду. В совет бригады поступает вся сумма заработанных денег. И распределяет он ее в зависимости от КТУ — коэффициента трудового участия. Легко представить, какие сложные психологические, морально-этические коллизии тут возникают и какое знание людей требуется от бригадира. И как ему порой трудно бывает — кто-то выпил и не вышел на работу, а кто-то обиделся на несправедливое решение и уволился. И доярка Р. Васильева говорит на ту же тему. «Вместе, сообща боремся за укрепление трудовой дисциплины, сплочение коллектива. Но не всегда воспитание молодежи проходит гладко. Нам, наставницам, приходится проявлять много такта, терпения. Но все затраты энергии на такое дело окупаются с лихвой». Тут Васильева и видит резервы.

Они, эти резервы, и в идейно-политическом и в нравственном воспитании людей. О том и ведет речь старший зоотехник, заместитель секретаря парткома В. Я. Зайцева. Она тоже отчет держит — что сделано для выполнения постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». И приводит убедительный пример: в прошлом году слушатели кружка экономических знаний подали более 20 рационализаторских предложений. Внедрение их дало экономический эффект почти в 50 тысяч рублей.

• • •

На собрании выступил член ЦК КПСС, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

Кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь МК КПСС В. М. Борисенков вручил почетные Ленинские грамоты наиболее отличившимся в предъюбилейном соревновании, тем, кто уже выполнил личные пятилетние задания.

Правофланговые... Звеньевой Е. И. Вислогузов, мастер машинного доения Р. М. Васильева, механизатор Б. П. Серегин, свинарка М. Ф. Львова, секретарь парткома А. М. Бушунова, доярка Н. Е. Толкачева и механизатор В. А. Пикалов.

Бригадир полеводов Абдурахман Бердыев.

МЛЕЙ

— Чтобы сев не прерывать,— ответил Бердыев.— Они уже заправлены семенами. Трактора приведут сюда пустые сеялки и подцепят эти. Каждая минута на счету. Поэтому и трактора горючим заправляем прямо в борозде. Сев идет круглые сутки, не прерываясь.

— Какой урожай надеетесь получить?

— Не меньше, чем в прошлом году, центнеров по двадцать пять с гектара. Это в среднем, тем более что в этом году нашему колхозу исполнилось пятьдесят лет. Подкачать никак нельзя.

О колхозном юбилее мне уже говорили, как и о том, что доходы «Победы» составили свыше девяти миллионов рублей за один год, а чистая прибыль — три миллиона двести тысяч...

«Кировцы» между тем справились со своей задачей и прямым ходом отправились готовить для сеялок следующее поле. Хлеборобы торопились, потому что знали: хороший сев — залог хорошего урожая.

Ю. ЛУШИН

Фото автора

Участники открытого партийного собрания с большим воодушевлением приняли приветственное письмо Центральному Комитету партии, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

• • •

...Поздним вечером мы возвращались домой. На Каширском шоссе уже стало посвободнее. Оглянуться не успели, и Домодедово осталось позади. А впереди — Ленинский район, Горки Ленинские. Вспомнились сказанные на собрании слова об особой ответственности тех, кто живет, трудится на землях этого микрорегиона Подмосковья: здесь бывал Ильич, здесь трудился и отдыхал Ленин. И вот уже мелькнул на обочине указатель дороги к дому-музею, к дому, где все напоминает о последних днях и часах жизни человека, чье ученье, чьи идеи, мысли неподвластны времени. Они бессмертны. О том и говорили на собрании...

США — КУРСОМ АГРЕССИИ

Юрий КОРНИЛОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Персидский залив, Ормузский пролив... Эти географические названия не сходят в последнее время со страниц мировой прессы. Сообщения, поступающие из данного региона, все чаще напоминают сводки с театра военных действий. В Персидском заливе сконцентрирована и продолжает наращиваться огромная армада военных кораблей США. Пентагон приступил к разработке детальной схемы минирования залива. Пентагоновские стратеги не исключают возможность использования в зоне залива тактического ядерного оружия...

Попытки США превратить Ближний и Средний Восток в зону американского господства — курс не новый, он возник не сегодня и не вчера. Хорошо известна и подоплека этого курса: зона Персидского залива — величайшая «нефтяная кладовая» земли, здесь сосредоточено более 46 процентов всех разведанных в несоциалистическом мире запасов «черного золота», расположенные в этом регионе государства поставляют свыше 60 процентов всей импортируемой Западом нефти. Ормузский пролив — важнейшая артерия, питающая жидким топливом экономику США и многих других западных стран: за год танкеры вывозят через эти «ворота» в Индийский океан миллиард тонн нефти! Запах нефти — вот что издавна влекло и влечет сейчас к странам Ближнего и Среднего Востока империалистических хищников.

Но, хотя нынешние экспансионистские действия США в зоне Персидского залива — продолжение их прежнего империалистического курса, сегодня, когда Вашингтон, охваченный безудержными гегемонистскими амбициями, пытается возвести методы разбоя и шантажа в ранг закона в международной политике, эти действия приобрели такие масштабы и столь наглый интервенционистский характер, что есть все основания говорить об открытой агрессии Вашингтона против нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока. Планы этой агрессии осуществляются одновременно по нескольким основным направлениям. Это — беспрецедентное наращивание американского военного присутствия в Индийском океане, в Аравийском море и Персидском заливе. Это — создание так называемого «корпуса быстрого реагирования», призванного выполнять роль дубинки в отношении стран и народов, не желающих строить свою жизнь по рецептам американских гегемонистов. Это — активные поиски новых военных опорных пунктов и баз на чужих территориях, от Омана до Кении, и столь же активные попытки, опираясь на эти базы, сколотить некую новую милитаристскую «ось», заменив ею развалившийся агрессивный блок СЕНТО.

Покушаясь на суверенитет и независимость нефтедобывающих стран, Вашингтон все более настойчиво стремится вовлечь в свои имперские замыслы младших партнеров по НАТО. «Западная Европа в гораздо большей степени заинтересована в Персидском заливе, чем Америка»,— внушает союзникам США У. Т. Беннетт, постоянный представитель США в Совете НАТО, забывая, видимо, о том, что зависимость Западной Европы от ближневосточной нефти отнюдь не диктует ей путь авантюр. Расшифровывая это заявление, «Нью-Йорк таймс» призывает западноевропейские страны — члены НАТО позаботиться «об обеспечении коммуникаций», необходимых для переброски пентагоновских соединений на Ближний и Средний Восток. Знакомые погудки! Налицо лишь слегка модифицированная концепция вашингтонских геополитиков, которые давно уже выступают за «расширение сферы деятельности НАТО», за то, чтобы щупальца этого агрессивного империалистического блока протянулись бы и на Ближний Восток, и в Африку, и в Азию...

На днях президент Дж. Картер объявил о разрыве дипломатических отношений между США и Ираном. Совершив эту акцию, Вашингтон сам подтвердил, что нынешняя американская администрация делает ставку не на урегулирование, а напротив — на разжигание конфликта, что Белый дом, нарядившись в тогу «друга ислама», на деле выступает как враг Ирана и других исламских государств. Характерно, что нынешние атаки Вашингтона на Иран совпадают по времени с новым туром американо-египетских и американо-израильских переговоров, одна из целей которых — укрепление тройственного военного альянса, нацеленного против нефтедобывающих государств. Надо ли удивляться, что «ястребы» Вашингтона действуют в одной упряжке с Тель-Авивом, ревностно исполняющим функции американского жандарма? Надо ли удивляться, что бряцание американским оружием в зоне Персидского залива сопровождается все новыми акциями по укреплению связей Вашингтона с сионистским Египтом, президент которого А. Садат, этот иуда в арабской нации, предал и продал арабское дело?

Милитаристским акциям США придано и соответствующее «пропагандистское обеспечение»: совершая открытую агрессию против нефтедобывающих государств, Вашингтон одновременно на все лады муссирует насквозь фальшивую версию о том, будто с некоторых пор в мире возникла «дуга кризисов», простирающаяся от Ирана до Эфиопии, вновь и вновь пускает в оборот злонамеренные вымыслы о мифической «советской угрозе», отыскивая сию несуществующую «угрозу» то на просторах Индийского океана, то в дебрях Африки, то в горах Афганистана. Ложь, господа! СССР никогда не претендовал и не претендует на чужие богатства, он никогда не покушался и не покушается на безопасность других государств. Что же касается утверждений Вашингтона и кампании о «стремлении СССР прорваться к теплым морям», то подобная пропагандистская пиротехника — не что иное, как попытка выдать черное за белое, отвлечь внимание международной общественности от опасных агрессивных замыслов американской администрации.

В свое время германский кайзер Вильгельм II гравировал на своих пушках по-латыни: «последний аргумент императора». Не знаем, есть ли на американских орудиях, наведенных на страны Ближнего и Среднего Востока, какие-либо иные надписи, кроме «сделано в США», но Вашингтон явно считает авианосцы, пушки и бомбы «главным аргументом» в своих притязаниях на установление военного протектората над источниками нефти. Однако времена «политики канонерок» прошли, прошли навсегда, и народы нефтедобывающих стран, на чьей стороне поддержка и симпатии всех прогрессивных миролюбивых сил, преисполнены решимости дать должный отпор вашингтонским гегемонистам.

ВЕНТСПИЛС

ГАЗОВОЗ-ИСПОЛИН

1 В диспетчерских сводках Латвийского морского пароходства появилось название нового специализированного судна-газовоза — «Моссовет». Это самый крупный теплоход газовозной флотилии, выход которого на международные линии знаменует собой новый этап в транспортировке химических грузов. Построенный по заказу «Судоимпорта» на итальянской судоверфи, он предназначен для перевозки нефтяных сжиженных газов и аммиака. Вот что рассказал капитан судна Григорий Кириллович Сталоверов:

— Наше судно отвечает самым современным требованиям. Предусмотрено безвахтенное обслуживание главного двигателя мощностью 21 600 лошадиных сил, который добротно сделан брянскими машиностроителями. Высокий уровень механизации и автоматизации всех процессов позволяет экипажу из 36 человек обслуживать этот морской исполин.

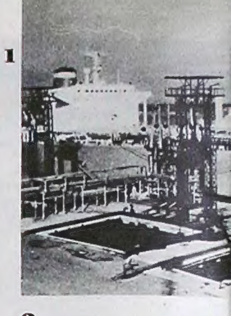
Морякам на судне созданы хорошие условия: у каждого отдельная комфортабельная каюта, есть помещение и открытая площадка для занятий спортом, плавательный бассейн, сауна, фотолаборатория, библиотека. Скоростной лифт обеспечивает удобное сообщение между восемью палубами.

Я. ЛЕВИТ

На снимке: «Моссовет» под загрузкой.

Фото автора

1

ЗАПОРОЖЬЕ

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ ГОЭЛРО

2 В эти дни, когда народы мира отмечают 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, заканчивается сооружение комплекса Днепровской гидроэлектростанции, носящей имя великого вождя. Вряд ли еще найдется стройка в стране, которая снискала бы себе такую славу. Днепрогэс стал «для нас как бы символом индустриальной мощи Страны Советов»,— писал в книге «Возрождение» Леонид Ильич Брежнев.

История Днепрогэса необычна. Станция создана по ленинскому плану ГОЭЛРО. Первый ток она дала в октябре 1932 года. А уже в 1939 году коллектив станции был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Фашистские захватчики варварски разрушили гидроузел. Многие зарубежные да и наши специалисты считали, что восстановить его нельзя. Но советский народ под руководством партии сделал, казалось бы, невозможное: Днепрогэс был восстановлен в небывало короткие сроки.

В 1974 году на левом берегу Днепра пустили первый агрегат Днепрогэс-2. Сегодня уже работают семь агрегатов новой станции, пристроенной к той же плотине, что и Днепрогэс-1, только у противоположного берега. Пуск последнего, восьмого, агрегата состоится в канун празднования 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Теперь мощность Днепрогэса достигнет почти полутора миллионов киловатт.

Идут последние наладочные работы и на сооружении нового судоходного шлюза. Он позволит увеличить грузоперевозки по реке на 13 миллионов тонн в год. А среднее время шлюзования сократится вдвое.

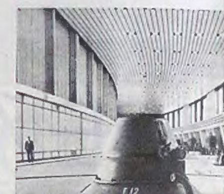
Ныне уже можно сказать: на днепровском берегу в Запорожье создана целостная композиция, в которой памятник В. И. Ленину, площадь, носящая его имя, две гидростанции и шлюзы объединены в единый архитектурный ансамбль.

И. СЕРГЕЕВА

На снимке: Новый машинный зал Днепрогэса.

Фото А. Красовского (ТАСС).

2

АЛМА-АТА

ВЕКОВЫЕ ПЕСНИ КОБЫЗА

3 Сначала я услышал пение жаворонка и крик дикого гуся. Потом тихонько заржал жеребенок, затявкала степная лисица, завыл волк и... заплакал ребенок. Трудно было поверить, что все эти звуки издавал простенький курай-ыскыргыш — свистковая флейта, вырезанная из обычного тальника. Болат Шамгалиевич Сарыбаев, кандидат искусствоведения (впрочем, совсем недавно он защитил докторскую диссертацию), профессор Алма-Атинской консерватории, бережно положил курай на стол и, улыбаясь, смотрел на меня.

— Этому инструменту почти двести лет,— сказал Болат Шамгалиевич.— Мы нашли его в Восточно-Казахстанской области... А вот кобыз, найденный под Чимкентом, постарше. Неизвестный мастер сделал его примерно три столетия назад, и трудно сказать, какие приключения ему выпали.

Мы переходили от одного старинного инструмента к другому. Их названия звучали загадочно — сыбызгы, асатаяк, сырнай, туянтас, шертер, ускирик, а количество, почти 350, настоящий музей, просто поражало. И на каждом из них, что самое удивительное, Болат Шамгалиевич виртуозно играл, о каждом мог прочитать целую лекцию. Как раз начала очередной такой лекции я и ждал: студенты консерватории уже собирались у профессора.

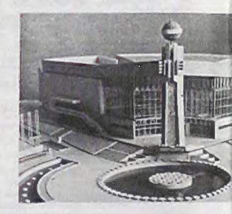
Поиск старинных музыкальных инструментов он начал три десятилетия назад, даже не предполагая, какое богатство бережно хранится казахским народом. Некоторые из инструментов Сарыбаев впоследствии попытался усовершенствовать, придать им бо́льшую широту звучания. Получилось. Их возможности демонстрировал прошлым летом самодеятельный инструментальный ансамбль «Шертер» из Аркалыка на гастролях в Индии. Там они прозвучали впервые, вызвав большой интерес любителей народной музыки.

Каждое лето профессор Сарыбаев отправляется в новую экспедицию. Нынешний маршрут — Оренбургская область, где живут потомки известного акына Асана-кайгы (Асана-печального), которые хранят его знаменитый кобыз. Может быть, и этот инструмент найдет свое место в квартире-музее.

Л. ЮРЬЕВ

На снимке: Б. Ш. Сарыбаев со своей коллекцией старинных музыкальных инструментов.

Фото автора

ЧЕЛЯБИНСК

КОВАЛЬ МИРА

4 В одном из выставочных залов Челябинска, где представлены художественные изделия мастеров каслинского литья, внимание посетителей неизменно привлекает скульптура из чугуна «Коваль мира», созданная неизвестным автором. Графическая четкость силуэта, динамизм, тщательная отделка деталей отличают это произведение.

— Не случайно именно эта работа, отлитая кусинскими умельцами по модели, представленной каслинскими мастерами,— сказал главный скульптор Каслинского чугунолитейного завода А. Гилев,— была подарена Владимиру Ильичу Ленину и до сих пор украшает его кабинет в Кремле.

Традиции каслинских рабочих, сложившиеся в XIX веке, сегодня продолжают молодые мастера литья. Их искусство воплощается в образах современников: рабочих, землепашцев, воинов, ученых. К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина мастера каслинского художественного литья выпускают новые работы: скульптурные портреты вождя мирового пролетариата и его соратников, а также композиции, рассказывающие о трудовом и ратном подвиге советского народа, строящего коммунизм.

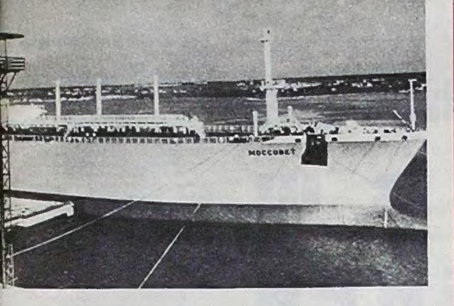
В. ЗАСЕЕВ

На снимке: «Коваль мира» неизвестного автора в челябинской экспозиции.

Фото автора

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

3

4

5

6

УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТ — ГОРОД КИНОФЕСТИВАЛЬНЫЙ

5 Столица Узбекистана — традиционное место встреч кинематографистов трех континентов: Азии, Африки и Латинской Америки. Через каждые два года они собираются здесь на фестиваль, проходящий под девизом «За мир, социальный прогресс и свободу народов!» Сейчас Ташкент готовится к шестому международному кинофестивалю, который будет проходить в последнюю декаду мая 1980 года.

— Авторитет этого крупнейшего кинофорума растет,— говорит К. Р. Расулов, заведующий отделом пропаганды и агитации Ташкентского горкома Компартии Узбекистана.— Гуманистическая его направленность привлекает все новые творческие силы, особенно из развивающихся стран, борющихся с вековым наследием колонизаторов, за расцвет своей экономики и культуры. Пример же развития нашей страны, пример советского кино, и в том числе узбекского,— истинный источник вдохновения для гостей и участников ташкентского кинофорума.

— В чем наиболее яркая его особенность?

— Пожалуй, в отсутствии конкуренции. Здесь царит дружба, господствует бескорыстный обмен жизненным и профессиональным опытом, всегда участники находят поощрительную поддержку, взаимопонимание.

Начальник управления кинофикации Ташкентского горисполкома Т. У. Хидиров добавляет:

— Отмечу еще и другие характерные черты. От фестиваля к фестивалю растет число участников и гостей. Соответственно растут и заботы организаторов фестиваля. Мы хотим, чтобы у гостей осталась добрая память о Ташкенте.

— Что же делается для этого сейчас?

— Фестивальные киноленты будут демонстрироваться в двенадцати кинотеатрах города. Они оснащаются новейшей техникой, аппаратурой дневного показа. В более отдаленной перспективе в нашем городе будет построен специальный кинотеатр «Фестивальный», гигант с тремя просмотровыми залами и помещениями для пресс-конференций, творческих встреч... Сейчас готовятся выставки; в оформлении многих кинотеатров будут отражены успехи зарубежных участников фестиваля... В праздничный наряд оденутся улицы и площади, парки и скверы города, появятся и экраны под открытым небом для бесплатного показа фестивальных художественных и документальных кинолент.

Ташкент готов встретить дорогих гостей.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька».

Фото В. Сваричевского

На снимке: Таким будет кинотеатр «Фестивальный».

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

ШАРИК, ДАМКА И МЕДВЕДЬ

6 Есть в Иркутской области питомник охотничье-промысловых собак, кстати, единственный в стране, специализирующийся на разведении восточносибирской лайки. Собака эта редкая, очень ценная, порой просто незаменимая. Не случайно все охотники на гигантском расстоянии от Урала до Амура мечтают обзавестись именно восточносибирской лайкой.

— Секрет прост,— предупреждает мой вопрос старший ветеринарный врач питомника С. Н. Александров.— Во-первых, наша собака самая крупная и крепкая из всех лаек. Во-вторых, она универсальна. С восточносибирской лайкой можно ходить на соболя, белку и прочих пушных, а также на лося, изюбря, рысь и медведя... Теперь представьте такую картину: в шестидесятые годы эта ценнейшая порода собак стала вырождаться. Слава богу, вовремя спохватились и решили создать питомник. Здесь была глухая тайга. А сейчас жилые дома, вольеры, холодильники, овощехранилище, гараж, котельная и, конечно же, ветлечебница.

— Вы говорите, лайка вырождалась. Тогда где же брали собак для питомника?

— Это целая история,— вздохнул С. Н. Александров.— Пришлось искать и отбирать собак в Бурятии, Иркутской области и Красноярском крае. Там есть такие глухие места, где, кроме охотников-промысловиков, никто не бывает. А раз так, значит, никакие беспородные и приблудные собаки не попадают. Короче говоря, бродил от зимовья к зимовью, вел долгие беседы с промысловиками, уговаривая продать в питомник своего Шарика или Дамку. Сейчас у нас сто сук и двадцать кобелей. Кроме того, двадцать шесть голов так называемого ремонтного стада, то есть молодняка, который оставляем для себя. Охотникам ежегодно продаем до трехсот двадцати щенят. Заявки, само собой, на много лет вперед. Каждый промысловик-профессионал дрессирует и натаскивает собаку сам. При этом он заранее учитывает, с каким зверем лайке работать. Соболятница — это одно, а, скажем, медвежатница — совсем другое: учат их по-разному.

— Скажите, а почему в питомнике живет медведь? Зачем он здесь?

— А как же! Мы обязаны держать будущих родителей в хорошей охотничьей форме. В трехстах километрах отсюда у нас даже есть свои угодья, где егеря натаскивают, мы иногда говорим — притравливают, собак на того или иного зверя. Для этого и медведь. Во время натаски мы его держим неподалеку на крепком ошейнике: бегает он на тросе и сражается с лайками...

А потом мы пошли к вольерам. Сегодня мороз под сорок, но полуторамесячные щенки спокойно живут на открытом воздухе. Смотришь на этих симпатичных, пушистых крепышей, и как-то не верится, что через год-другой они выйдут на охотничью тропу и сам хозяин тайги будет избегать встречи с ними. Правда, стоит подойти к другим вольерам, где живут отцы этих малышей, и все сомнения рассеиваются...

Б. СОПЕЛЬНЯК

На снимке: Старший ветврач С. Н. Александров осматривает щенка перед тем, как передать его охотнику.

Фото А. Награльяна

адреса великих свершений

Юрий КОЗЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

СТАЛЬНОЙ КОВШ СИБИРИ

Солнечным зимним днем стояли мы с Геннадием Григорьевичем Поздникиным, заместителем начальника комбината «Красноярскэкскаватортяжстрой», в самом центре будущего завода тяжелых экскаваторов. Снег ровно покрывал все двести сорок гектаров стройплощадки. Белые искрящиеся холмы убегали к горизонту и там сливались с голубым небом. Редкие красные и желтые экскаваторы и бульдозеры — все больше поодиночке — маячили вдали. Ледяной ветер задувал в лицо.

— Над нашей строительной площадкой хоть на вертолете летай!— сказал Поздникин и запрокинул вверх голову, словно над площадкой уже стрекотал вертолет.— Двести сорок гектаров! С чем сравнить можно? Даже не знаю. Ну, КамАЗ, «Уралмаш», «Атоммаш»...

Стройплощадке действительно не было конца и края. Проблемам, которые надо решать, тоже. Оба мы, конечно, понимали, что в данный момент стройка только-только выходит из нулевого цикла. Кончатся эти проблемы, начнутся другие — и так до самого пуска. Однако вместе с проблемами будут расти и корпуса завода, и в конце концов будет праздничный митинг, и первый красноярский экскаватор, усыпанный цветами, сойдет с конвейера — все это было ясно. Но сейчас... Сейчас думалось: а какой, собственно, ценой будут решаться проблемы? Привычно высокой, когда в результате всевозможной несогласованности, нечеткого снабжения и прочих — увы!— частых в строительстве недостатков от коллектива потребуется максимальное напряжение сил? Или же стройка будет расти в гармонии с проектами и планами, все будет делаться в срок и без напряжения, с той организованностью и продуманностью, о которых шла речь в прошлогоднем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». И сверхчеловеческого напряжения не потребуется.

Накануне я побывал в проектирующих и планирующих организациях и уже располагал кое-какой информацией. Стройка уникальна. И по объему капитальных вложений — полная проектная стоимость почти два миллиарда рублей,— и по технологии строительства. Одно только применение новых строительных конструкций позволит сократить сроки почти в два раза. Институт «Главпромстройпроект» разработал систему мероприятий по уменьшению затрат. В результате число людей на стройке сократится почти на тысячу человек! Продукцию рассчитывают получить уже через четыре года, первая очередь — около восьмидесяти роторных, шагающих и ковшовых экскаваторов!

Темпы диктует время. В Красноярском крае идет усиленная разработка Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Экскаваторы здесь требуются как нигде. Выходит, эффективность разработки угольного бассейна впрямую зависит от строительства завода. Вот какой «узелок» предстоит развязать комбинату «Красноярскэкскаватортяжстрой». И масштаб задач, по-видимому, должен определять подход к делу.

Но я располагал и другой информацией.

— В 1981 году необходимо пустить котельную, объекты инженерного обеспечения, линию электропередачи, водопровод,— говорил заместитель директора завода по строительству Александр Калимулович Мавлютов.— Мы, естественно, волнуемся, наберет ли стройка темп. План прошлого года выполнили, освоили восемнадцать миллионов рублей. А в этом году только за один месяц надо освоить пять миллионов! И винить стройкомбинат как-то неловко. Он сейчас на все сто процентов зависит от поставщиков, а те, неизвестно, дадут бетон или не дадут. Привезут арматуру или не привезут?

А, с другой стороны, кого винить? Минтрансстрой? Они к началу года на строительстве подъездной железной дороги к заводу должны были освоить миллион четыреста тысяч рублей, а освоили только пятую часть! Восемнадцать процентов! Или Минэнерго? Они отстают на строительстве котельной. Ее скоро нужно будет сдавать, а они только одиннадцать свай забили. Но я-то заказчик! Мне уже завтра может оборудование для завода пойти, а как я его без железной дороги на территорию завезу, как смогу его на складе обогреть, если нет котельной? Поставщиков огромное количество, а вот четкой координации нет...

...Стройплощадка завода тяжелых экскаваторов находится в восемнадцати километрах от города. Ехать туда надо по так называемому Енисейскому тракту, ведущему на север.

На стройке я оказался под конец рабочего дня и сразу пошел в диспетчерскую, потому что все другие помещения были закрыты. Главный диспетчер, совсем молодой человек, Владимир Грибановский куда-то опаздывал.

— Наш комбинат «Красноярскэкскаватортяжстрой» был организован специально для сооружения завода,— говорил он, одеваясь и складывая в портфель бумаги со стола.— Но сейчас мы полностью зависим от поставщиков. Основная нынче работа — бетон. Чтобы план выполнять, нам надо в день более четырехсот кубов, а случается, по семь-восемь привозят. Я диспетчер, моя обязанность людей работой обеспечить, а как я их могу обеспечить, если бетон не везут? Вот посмотрите, какие проблемы решаем!—протянул листок Грибановский и скрылся за дверью. В диспетчерской воцарилась благостная тишина. Только обогреватель в углу потрескивал да вспыхивали на рации огоньки.

«СУ-89». Нет оборудования».

«СУ-91». Должны были принять 190 кубических метров сборного железобетона — привезли 16 кубических метров!»

«Бетон!!!»

«Нет арматуры!»

«СУ-91». Арматура! Бетон!» На листке, помимо деловых замечаний, был нарисован изящный девичий профиль.

В этот самый момент дверь распахнулась, и в диспетчерскую вошел Геннадий Григорьевич Поздникин — в тот вечер самый главный человек на строительстве. Начальника комбината Н. Н. Шкурина незадолго до этого перевели в Москву, в министерство.

За несколько минут мы очертили круг вопросов. Как преодолеть хроническую нехватку бетона и арматуры? От чего зависит выполнение комбинатом плана? В чем причины межведомственной несогласованности на столь ответственной стройке?

Я достал блокнот, приготовился слушать Поздникина, а он вдруг:

— Чего здесь-то, в диспетчерской, сидеть? На площадку поехали! Там на месте и будем разбираться.

— На ночь глядя?

— Ничего,— засмеялся Поздникин,— прожектора светят...

Ночью двести сорок заснеженных гектаров вид имели еще более загадочный. В лучах прожекторов бесился снег, звезд на небе было не видно. Как-то не верилось, что завтра ударит мороз — его обещали по радио. Разноцветные экскаваторы, копошащиеся в огромных котлованах, напоминали фантастические механизмы. Поздникин называл цеха, корпуса, сооружения будущего завода. Чувствовалось, ночь ему не помеха. Он и с закрытыми глазами может ездить по этой огромной территории. Шофер чертыхался:

— Не помню! Совершенно не помню этих дорог!

Поздникин смеялся:

— Что же ты, дружок, выдаешь своего шефа?

— Как это выдаю?

— Раз дороги не помнишь, значит, редко сюда твой шеф ездит. А ему, между прочим, положено здесь каждый день быть!

Разбегаются, переплетаются дороги... Наконец, остановились.

— Ну как?— спросил Поздникин.

— Спасибо... за экскурсию!

— Экскурсия...— засмеялся Поздникин.— Какая же это экскурсия? По стройке ездили, причем небывалой для нашего края. До сих пор какими в основном объектами занимались? Ну, там сто — двести миллионов. А здесь-то счет на миллиарды! Дело-то новое! Можно сказать, первотропом идем. Как же здесь без издержек?

— Выходит, чем стройка крупнее, тем и издержки больше?

— А с другой стороны,— словно не услышал меня Поздникин,— такой размах... Твори, пробуй, проявляй способности! Нет, настоящий строитель о такой стройке только мечтать может!

Над железобетонной коробкой раскачивался прожектор. Казалось, чуть посильней подуй ветер, и упадет прожектор, но он держался. Поодаль высилась еще одна железобетонная коробка.

— Полгода назад здесь жаворонки летали...— сказал Геннадий Григорьевич, вглядываясь в завывающее небо.

— Что перед нами за сооружение?— поинтересовался я.

— Это бетонный завод,— отвечает он.— И арматурный цех. В ближайшее время запустим.

— То есть...

— Да, мы предвидели, что обязательно возникнет ситуация, когда будет не хватать бетона и арматуры, и... решили сами выйти из положения за счет временно высвободившихся средств. Еще таким же образом построили одну котельную и два овощехранилища. Так что этой зимой мы с овощами.

— Ну, а как вы сами расцениваете положение, когда строителям фактически приходится брать на себя задачи других отраслей? Плюс это или минус?

— Минус на минус дает плюс!— засмеялся Поздникин.— Конечно, высокоразвитых, дублирующих друг друга производств в крае много. Хорошо бы их объединить, дать им одного начальника. Мы же не от хорошей жизни заводим у себя производства, которые нам в принципе иметь не положено. Это маневр, до поры до времени спасающий нас от просчетов поставщиков. Поведи, допустим, мы себя строго по инструкции, сидели бы сейчас с неосвоенными средствами, а бетон и арматура с неба бы на нас все равно не посыпались...

— То есть собственная инициатива помогает вам латать чужие дыры?

— Инициативе-то нашей приходится двигаться задом наперед. А была бы уверенность, что тылы крепки, что все поставки в срок,— эх!— Поздникин махнул рукой.— Однако же эта самая инициатива у нас гостья неслучайная. Чтобы воплотить ее в жизнь, нужен коллективный талант!

— Как неизбежное дополнение к проекту?

— Проект всегда исходит из идеальной ситуации,—ответил Поздникин,— а об идеальной ситуации в строительстве пока только

А. Ткачев. Род. 1925. С. Ткачев. Род. 1922. ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ. 1978.

мечтать можно. Представь себе, что роман читаешь — интересный, захватывающий! А потом по этому же самому роману бездарную телепостановку смотришь. Кто виноват? И режиссер, наверное, и актеры. Короче, исполнители. Выходит, проект талантливый создать — одно, а в жизнь его воплотить — не меньший талант нужен! — Поздникин поднял вверх палец.— Талант коллективный!

Об этом коллективном таланте у нас, помнится, такой разговор вышел.

— Талант такой в муках рождается,— заметил Поздникин,— но он обязательно рождается там, где есть, ну, хотя бы десяток людей, сознательно подчинивших все свое время, все свои силы, интересы работе, делу. Были в моей жизни моменты, когда на планерку, обыкновенную ежедневную планерку, как на праздник, ходил. Потому что знал: будут споры, будет ругань, но будут и мысли! А значит, будет дело! Начинаться должно все с самого начальника. Не случайно в строительстве распространено: уходит на другой объект начальник, за ним старые кадры тянутся. Тянутся, как правило, именно за талантливыми начальниками. Именно они создают в коллективе творческую атмосферу, когда человек оценивается исключительно по тому, что он дал общему делу. Одного исполнения служебных обязанностей мало! Безынициативные, слабые работники в таких коллективах не задерживаются, им просто тяжело. А для способных — все условия. Именно таким человеком был наш недавний начальник Николай Никитич Шкурин. ...Вот в прошлом году мы вроде неплохо план выполняли. А Шкурин все равно подгонял. «В росте главное темп, стабильность! — говорил.— По плану надо в три, а мы должны в пять раз вырасти, чтобы потом, при сбоях, темп не потерять...» — и как в воду смотрел. Поставщики бетоном не обеспечивают, а мы свой узел вот-вот запустим! Значит, сохраним темп!

У Геннадия Григорьевича богатейший, более чем двадцатилетний опыт работы. Он строил жилые дома в тресте «Жилстрой-1», строил в Ачинске цементный завод, в Красноярске знаменитый КрАЗ — алюминиевый завод, несколько лет работал в сельском строительстве. Прошел путь от мастера до заместителя начальника строительного комбината. Два года был секретарем партийной организации «Красноярсккрайсельстроя».

— Я тогда понял,— рассказывал Поздникин,— что сильная парторганизация тоже непременное условие так называемого коллективного таланта.

Мы стояли на холме по колено в снегу, а Поздникин объяснял, как с этого холма по рельсам повезут готовые, смонтированные блоки на площадку, где их останется только скрепить — и все! Потом мы спустились в траншею, где будет коммуникационный туннель, и Поздникин объяснил, насколько проще и надежнее будет конструкция туннеля по сравнению с обычными. Глаза у него горели, а рука твердо показывала, где что будет, и я чувствовал, что сам-то он уже видит и скользящие по рельсам смонтированные блоки и туннель с аккуратно уложенными в него трубами.

— В проекте не предусмотрено кирпичной кладки! — продолжал Поздникин. — Строительство станет осуществляться конвейерным методом, то есть на площадке будет происходить только сборка. Специально для нашего завода разные министерства и ведомства изготавливают и поставляют двадцать шесть наименований новых эффективных материалов, изделий, деталей, полуфабрикатов, конструкций! В постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР об улучшении планирования говорится, что прирост в строительстве за пятилетку должен происходить и за счет прогрессивных технологических решений. Так вот, здесь, думаю, это непременно случится.

— Вы имеете в виду технологию. Ну, а организация строительства? Свистопляска с арматурой и с бетоном? Трения с поставщиками? План, наконец! План этого года!

Разговор этот был утром по пути на стройку. Метеопрогноз оправдался. Мороз, белый снег, солнце, голубое небо. То и дело обгоняем самосвалы, краны, огромные БелАЗы. Вся эта техника движется на стройку.

— Хорошо. План,— сказал Поздникин, достал блокнот, ручку и вывел в блокноте цифру «18».— Восемнадцать миллионов рублей был у нас в прошлом году план. А в этом — шестьдесят шесть миллионов! Комбинат должен вырасти почти в три с половиной раза! Теперь смотрим, что за план был в прошлом году? Шестьдесят процентов — земля, земляные работы. Что нужно для успешного проведения земляных работ? Экскаваторы, бульдозеры, скреперы, автотранспорт. Все это у нас было. В выполнении плана мы зависели главным образом от самих себя. В этом году нам одних собственных сил не хватит. Бетон, сборные железобетонные конструкции, металл — вот из чего на восемьдесят процентов состоит план этого года. То есть успешное выполнение плана в этом году потребует не только наших усилий, но и усилий очень большого количества самых разных предприятий. Вот! — Поздникин достал журнал «ЭКО».— Цитирую академика Аганбегяна: «Главное же состоит в том, что намного быстрее, чем рос масштаб хозяйства, увеличивалась сложность народнохозяйственных связей, а с ними — и сложность управления. Ведь в нашем народном хозяйстве действуют почти полтора миллиона различных организаций, около пятидесяти тысяч промышленных предприятий, не считая еще двухсот тысяч подсобных предприятий в сельском хозяйстве, в строительстве и других отраслях, производящих около двадцати миллионов разновидностей продукции. И все это — на огромной, весьма разнообразной по условиям территории нашей страны». Мы хотим построить завод в невиданно короткие сроки,— продолжал Поздникин,— значит, и взаимодействие всех заинтересованных организаций должно стать невиданно четким. Иначе не построим! И чем быстрее и энергичнее будут реализоваться положения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении планирования, тем лучше, экономичнее, быстрее мы будем строить. Мы сделаем все от себя зависящее! Но этого мало. Надо, чтобы сделали все от себя зависящее и другие! Тогда успех!

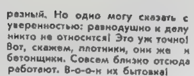
А я подумал, что за план-то все равно спросят не с многочисленных организаций и не с академика Аганбегяна, а с него, Поздникина, который встает в шесть утра, в половине восьмого уже на работе, весь день крутится, а на следующий день все сначала, все сначала... Я вспомнил, как он иронизировал над своей фамилией:

— Поздникин... По идее все поздно у меня должно быть, а я ранней пташкой оказался. В школу пошел в шесть лет, в институт тоже сразу поступил. На распределении предложили в Красноярский край поехать, я сразу согласился...

За это время Поздникин открылся мне с разных сторон. Шли как-то по улице. Обгоняет нас мотоциклист в красном шлеме. Рев стоит, хочется уши заткнуть, а Геннадий Григорьевич вдруг говорит с грустью: «Я ведь тоже был в свое время мотоциклистом. «ИЖ» у меня был, совершенно безотказный. В семидесятом году всю Россию на нем проехал. Девять тысяч километров за месяц... А как решил купить машину, продал его. Жена о нем до сих пор, как о живом, вспоминает»...

И еще. Поздникин — человек, для которого нет общих вопросов в работе. Для него все вопросы конкретны. В этом я убедился, наблюдая, как он ведет летучку. Для Поздникина, казалось, мучительны и общие слова, которые мы порой так охотно отпускаем без меры и смысла. «Не можешь четко объяснить, значит, мало думал!» — вот поздникинская формула.

— Я вот размышлял,— сказал как-то Поздникин,— в чем же основная особенность нашей стройки? С одной стороны, вложены миллиарды рублей, технология новейшая, а с другой... Самого элементарного не хватает. Я бы определил главную особенность так: мы боремся со временем! Строим в несколько раз быстрее, чем раньше! И ломаем старые представления о том, как надо строить! Но здесь подобрался коллектив единомышленников. Мы в некотором роде первопроходцы. Пустить первую очередь уже в следующей пятилетке... Задание ответственнейшее! Уже само это делает строителей более решительными, энергичными. Инициатива по-настоящему эффективна, когда она проявляется на всех уровнях. Народ у нас, конечно,

разный. Но одно могу сказать с уверенностью: равнодушно к делу никто не относится! Это уж точно! Вот, скажем, плотники, они же и бетонщики. Совсем близко отсюда работают. В-о-о-н их бытовка!

— Я, например,— сказал бригадир плотников Иван Воловик,— с детства мечтал строителем стать. В селе рос. Там чуть какую стройку затеят, я туда. Меня так и звали: «маленький бесплатный подсобник». Сюда как попал? Отслужил на флоте на Камчатке и подался в Дзержинск, в мехколонну. Окончил заочно Ачинский строительный техникум. Потом собрались с другом махнуть на Богучанскую ГЭС, да не получилось. В разные стороны разлетелись. Я в Дивногорск уехал, восемь месяцев там проработал и — сюда, в составе отряда «Коммунар». Приехали. Казалось бы, отряд,— люди уже сплотились, их бы на один участок, ан нет! Раскидали кого куда. Глупость, по-моему. Поначалу не очень-то мне здесь понравилось. Заработок не ахти, а нервотрепки хоть отбавляй. Туда-сюда перебрасывают, в общем, неразбериха! Сейчас, правда, получше стало. И бригада у нас подобралась неплохая. Сначала кое-кто пытался было свои порядки устанавливать. Ясно, какие порядки: работать поменьше, а получать побольше. За счет своих же товарищей... Думали, все молчать будут. Однако молчать не стали. Короче, всякая рвань быстро отсеялась. Сейчас друг другу доверяем. Вроде и недавно здесь, а уже привык. И вообще интересно, как он, этот завод-гигант, расти на глазах будет? Да и потом здесь квартиру обещают через четыре года, а мне уже двадцать семь, семью пора заводить.

— Работаете по единому наряду?

— Мы бы и рады, да только нам фронт работ не обеспечивают! Материалов не хватает. Сборный железобетон безобразно комплектуют. Привезут одни и те же болванки. Что нам их, с места на место перекатывать? Простаиваем... Или вот недавно перестали вдруг возить металлическую опалубку. Что же нам, на доски переходить? Это каменный век! А ту, металлическую, в Ачинске делают. Мы интересуемся, почему нет опалубки, нам отвечают: металла нет! Ну что здесь скажешь? А про единый наряд мы наслышаны. И про оплату по конечным результатам труда и про «коэффициент справедливости». Можно даже сказать, боремся за него. Тут недавно совещание было. Начальники разных трестов собрались, наше руководство тоже. И я туда попал. Так вот, я все наши претензии там высказал, ни одной про запас не оставил! И о едином наряде был разговор. Обещают, что скоро положение со стройматериалами исправится. Как исправится, так и перейдем на наряд. А вообще, что хорошо на нашей стройке, так это то, что заинтересованному человеку здесь везде дорога. Как говорит Поздникин: «Что церемониться? Свои люди, один завод строим!»

— А я с БАМа сюда приехал,— сказал плотник Анатолий Демьянов.— Мост монтировал через Лену. Вот где весело-то было! Снег, ветер свищет, а ты висишь черт знает на какой высоте... Я бы никуда с БАМа не уехал, если бы мать не заболела... Пришлось домой вернуться. Теперь она поправилась, а я на БАМ так и не собрался. Нравится мне здесь! Сам город нравится. Идешь по центру, скажем, в сторону речного вокзала, читаешь мемориальные доски: «1913 год — Фритьоф Нансен», «1920-й — Ярослав Гашек». Думаешь: а сколько замечательных людей здесь жили, сколько великих дорог отсюда начиналось. Про себя подумаешь, и ты вроде при деле, и тебя дорога сюда привела. Так что жить можно!

...Я вышел из бытовки. Огляделся. Белый снег, голубое небо. Увидел Поздникина. Он стоял на холме, махал рукой рабочим, разгружавшим самосвал.

— Над стройплощадкой сейчас хоть на вертолете летай! — спросил я у Поздникина.

— Лучше через четыре года,— ответил он,— когда первую очередь пустим!

Красноярск — Москва

Г. Г. Поздникин. Фото Ю. Бармина (ТАСС)

МОСКВА. КРЕМЛЬ. И

Валентин **ЧИКИН**

1870—1980

Никакой пресс-конференции, конечно, не было — при чрезвычайных обстоятельствах, сопутствующих первым шагам родившейся Советской республики, невозможно было ни назвать разом все значащие вопросы, ни собрать вместе этот журналистский Вавилон. Но вопросы, которые представителям мировой прессы хотелось поставить первому руководителю первого социалистического государства, Владимир Ильич получил и не замедлил дать самый исчерпывающий, откровенный [illegible].

Дней через десять после переезда Советского правительства в Москву Владимир Ильич отвечает на вопросы корреспондента английской «Дэйли-Ньюс» Артура Рансома и дает письменное подтверждение: «...действительно сказал в беседе с Рансомом и разрешаю печатать это». А в канун пятой годовщины Октября состоится последняя беседа Владимира Ильича с иностранным корреспондентом, кстати, тем же Артуром Рансомом, специально посланным в Москву, теперь уж газетой «Манчестер Гардиан», чтобы получить интервью у Ленина. За четыре с половиной года между этими двумя встречами журналисты многих стран, представляющие издания самых различных направлений и партийной ориентации, обращаются к Владимиру Ильичу Ленину с многочисленными и настойчивыми просьбами дать свою оценку той или иной международной ситуации, охарактеризовать развивающиеся мировые процессы, объяснить нарождающиеся в России новые социальные явления, а то и с неприкрытым намерением «испытать на прочность» Республику Советов, вождя большевиков.

Если собрать воедино всю эту многоголосицу журналистских вопросов, выстроить их, за вычетом повторов и частностей, в логической последовательности, восстановить по документам, воспоминаниям, газетным отчетам ленинские ответы, получится выразительный и, как мы увидим, весьма актуальный диалог Ленина с мировой прессой. Итак, предлагаем публицистический репортаж из истории...

АРТУР РАНСОМ. «ДЭЙЛИ-НЬЮС». Тридцатичетырехлетний англичанин, представлявший интересы лондонских «Ежедневных новостей» еще дооктябрьского времени, выражает намерение объективно показывать русскую революцию. Владимир Ильич сомневается, что в Англии позволят говорить правду о России. Заставили же в Америке молчать полковника Робинса, бывшего в России с американской миссией Красного Креста и выражавшего самое горячее дружелюбие большевикам...

В своем первом вопросе Рансом обращает внимание на выступление английского министра Бальфура, который с радостью сообщил, что японцы идут на помощь русским; что, овладев Сибирью, сибирской железной дорогой, они воспрепятствуют вторжению Германии в северную Азию.

ЛЕНИН. ...Японцы идут на помощь русским. *Каким именно русским?*

В нынешней России есть одна сила, по своей природе предназначенная для борьбы не на жизнь, а на смерть против нападений со стороны международного империализма — это власть Советов... В случае продвижения японцев внутрь Сибири те же «русские», которым японцы собираются «помогать», будут требовать упразднения Советов во всей Сибири... Но буржуазия в России достаточно уже ясно показала, что может держаться у власти лишь при помощи извне.

КОРРЕСПОНДЕНТ АГЕНТСТВА «ЮНАЙТЕД ПРЕСС». Внесла ли Российская Советская республика какие-либо мелкие или крупные изменения в первоначальную правительственную программу внутренней и внешней политики и экономическую программу?

ЛЕНИН. Советское правительство имело не реформистскую правительственную программу, а революционную. Реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства... Наша, революционная, программа состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов, свержение их власти, освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров. Этой программы мы никогда не изменяли. Отдельные частичные мероприятия, направленные к осуществлению этой программы, нередко подвергались изменениям; перечень их занял бы целый том. Укажу только, что есть еще один общий пункт нашей правительственной программы, который вызывал, пожалуй, наибольшее число изменений отдельных мер. Этот пункт: подавление сопротивления эксплуататоров. После революции... о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры... стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ФОЛЬКЕТС ДАГБЛАД ПОЛИТИКЕН» (Стокгольм) замечает, что меры пресечения коснулись не только эксплуататоров, но даже анархистов.

ЛЕНИН. Что касается принятых мер против анархистов, то они вызваны тем, что анархисты вооружились и часть из них объединилась с явно бандитскими элементами.

ЛИНКОЛЬН СТЕФФЕНС, публицист (США). Какие заверения можете вы дать, что красный террор прекратится?

ЛЕНИН. Кто требует таких заверений!

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в кремлевской квартире беседуют с американским корреспондентом Линкольном Эйром.

Фото В. Кьюбса

СТЕФФЕНС. Париж.

ЛЕНИН. Значит, те самые люди, которые только что убили в бесполезной войне семнадцать миллионов человек, теперь озабочены судьбой нескольких тысяч, убитых во время революции во имя осознанной цели — ради того, чтобы покончить с необходимостью войны?.. — (Опалившее вдруг собеседника гневом ленинское лицо, вся протестующе выпрямившаяся фигура в ту же минуту смягчаются, и Владимир Ильич продолжает спокойнее, но настойчиво): — Впрочем, пусть. Не отрицайте террора. Не преуменьшайте ни одного из зол революции. Их нельзя избежать. На это надо рассчитывать заранее: если у нас революция, мы должны быть готовы оплачивать ее издержки...

ИСААК МАК БРАЙД из бостонской «Крисчен Сайенс Монитор» отмечает: западная пресса без конца твердит, что власть в Советской России — это диктатура небольшого меньшинства.

ЛЕНИН. Вы говорите, что ездили по Западному фронту. Вы признаете, что вам разрешили общаться с солдатами Советской России; вам никто не воспрепятствовал, как журналисту, производить исследования. Вы также посетили фабрики и заводы. У вас была очень хорошая возможность понять настроение масс... Теперь я спрашиваю, каково ваше мнение о том, есть ли это диктатура меньшинства?

КОРРЕСПОНДЕНТА «ДЭЯЛИ-НЬЮС» СЕГРЮ удивляет, почему же некоторые из западноевропейских социалистов, побывавших в Советской России, выступают с антисоветскими статьями.

ЛЕНИН. ...Нападки на большевизм со стороны правого крыла... меня не удивляют... Давайте заключим договор: вы — от имени антибольшевистской буржуазии всех стран, я — от имени Советской республики России. Пусть по этому договору к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян... с тем, чтобы каждая делегация прожила в России месяца по два. Если отчеты таких делегаций полезны для дела антибольшевистской пропаганды, то все расходы по их посылке должна бы взять на себя международная буржуазия. Однако принимая во внимание, что эта буржуазия во всех странах мира крайне слаба и бедна, мы же в России богаты и сильны, я соглашаюсь исхлопотать от Советского правительства такую льготу, чтобы три четверти расходов оно взяло на себя и только четверть легла на миллионеров всех стран.

Отступление «не для печати»: Владимир Ильич делает целый ряд резких замечаний в адрес некоторых социалистических лидеров Запада, из чего отчетливо видно, что он сомневается в их желании успешно двигать вперед дело революции.

АРТУР РАНСОМ также затрагивает щекотливый вопрос наветов и клевет — не все тут просто, находятся какие-то истоки, существует какая-то тень правды.

Смеясь, Владимир Ильич предлагает анатомировать «свежий слух». Перед Новым годом он, Предсовнаркома, поздравляет по телефону знакомого и шутливо замечает: будем, мол, надеяться, что в новом году мы совершим меньше глупостей, чем в старом. Кто-то услышал, кому-то рассказал, возникла цепочка, и вот уже недружелюбная газета объявляет: «Ленин говорит: мы совершаем глупости». Пришлось опровергать. Мастеров клеветы не устраивают теперь одни «голые выдумки», они предпочитают «извращенные факты».

М. ФАРБМАН, КОРРЕСПОНДЕНТ «ОБСЕРВЕР», как раз пытается разгадать такую клеветническую шараду: насколько справедливы обвинения антирусской печати в Англии, утверждавшей, что недавние аресты промышленников в Москве означают конец новой экономической политики?..

ЛЕНИН. ...*Абсолютно вздорное* измышление...

На самом деле арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков),

НТЕРВЬЮ С В. И. ЛЕНИНЫМ

но и *организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу.*

Всякий интервьюер Ленина выносит впечатление располагающей непосредственности, ясности и прямоты в объяснениях. «Что ему нужно было сказать,— замечает Вильям Гуд, представляющий «Манчестер Гардиан»,— он говорил прямо, ясно, без всяких туманных слов. В разговоре с Лениным не могло быть никаких недоразумений, никто не мог уйти под ложным впечатлением». И еще одна особенность этих «собеседований», чутко подмеченная Луизой Брайант, американской журналистной, в двадцать семь лет, перед самым Октябрем, приехавшей в Россию со своим мужем Джоном Ридом: у Ленина необыкновенная способность вызывать собеседника на откровенность. «Какой бы решимости забросать его вопросами ни бываешь преисполнен, всегда уходишь от него, поражаясь тому, что сам ты только что без конца говорил и вместо того, чтобы спрашивать, сам непрерывно отвечал на его вопросы».

Луиза Брайант навсегда запомнит час, когда, потеряв надежду осуществить свой журналистский замысел, отчаявшись, после отказов в Наркоминделе, пробиться в Среднюю Азию, она рискнула обратиться к самому Ленину и была потрясена его простотой, спокойной улыбкой: «Приятно слышать, что в России есть-таки человек, у которого достаточно силы, чтобы окунуться в исследование неизвестного. Вас там могут убить, но, во всяком случае, поездка эта на всю жизнь останется для вас самым ярким воспоминанием».

Настойчивее всего на пресс-конференции ставятся вопросы международной политики, стратегии и тактики Страны Советов; тем более, как справедливо было замечено одним из интервьюеров: с обыкновенным дипломатом беседа скрывает мысль, с Лениным она выражает мысль.

ЛИНКОЛЬН ЭЙР, «УОРЛД» (Нью-Йорк). Каковы ваши мирные условия?

ЛЕНИН. Не стоит тратить время на разговоры об этом. Всему миру известно, что мы готовы заключить мир на условиях, справедливость которых не могут оспаривать даже наиболее империалистически настроенные капиталисты. Мы неоднократно заявляли о нашем стремлении к миру, о том, что нам необходим мир... Но мы не намерены позволить, чтобы нас задушили насмерть во имя мира.

И еще замечание в связи с вопросом Фарбмана по русской программе.

ЛЕНИН. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны... раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасности войны.

КАРЛ ВИГАНД. АГЕНТСТВО «ЮНИВЕРСАЛ СЕРВИС». Основы мира с Америкой?

ЛЕНИН. Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем.

КАРЛ ВИГАНД. Ваши планы в Азии?

ЛЕНИН. Те же что в Европе: мирное сожительство с народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимися к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов. Империалистская война... из-за дележа мира разбудила Азию и усилила там, как и везде, стремление к свободе, к мирному труду, к недопущению войн впредь.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ЮНАЙТЕД ПРЕСС». Какова тактика Российской Советской республики по отношению к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам вне пределов России?

ЛЕНИН. ...Такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других нерусских народностей внутри России... Мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности...

ФАРБМАНА интересует, насколько русская программа учитывает удовлетворение национальных стремлений.

ЛЕНИН. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

ФАРБМАН хотел бы выяснить: какова позиция Советского правительства в решении ближневосточных проблем и в связи с окончанием греко-турецкой войны, и в связи с подготовляемой конференцией по вопросам Ближнего Востока, от участия в которой Россию пытаются отстранить.

ЛЕНИН. Наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств. Если бы все эти государства не добились своего требования участия в ближневосточной конференции, то это означало бы такую массу элементов враждебности, конфликтов и недовольства, это означало бы такие затруднения в чисто торговых делах между востоком Европы, с одной стороны, и всеми другими государствами, с другой, что для мирного сожительства либо не осталось бы совершенно почвы, либо оно было бы затруднено необыкновенно.

ФАРБМАН высказывает предположение: может быть, ближневосточный вопрос является делом особого престижа для России...

ЛЕНИН. Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа. Я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа как престижа самой веселой насмешкой. Мы думаем, что дипломатия современной эпохи все быстрее идет к тому, чтобы относиться к вопросам престижа именно подобным образом.

КАРЛ ВИГАНД. Должна ли Россия еще бояться контрреволюционного вмешательства извне?

ЛЕНИН. Должна, к сожалению... Пока рабочие и крестьяне каждой страны не *перевоспитают* своих капиталистов.

Многие вопросы для Владимира Ильича звучат наивно, некоторые — забавно, а иной и вовсе ставит в тупик. Энергичная «миссис Битти» — тридцатипятилетняя американская писательница, решившаяся поехать с агитпоездом в голодающее Поволжье, вдруг огорошивает вопросом: «Что Вы делаете, когда остаетесь наедине с самим собой?» — Гм!.. Не бываю, мол, наедине, как только освобождаюсь от работы, тут же ложусь спать...

КАРЛ ВИГАНД. Готова ли Россия вступить в деловые отношения с Америкой?

ЛЕНИН. Конечно, готова, как и со всеми странами.

ЛИНКОЛЬН ЭЙР хотел бы уточнить перспективы деловых отношений именно с Америкой.

ЛЕНИН. ...Некоторые американские предприниматели как будто начинают понимать, что более разумно вести выгодные дела в России, чем вести войну с Россией... Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами.

ЛИНКОЛЬНА ЭЙРА интересует внутреннее положение страны, не ставит ли разруха Россию в особое положение.

ЛЕНИН. Государственные деятели Европы и Соединенных Штатов, по-видимому, не понимают, что нынешняя экономическая разруха в России является лишь частью мировой экономической разрухи. До тех пор, пока экономическая проблема будет рассматриваться не с международной точки зрения, а с точки зрения отдельных наций или группы наций, разрешить ее будет невозможно. Без России Европа не сможет встать на ноги. А когда Европа обессилена, положение Америки становится критическим.

КОРРЕСПОНДЕНТ «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД» пытается выяснить, насколько тверда будет позиция русской делегации на Генуэзской конференции: готова ли Россия к уступкам?

ЛЕНИН. ...Глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Генуе унизительные условия. Россия не позволит обращаться с собой, как с побежденной страной.

ИНОСТРАННЫЙ ЖУРНАЛИСТ, имя которого осталось неизвестным, настойчиво допытывается: прекратится ли зарубежная коммунистическая пропаганда в случае установления взаимопонимания Советской республики с капиталистическими странами?

ЛЕНИН. Сам факт, что Советская Россия существует, является лучшей пропагандой коммунизма во всем мире.

АРТУР РАНСОМ обращает внимание на неприязнь и враждебность, с которой встречают пропаганду большевиков капиталисты всех стран.

ЛЕНИН. Скажите им, пусть построят вокруг каждой из своих стран китайскую стену... Революция не зависит от пропаганды. Если нет условий для революции, никакая пропаганда не сможет ни ускорить, ни задержать ее. Война создала эти условия во всех странах, и я убежден, что, поглоти сегодня Россию море или же исчезни она совсем с лица земли, революция в остальной Европе будет развиваться своим чередом.

Рансом восхищен и ленинским жизнерадостным темпераментом и силой его убеждения. «Его морщины — морщины смеха, а не горя... Он первый великий вождь, который полностью отрицает значение своей собственной личности. Ему совершенно несвойственно честолюбие... Он верит в народное движение, которое с ним или без него все равно будет поступательным...»

КАРЛ ВИГАНД. Ваш взгляд на будущее развитие Советов как мировой силы?

ЛЕНИН. Будущее принадлежит советскому строю во всем мире.

АРТУР РАНСОМ интересуется жизнеспособностью самой формы Советов.

ЛЕНИН. Вначале я думал, что они есть и останутся чисто русской формой, но теперь совершенно очевидно, что под разными названиями они должны стать орудием революции повсюду.

ЛИНКОЛЬН ЭЙР. Когда, по вашему мнению, будет завершено строительство коммунизма в России? — Предполагая, что озадачил вождя большевиков наитруднейшим вопросом, американский корреспондент с удивлением услышал ответ без всякой паузы.

ЛЕНИН. Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему путем создания электростанций на Урале и в других местах... Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества. Вся наша промышленность получит энергию от общего источника, способного снабжать в одинаковой степени все ее отрасли. Это устранит непроизводительное соперничество в поисках топлива и создаст прочную экономическую основу для предприятий обрабатывающей промышленности, без чего мы не можем надеяться достичь такого уровня обмена продуктами первой необходимости, который бы соответствовал принципам коммунизма... На мой взгляд, электрификация является наиболее важной из всех великих задач, стоящих перед нами.

* * *

Вышло так, что американец Линкольн Стеффенс и англичанин Артур Рансом возвращались из России вместе. Переполненные впечатлениями, каждый по-своему осознавал открытие новой России и Ленина. Стеффенс чувствовал прилив свежих мыслей, ему казалось, что он обрел ключ к пониманию происходящего в России и вне ее,— это было началом пути, который приведет его потом к коммунистическим убеждениям. И оба эти собеседника Владимира Ильича отчетливо сознавали, что переживают «умственную революцию» огромной силы.

Михаил ГОРБУНОВ

Глава из романа

Рисунок П. Пинкисевича.

С самого утра что-то неприятно томило Аннушку на новом аэродроме, где все пока ей было вчуже — холодная готика едва видных в тумане крыш за лиловатой рощицей, скупое свечение мартовского солнца, бессильного растопить сырую тягучую мглу. И это соединялось с давно уже никем не испытываемым в ходе безудержного движения фронта, несколько озадачивающим ощущением какой-то крупной неудачи — она, собственно, и повлекла спешное перебазирование дивизии.

Представления Аннушки о ходе боевых действий были, конечно, слишком малы, чтобы оценить реальное положение дел, все творилось где-то далеко, и в полусумраке, в тишине радиостанции до нее долетали лишь отзвуки грохочущих битв, и даже при прямой опасности, когда случалось на аэродромах или при переездах с места на место попадать под бомбежку, она никак не могла серьезно отнестись к требующей бежать в укрытие команде «во-озду-ух!», к отделяющейся от самолетов осыпи бомб, к свистящим над головой осколкам... Теперь же, воспринимаемая больше внутренним эмоциональным чутьем, тревога как бы подтвердила то, о чем думалось в кузове «студебеккера», пробиравшегося в завалах тусклых, серых в февральской замети каменных громад Будапешта.

Это была четвертая «заграница», куда забросила Аннушку война: сознание свыклось с никогда не слышанными названиями городов, с самой реальностью падения государственных границ и королевских монархий, оно лишь успело запечатлеть пестрые противоречивые картинки чужбины, сотни лиц, то угрюмо-настороженных, то ликующе-радостных, пыль румынских проселков, черепичные крыши болгарских селений, розовые отроги Македонских гор. Но, пожалуй, только недавно в павшем после долгой осады Будапеште при виде развороченных мостов, повисших над темным, холодным Дунаем, исклеванных осколками стен и черных провалов бункеров Аннушка смутно почувствовала, как трудно и утяжеленно идет война к своему концу, и ей стало боязно за Андрея.

Она не ошиблась, и вот теперь в заданиях на боевые вылеты стало часто называться озеро Балатон, из района которого вражеская группировка пропорола тылы советского фронта, дошла до самого Дуная, и что ж, спустя годы военные историки удостоверят уловленный Аннушкой тяжелый пароксизм войны: редкий по жестокости и отчаянию вражеский рейд был последней в войну контрнаступательной операцией германской армии,— и тогда была спешная переброска дивизии, было знобкое, с сырым, холодным туманом утро на новом аэродроме, где Аннушка оказалась вместе с Андреем, но тревожное ощущение беды в Аннушкиной душе не могли заполнить ни бодрый стукоток двигателя, питающего радиостанцию, ни мерцающие лампочки на панели, говорящие об исправной работе аппаратуры.

Выбор командира полка пал на Андрея, и дело ему предстояло нешуточное.

Все в полку знали, что на прежнем аэродроме двое остались с неисправным самолетом — техник и механик. Приказано им было отремонтировать машину — поломку считали пустяковой — и перегнать на новое место. Ждали-пождали их в полку, да и решили все же плюнуть на тот самолет, уже не до него было, людей бы спасти: по сведениям, аэродром вот-вот могли захватить прорвавшиеся в тылы немцы,— командир полка ходил туча тучей.

Слетать за полковыми бедолагами поручено было Андрею. В последнее время к чистой, непосредственной боевой работе ему прибавили еще вывозку пополнявших полк молодых летчиков на учебно-тренировочном истребителе — УТИ, «уточке», по авиационному жаргону. Так что с машиной хорошо знаком, опыт богатейший... И мест в «уточке» два. Во вторую кабину, правда, придется втиснуть обоих — и техника и механика, но тут уж было не до удобств.

Командир полка сказал:

— Надо слетать, Андрюша...

И посмотрел с извиняющейся усмешкой: «слетать» нужно было в самое пекло, а на «уточке» завалящего пулеметика нет. Андрей понял усмешку «бати» и понял, что должен лететь, больше некому в полку, уже начавшем боевую работу с нового аэродрома.

— Повидайся с кем нужно тебе и давай в воздух... Давай. Я думаю, немцы тебя не тронут, они все над Будапештом висят. Думаю, проскочишь.

«Батя» хитрил. Не сказал, с кем повидаться, и сказал «повидайся» вместо «попрощайся»,— он только притиснул к себе Андрея, резко повернулся и пошел, так знакомо сутулясь,— но ведь не всякая песня до конца допевается.

До аэродрома, небольшого квадратика заснеженной земли, вправленного в геометрическую путаницу дорог, поселков, станций, небольших рощ, Андрей добрался благополучно, только его все время не оставляло ощущение легкости, игрушечности «уточки». С тоской по мощной, вжимающей тебя в броневую спинку двигательной силе настоящей машины он настороженно осматривал небо, пока почти физически не почувствовал накаленность внутренней линии фронта — по нервной сутолоке машин и повозок, по безмолвным дымчато-белым всплескам дальнобойных орудий. В стороне маслянисто клубились, уходя в небо, черные дымы, это горел Чегед, узел шоссейных и железнодорожных путей,— горела, как понял Андрей, станция, горела нефть, горели какие-то склады — опыт разведчика его не обманывал.

Он вспомнил, увидел другим этот Чегед — пустовато-чистые булыжные улицы, магазинчики на углах, глухо закрытые жалюзи. Было раннее, холодное, укромное снежное утро, чисто синело небо, еще не пробрызганное солнцем, и обойденный войной городок просыпался в другой, совершенно новой для него среде, еще таясь, сторожась этого нового, и Андрей, бродя средь аккуратных переулков, с редкими, пугливо огибающими его прохожими, ощущал тоже немного страшноватый зов узнавания. На одной двери жалюзи были подняты, поколебавшись, он вошел — это оказалась парикмахерская.

Крупный, полный человек в белом переднике, со смоляными, изящно закрученными кверху усами погасил вспыхнувшую в черных глазах оторопь, неуверенно показал на кресло, и было совершенно в новинку, когда он взбивал на щеках обжигающе холодную мыльную пену, втирая ее в кожу сильными волосатыми пальцами, и не было брезгливости, а было почти весело с потаенной опаской чувствовать летящее над шеей лезвие, знать, что ты здесь, в немыслимой дали от дома, со своей молодостью, орденами, шрамом, по которому, обессилев от боязни, уже осторожно ходит чужестранная бритва, и вот, пренебрегая властью победителя, протягиваешь цирюльнику с фигурой и усами сошедшего со старых афиш Поддубного новенькую, хрустящую денежную бумажку и видишь, как что-то привычное и мирское с облегчением разглаживает тревожные складки на его в общем-то добродушном лице.

Ну вот, а тебе тут долбили, что русские идут жечь и убивать...

В Чегеде была их с Аннушкой ночь в большом богатом особняке, кажется, владельца кожевенного завода, убежавшего с немцами, единственная их ночь в мятущемся, никогда не складывавшемся во что-то определенное движении фронта. Ночь и омутная гулкая тишина погруженных в роскошь комнат... Была густая, почти черная тяжесть хрусталя в голых руках Аннушки, оправдавших мучавшее Андрея смутное предчувствие мягчайших женских линий... Глядя на ее разметавшиеся по крахмальным простыням, с великим наслаждением помытые волосы, на светящийся в полумраке юный овал лица, он с тихой радостью открытия подумал о том, что останется живым — ради нее, ради запоздало посланного ему счастья. Впервые он чувствовал шедший от нее успокоительный ток, женское ее благо, которое явилось ему внезапно и властно, как удивительно легкие линии этих обнаженных рук; впервые он чувствовал, что сам становится другим с Аннушкой, сам что-то облегченно сбрасывает с себя,— все отвела вот эта девочка со своей безоглядной жертвой. Да, да, он будет жить, потому что теперь ему была страшна не сама смерть — с мыслью о ней он давно свыкся,— страшно было оборвать счастливую нить своей любви.

Он хотел, чтобы Аннушка немного уснула после изнурительной дороги, но ей были слишком нужны эти чудом доставшиеся несколько часов их уединения, близости, и оба не сомкнули глаз, и уже перед рассветом она помыла и поставила в шкаф бокалы, убрала постель, и вот тогда-то ему стало обидно до боли за то, что ей только и остается прибирать временное их пристанище. Он способен был взорвать этот набитый хрусталем, сверкающий паркетом дом — никогда не мерещившуюся им с Аннушкой обитель благополучия — за то, что так несправедливо оделяет людей судьба.

Нужно было уходить в стылый сумрак рассвета и вновь свыкаться с войной...

Но вот теперь, еще издали увидев бесфор-

Полностью роман «Жаворонок, жаворонок, прилети» будет опубликован в журнале «Москва» №№ 4, 5.

ХОЛОДНЫЙ М

менные клубы дыма. Андрей сразу определил, что это горит Чегед, горит напрасно, по чьей-то прихоти, не пожелавшей сдаться логике войны, и у него защипало глаза: горит их с Аннушкой призрачный кочевой островок. Он вспомнил все, и вдруг снова, как в ту ночь, к нему пришла спокойная мысль, что он будет жив.

Аэродром был под самым Чегедом, и, подлетев к знакомому летному полю, Андрей ощутил непривычную пустоту скучноватого серого квадрата средь скользнувших в небо от круто заложенного виража поселков и рощ,— немцев здесь пока не было. В противоположной аэродромным службам стороне сиротливо чернел в капонире самолет — тот самый, с которым остались техник с механиком. Самих людей не было видно, но Андрей решил садиться, и снова было непривычно от нежилой пустоты поля.

Самолет приземлился ровно — костыль знакомо, дробно зачертил, прорезая гребешки наледи, и не успел Андрей подрулить к самолету, как из-за капонира, неясно темневшего под самой рощей, выскочил и бросился навстречу человек, наш, видно было, славянин, полный, в неряшливо одетой шинели. Андрей смутно узнал в нем капитана, начпрода из БАО[1]. Он махал шапкой, чтоб его заметили, и, когда стал как вкопанный перед рулившим самолетом, глаза были полны детского ужаса, от мясисто-красного лица, от черных мокрых волос валил пар. Андрей приподнялся над кабиной, ничего не понимая, сдерживая смех и досаду при виде обезумевшего, неспособного поверить в спасение начпрода.

— Откуда ты здесь, елки-моталки? Где наши, полковые, с самолета?!

Тот тыкал засаленным шинельным рукавом в сторону рощи:

— Там они. Туда пошли. У меня машина здесь с продуктами. Прибыл, а вас нет. Вон, слышите — вон они стреляют, немцы это...

— Машина! Скажи спасибо, сам живой. Я машину твою за хвост не прицеплю. Где машина? Водитель где?

— Нету машины,— бестолково твердил начпрод.— Водителя убили.

Видно было, капитан побывал в хорошей, типичной при вражеских прорывах в тылы заварухе.

Сквозь реденький чих работающего на холостом ходу мотора Андрей, обернувшись назад, вправду услышал отдаленный шумок, как бы накапливавшийся за аэродромными постройками, кажется, действительно слышны были выстрелы. Но тут же его что-то привлекло снова к капониру, к роще, куда только что показывал начпрод,— оттуда бежали двое, те, свои, полковые — тоскливо, как зуммер, запиликало в ушах: трое теперь вместо двоих, кого оставлять: капитана начпрода, лейтенанта техника, сержанта механика?

Они кучкой стояли перед ним — и со странными, совершенно ненужными сейчас подробностями пропечатывались в сознании то растерянное от понимания «третьего лишнего» лицо начпрода — ворот кителя смят, как почти всегда бывает у полных людей, торчат расстегнутые крючки,— то немолодое лицо техника, серое, съежившееся в комок от постоянной работы на холоде, то скошенные в сторону, обидно повлажневшие глаза механика — он понимал, что младший по званию, и дело его телячье... Но именно щуплая потерянная фигурка механика вызывала в Андрее нестерпимую жалость.

В это время тот самый «зуммер» начал разрастаться и разрастаться, и как бы вышел из ушей, тек наружу, и уже можно было не оборачиваться, чтобы понять, откуда идет на самом деле глуховатая, с вкрапинами, с взвизгами чужой речи разноголосица. Но Андрей все же обернулся — вдали зарябила бегущая от ангаров, рассыпавшаяся по полю толпа. Он снова подумал о механике, беспомощно оглядывая самолет, и уже знал, что не полетит без него.

— Раздевайся! Шинель снимай! — крикнул он начпроду, со злостью на его полноту, на то, что тот вообще оказался здесь ни к селу ни к городу.— Залезай, чего стоишь, как осел?! И ты! Быстро в кабину! — приказал технику.

Начпрод занял почти все место, техник поместился у него на коленях, непонимающе выглядывал из-за фонаря на друга, одиноко стоявшего на земле. Медленно крутящийся винт отчеркивал механику жалко опущенное плечо, и видно было, что он не понимает, зачем зовет его Андрей. Даже когда забрался на крыло, ничего не понимал: Андрей показал ему до смешного узкий проем между кабинами, не понимал, что в эту дыру ему нужно было каким-то образом влезть... Но все же понял, сбросил старую засаленную куртку — она шлепнулась блином на землю — и полез головой вперед — снаружи, прямо перед лицом начпрода и техника, остались истертые до обмахрившихся белых ниток кир[illegible]

Андрей дал газ, развернулся, полоснул костылем по укатанному снегу. Когда пошел на взлет, навстречу бегущей толпе, сразу почувствовал — да он и ждал этого — предательскую слабину, неспособность самолета поднять тяжелый груз. Раза два или три он отрывал его от земли, машина зависала в воздухе, влекомая какой-то пустой тягой изнемогающего мотора, и снова ударялась о скользкое обледенелое поле. Немцы начали рассыпаться в сторону от шедшего на них русского тарана, и Андрею оставалось только люто жалеть, что он не устроит из этой толпы кровавого месива, а бессильно врежется в стоящие на пути ангары. Но, проскочив по коридору в толпе, видимо, пораженной происходившей на ее глазах дикостью и потому даже не успевшей расстрелять самолет автоматным огнем в эти секунды длинного и опасного разгона, он почуял только летчику знакомый момент какой-то опоры, превозмогания одной из двух сил. Он осторожно, стараясь не потерять спасительного ощущения живой тяги, взял ручку на себя, с замершим сердцем думая о том, чтобы не задеть колесом о крышу аэродромной постройки, и «уточка», как бы успокаивая его, с ликующим ревом пошла в небо.

В эту минуту Андрей с безотчетной радостью вспомнил, что он должен остаться живым — ради Аннушки, и он снова увидел ее лицо, бледное от бессонной ночи, притушенные ресницами глаза, почти детский рот, и знал, что нет у него роднее на земле человека, и с наполнившей его уверенностью в своей неуязвимости он заметил скользнувшую вверху тень «мессершмитта».

Уйти от атаки он уже не мог, а у немецкого летчика, видевшего, как тяжело, до забавного доступно идет «уточка», не было даже охоты заходить ей в хвост, он решил перерезать ее пополам пулеметной очередью. Андрей услышал сильный щелчок, горячо, спрессованно толкнуло в затылок воздухом: он оглянулся, страшась увидеть то, что сделал немец позади него. Но из-за кирзовых сапог механика, торчавших из чрева «уточки», на него глядели испуганные глаза начпрода, техник тоже уцелел, только лицо затвердело, как слепок синей глины.

«Уточка» топала над стремительно, от небольшой высоты, уходящей назад пестро-серой землей, впереди слева клубились все те

[1] БАО — батальон аэродромного обслуживания.

В. РАКОВ,
доктор
филологических наук

ЖИВОЙ ГОЛОС

Пять с половиной десятилетий прошло с того времени, когда Ленинградское отделение Госиздата выпустило в свет поэму В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», потрясающую нас и поныне своей правдивостью и глубиной изображенных в ней событий.

Находясь постоянно среди народа, вместе с ним переживая горечь понесенной утраты, поэт настолько сливается с массами, что в его поэме невозможно отделить авторские мысли и чувства от того, чем жили в те дни советские люди.

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!

Поучительна история крупнейшего произведения Маяковского. Поэма была задумана еще при жизни Владимира Ильича, но к осуществлению своего замысла поэт приступил только после смерти вождя. Маяковский хорошо понимал, что перед ним стоит огромнейшей важности задача, и к разрешению ее отнесся с величайшей ответственностью. Прежде всего он взялся за глубокое изучение работ Ленина, перечитал немало книг, статей и воспоминаний о нем, беседовал с людьми, лично его знавшими.

Когда просматриваешь периодическую печать, особенно газеты, за первую половину 1924 года, нельзя не заметить исключительной близости поэмы тому, о чем сообщалось в печати. Иногда даже отдельные словесные обороты и выражения из поэмы Маяковского почти дословно перекликаются с газетным источником. И здесь суть дела не столько в точности передачи самих фактов, сколько в достоверности изображения человеческих переживаний.

Рассказывая о том, как было воспринято известие о смерти Ленина, один из читателей «Правды» писал: «Перед глазами встают залитые слезами лица людей, приведших в трепет весь буржуазный мир, десятки раз спокойно смотревших в лицо смерти и не могущих теперь совладать с собой»[1].

Этот образ, лишь в общих чертах передающий людское горе, у Маяковского конкретизирован:

И мужичонко,
видавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растертая грязь.

Газета «Известия» в связи с перевозом тела Ленина из Горок в Москву сообщала: «Проходит процессия мимо какого-то детского дома, и вот незабываемая картина: через открытую фортку из дома доносится шопеновский похоронный марш, а детишки прильнули к стеклам и горько-горько плачут. Впрочем, немало вокруг и взрослых слез»[2].

«Плакали не только женщины,— делится своими впечатлениями рабкор «Правды»,— но и закаленные в огне рабочие, привыкшие твердо переносить всякие невзгоды и лишения»[3]. Вот в общежитие входит товарищ, растерянный, бледный, передает другой рабкор газеты, он сообщает о смерти Ленина. «И лицо у него как-то сморщилось. Сжался в комок. В голосе слезы, как-то по-детски дергаются плечи»[4].

Так было повсюду: на фабриках и заводах, в городах и деревнях. И Маяковский документально воссоздает картину всеобщего горя и слез.

Были люди — кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя
Стариками
рассерьезничались дети,
и, как дети,
плакали седобородые

Сколько людей, не могущих примириться с мыслью о смерти любимого вождя, готовы были, если бы это возможно было, умереть ради того, чтобы жил Владимир Ильич! Этот дерзкий, реально не осуществимый порыв выражен во многих откликах на смерть Ленина.

«Я сама согласилась бы умереть за него,— читаем в «Правде» слова работницы одной из московских фабрик,— он умер за нас — рабочий класс, потратив свои силы на наше освобождение»[5]. «Тупая скотина, именуемая смертью! — слышалось в рядах прощавшихся с Лениным.— Зачем тебе из всей этой людской массы понадобился именно он? Если бы ты кликнула клич, то... тысячи голов с радостью бросили бы тебе свою жизнь взамен этой одной!»[6].

Все это, услышанное и прочитанное, пережитое им самим, Маяковский обобщает в поэме:

Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?!
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сел,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!

В последней части поэмы Маяковский снова возвращается к этой мысли, столь характерной для широких масс трудящихся, потерявших своего вождя, учителя и друга.

Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
чтоб нам умереть
и его разбудят,—
плотина улиц
враспашку растворится,
и с песней
на смерть
ринутся люди

Народ прощался с Ильичем в холодные январские дни. «Трещит мороз,— гласит одна из заметок «Правды».— Режет ветер, как бы желая испытать любовь к Ильичу, благоговение перед ним...»[7]. Образ трескучего мороза, который приходилось переносить людям, стоявшим в очереди по нескольку часов кряду, мы находим и у Маяковского.

Мороз небывалый
жарил подошвы
А люди
днюют
давкою тесной
Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные

Прощание с В. И. Лениным продолжалось не более минуты, это лишь мгновение, каждому хотелось подольше постоять у гроба. Корреспондент «Правды» приводит весьма характерный диалог:

«— Отец,— спросил красноармеец,— ты никак и вчера был?

— Именно, верно,— сказал мужик.— Были мы и вчерась, также придем завтра...

— А почто? Не допустили?

— Зачем не допустили, допустили вполне, а доступу одна минута, с одной минуты в думу не вошло...»[8].

Этот штрих, это движение людских сердец Маяковский также подметил:

Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный'

В конце января 1924 года в газете «Рабочая Москва» была напечатана заметка «Последнее прощание». Автор ее, видимо, профессиональный и опытный журналист, обладающий хорошим чутьем слова, писал: «Беззвучно раскрылось знамя над мертвым лбом: «Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала». Это склонились над гробом желтые кули, умирающие от лихорадки на рисовых болотах и чайных плантациях; бронзовые индусы, иссушенные голодом, иссеченные хлыстом белого человека в белом пробковом шлеме; кофейные негры, хрипящие в алмазных копях, бредущие в пустынях под грузом слоновой кости и красного

[1] Первые часы.— «Правда», 24 января 1924 г.
[2] На вокзалах и улицах.— «Известия», 24 января 1924 г
[3] На фабриках и заводах.— «Правда», 24 января 1924 г.
[4] Не стало.— «Правда», 24 января 1924 г
[5] Великая утрата.— «Правда», 24 января 1924 г.
[6] В Колонном зале.— «Известия», 25 января 1924 г.
[7] Встречи и проводы.— «Правда», 26 января 1924 г.
[8] Знакомый Ленин.— «Правда», 26 января 1924 г.

же дымы, горел Чегед, и в почти физическом ощущении — как волчонок загривком — примерившегося к нему «месса» у Андрея легла в голове схема побега. Собственно, сам немец подсказал ее ему, когда атаковал сбоку...

Он потыкал в небо рукой, чтобы «пассажиры» следили за немцем, и они его поняли, застучали по спине, когда он и сам, через трескучее грохотание «уточки» расслышал нарастающий, идущий с высоты, до земли все пронзивший звук, и тогда, уловив нужное мгновение, он резко сбросил газ, вильнул в сторону от запульсировавшей пулями струны, не оставив немецкому летчику и одной точки скрещения с «уточкой». Совсем рядом прошло акулье желтовато-грязное от выхлопных газов, строченное заклепками брюхо «мессершмитта». Свистящий рокот вонзился высоко в небо, пропал в белесоватом, не по-мартовски холодном небе, и снова обрушился вниз уже сзади, давил, разворачивая голову со страшно нарастающей силой, но Андрей уже хорошо овладел своим единственным, парадоксально пригодившимся ему оружием — малой скоростью «уточки», снова свернувшей от «месса» уже в другую сторону.

И так он «свил» с ним несколько странных восьмерок, но все же понимал — сколько веревочке ни виться... Немец, разумеется, исхитрился бы в конце концов поймать его в прицел, Андрей все понимал, и «схема» его была рассчитана ненадолго — уходя от немца, он все ближе подбивался к Чегеду, к роящимся над ним дымам, от которых уже шел тяжелый нефтяной дух, жар, несло горелой резиной, кожей, нестерпимым смрадом, никак не вяжущимися с тихими патриархальными улочками городка, давшего приют им с Аннушкой.

Андрей лез в облака дыма, застившие свет, осыпáвшие лицо черной, отвратительно, как моль, скользящей гарью; в сатанинском чаду, погрузившем город в темень и прах, было спасение, и «мессер», разодрав в клочья мутное черное небо Чегеда, бросил сто раз проклятую им «уточку» — то ли действительно потерял, то ли израсходовал весь боезапас. Чегед, оскверненный и поруганный, во второй раз давал Андрею свой приют, и до самого аэродрома его держала в тисках нежность к Аннушке.

Он сразу увидел ее, непостижимо различил в привычном рабочем роении летного поля.

Бегло оглядев аэродром, он понял, что первая и его вторая эскадрильи — где-то там, за линией фронта, клокочущей зенитным огнем,— прикрывают штурмовиков или сами утюжат вражеские позиции, и ему стало немного обидно, что без него... Но Аннушку он сразу разглядел средь аэродромной суталоки, близ самолетов и бензозаправщиков, она почему-то была одна — крохотная, смешно приплюснутая сверху, но все же сразу узнанная им фигурка на потемневшем от весны, от масляных пятен снегу.

Она встала на цыпочки, потянулась к нему, махала, скрещивая над головой руки, и все с той же не отпускавшей его нежностью Анд-

НАРОДА

дерева; красные индейцы, вымирающие от водки и тифозных одеял; и десятки миллионов белых рабов, возносящие нечеловеческий стон из ада Европы и Америки, сквозь скрежет машин, из-под полицейского «клоба»... Это их знамя, их последний привет...»[9].

Как все это напоминает образы из поэмы Маяковского:

Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни...
Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы...
Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.

Не исключено, что приведенная заметка, как и многие другие газетные материалы, привлекла внимание Маяковского в период работы над поэмой и своеобразно преломилась в ней.

Маяковский психологически точно передает то ощущение, которое охватывало каждого в минуту прощания с Владимиром Ильичем. Приведем сначала газетное сообщение: «Пастями двух подъездов проглатывает Дом союзов густые вереницы. Обнажают головы, бесшумно поднимаются по лестнице. Наверху уже тишина. Оттуда бросают нижним рядам: «Тише»... Часовые шепотом:

— По трое, товарищи, по трое.

Смотрит один напряженно вдаль, в конце коридора и про себя:

— Страшно как-то, Ленин там...»[10].

Рассказывая о том же, что и газета, поэт достигает более сильного выражения внутреннего состояния людей, подходящих к гробу с телом Ленина.

Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв —
бездонный обрыв
в четыре ступени.

Однако, как ни велико было горе, вызванное смертью вождя, не скорбные переживания составляют главное содержание поэмы. Уже с первых строк героического повествования своеобразным камертоном звучит призыв:

Время,
снова
ленинские лозунги развихрь!
Нам ли
растекаться
слезной лужею.
Ленин
и теперь
живее всех живых —
наше знанье,
сила
и оружие.

Центральная идея поэмы — единство вождя, партии и народа, бессмертие ленинского дела — определяет не только ее композицию, но и всю систему художественных образов.

Широкий отклик в печати нашел объявленный ЦК РКП(б) Ленинский призыв в партию. «Лучшим памятником Ильичу,— писали сами рабочие,— будет массовое вступление рабочих от станка в Российскую коммунистическую партию, основателем и руководителем которой был наш дорогой Ильич»[11]. «Партия стала в центре внимания всей беспартийной массы,— отмечал корреспондент «Правды».— К ней чувствуется самое бережное и заботливое отношение. Красные пролетарские кузнецы крепят свою партию. Они отдают ей лучшие свои силы и этим возлагают на свежую могилу Ильича лучший венок»[12].

Образ «лучшего венка» на могилу Ленина у Маяковского превращается в образ «партийного венка», что значительно глубже выражает суть ленинского дела, его бессмертие.

В заявлениях о вступлении в партию рабочие объясняли, что их побуждает к этому, почему они не могут поступить иначе.

«Чтобы лучше исполнить заветы нашего дорогого Ильича,— писали 22 рабочих типографии «Красный Восток»,— просим ячейку РКП принять нас в ряды партии, при этом клянемся честно и бесповоротно исполнять заветы и линию, начертанные нашим титаном — Ильичем, и ни в коем случае не отступим ни на шаг»[13].

«И вот, товарищи, я прошу меня записать в ряды ер-ка-пе,— взлетает на трибуну беспартийный.— Как наш великий вождь приказал провести его работу назло буржуям. Ленин учил — сплачивайтесь в единый кулак. Ну, и сплачивайтесь, товарищи, чтобы наш, этот кулак не угрызали те, кто смотрит на нас жадными зубами»[14].

Все эти мысли, волнения и заботы, вызванные раздумьями над тем, что делать дальше, как быть без Ленина, кто его заменит, прекрасно отражены в поэме. Маяковский использует такие типично народные обороты, как «ячейка еркаповая». Он не боится и на первый взгляд грубоватого выражения, как «довольно валяться на перине клоповой». Так появились изумительные по своей силе строки:

Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
— Трудно
будет
республике без Ленина.
Надо заменить его —
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине клоповой!
Товарищ секретарь!
На тебе —
вот —
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод...—
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.

В письмах и устных выступлениях, опубликованных в периодике тех дней, доминирует одна мысль: дело, начатое Лениным будет жить и побеждать. «А он желтовато-бледный, спокойный, великий и в гробу, даже в молчании смерти продолжает творить то, чем был занят всю свою жизнь: организует, сплачивает, вновь и вновь зовет на борьбу»[15]. В другой информации о похоронах Ленина читаем: «А полки все идут, идут бесконечной вереницей. На лицах у всех несокрушимая решимость осуществить заветы учителя и вождя. Уже не раздается команда вождя. Смерть сковала его уста. Но армия в эти минуты понимает его команду без слов: «Теснее в ряды!..» Последний смотр... Этой армии нет конца. Сторонись, старый мир! Освободи место новому!»[16].

В этой связи нельзя не указать на заключительные строки поэмы:

С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!

Сопоставление поэмы с газетными откликами на смерть Ленина убедительно показывает, что для поэта газетный материал — это не архивный источник, это живой голос современников. Это отражение того, что Маяковский видел и слышал и что с большой поэтической силой воссоздал в своих стихах.

Поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», сохраняя живое дыхание времени, всем своим содержанием устремлена в завтрашний день, в наше сегодня. Происходит это потому, что Маяковский, хотя и отправлялся от конкретных фактов, взятых из жизни, не просто отражал действительность, «перекладывая» ее в стихотворные строки. Он выявлял и художественно обобщал ведущие ее тенденции. Самой отличительной, наиболее приметной особенностью поэта было его умение творчески осмысливать жизненный материал, умение видеть главное, характерное, поднимать конкретный факт действительности до типической черты эпохи. Все это делает поэзию Маяковского вообще и поэму «Владимир Ильич Ленин» в частности вечно живой, не ослабевающей по силе воздействия на массы. Каждое новое поколение читателей всегда будет находить в его стихах то, чего не замечали предшественники.

[9] «Рабочая Москва», 30 января 1924 г.
[10] Последний долг.— «Правда», 26 января 1924 г.
[11] На фабриках и заводах.— «Правда», 24 января 1924 г.
[12] Венок на могилу Ильича.— «Правда», 31 января 1924 г.
[13] Рабочие в ряды РКП.— «Правда», 27 января 1924 г.
[14] Заявления о приеме в партию.— «Правда», 26 января 1924 г.
[15] Пять минут у изголовья Ильича.— «Правда», 26 января 1924 г.
[16] Последний смотр.— «Известия», 29 января 1924 г.

рей стал перекладывать тяжело идущую машину с крыла на крыло, подавая ясный всему аэродрому знак — приветствия и любви, и Аннушка закружилась в солнечных бликах дня, разогнавшего осточертевший всем туман и давшего жизнь аэродрому. Делая предпосадочный круг, он заметил — в конец посадочной полосы, где должна будет остановиться «уточка», мчит похожий на игрушку «виллис», еще более игрушечный от рослой фигуры сидевшего в нем командира полка. Видно, Аннушка в бездумном своем танце не замечала «виллис», и Андрею стало неловко за нее, и только когда «виллис» резко, как вкопанный стал поодаль, Аннушка увидела его, вытянулась в струнку, потупясь, и вдруг, вероятно, «по приказу свыше», побежала к машине, смешно, по-девчоночьи закручивая ногами...

Когда он сел, Аннушка подбежала первая и внезапно остановилась, всматриваясь в него со сменяющимися в глазах ужасом и весельем. Ничего не понимая, Андрей стал оглядывать себя: может, не заметил в горячке чего-нибудь, что мог натворить «месс», но руки-ноги у него ворочались и голова была цела. Он посмотрел назад и увидел совершенно черные, со странными бельмами глаз, физиономии начпрода и техника; и тужурка Андрея и вся машина были в копоти. Но Аннушка ничего не хотела знать — убедилась, что он жив и невредим, подбежала к нему, прижалась содрогающимся от радостных всхлипов, невероятно родным ему телом.

— Как из ада,— тихо, со страдающими глазами рокотал «батя», отвернувшись и глядя на самолет и неизвестно что имея в виду: дантовы круги, через которые прошел Андрей по его приказу, или черные, как у чертей, рожи, сияющие из второй кабины «уточки».

— Как из ада,— повторял он, привлеченный возней двух людей, силящихся что-то и откуда-то вытащить.

В руках одного и другого оказалось по старому, истертому сапогу, на голых, неприятно белых ногах болтались грязные портянки... Они все-таки вытянули механика — тот обвис у них на руках, щуплый, растерзанный, лицо было страшно, лилово раздуто от налившейся во время полета крови, и когда его ссадили с самолета, всунули в сапоги, он валился на землю, ничего не соображая.

Андрей уже не испытывал злости на начпрода, который, растерянно стоя перед командиром полка, прикладывал руку к шапке, осыпанной пеплом по вмятинам, а другую с пажеской грацией отводил в сторону, как бы освобождая командира полка от созерцания своей скорчившейся от холода затрапезной фигуры.

Сейчас начпрод даже не был смешон Андрею, но ему опять было жаль механика, на которого так-таки и пришлись все шишки: когда его обували, выяснилось, что «месс» раздробил ему каблук и задник сапога — Андрей вспомнил резкий щелчок за спиной при первой атаке немца... Начпрод обещал похлопотать, чтоб выдали новую обувку. Но сам механик только через неделю, в лазарете, встал «с головы на ноги».

В БЕЙРУТЕ

А. СОФРОНОВ

Солнечный, ветреный день. Последнее утро в Дамаске, где мы провели целую неделю. Впереди — дорога в Бейрут. Давно я не пользовался этой дорогой. А осталась она в памяти широкой, идущей по пустынной, каменистой местности, и только около ливанской границы окружена с двух сторон небольшими селениями.

У границы шум подъезжающих автомашин, легковых и грузовых. Здесь полагается пройти обычные пограничные процедуры. Миновать сначала сирийских, потом ливанских пограничников, затем уже въехать в Ливан.

Все выше поднимаемся в гору. Возле дороги лежат метровые снежные сугробы. Настоящая зима.

В памяти осталась неделя в Дамаске. Встречи со многими писателями арабских стран на их XII съезде, выступления, поэтические вечера — все, что обычно сопутствует тем, кто связан с литературой и особенно с поэзией.

Зачем же на этот раз мы направляемся в Бейрут? Задачи две: познакомиться, как в новых условиях работает редакция журнала «Лотос» — орган афро-азиатских писателей, и подписать договор о дружбе между Союзом писателей Ливана и Союзом советских писателей. Наши читатели, вероятно, не очень осведомлены о журнале «Лотос», поэтому мне хочется коротко охарактеризовать его. Сорок с лишним номеров журнала выпущено за эти годы на английском, французском и арабском языках. На последней, Шестой конференции писателей стран Азии и Африки, которая состоялась в июне 1979 года в столице Анголы Луанде, была избрана новая редколлегия «Лотоса». Редактором журнала назначен прогрессивный пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Редакция журнала переместилась из Каира в Бейрут, где еще расположилась и редакция «Лотоса», выходящего на арабском языке, возглавляемая талантливым палестинским поэтом Моином Бсису. Редакция перебралась сюда совсем недавно. Наши ливанские и палестинские друзья сделали все, чтобы те, кто возглавил новую редакцию, чувствовали себя уверенно на трудной ливанской земле в многострадальном городе Бейруте!

...На следующее утро после приезда мы были в кабинете Фаиз Ахмад Фаиза.

Фаиз Ахмад Фаиз последние десятилетия жил нелегкой жизнью: сидел и в пакистанской тюрьме, испробовал горький хлеб эмиграции. Но не переставал писать.

Фаиз говорил:

— Мы полны надежд и уверенности в том, что «Лотос» по-прежнему будет привлекать внимание читателей. Мы собираемся публиковать произведения новых авторов, молодых писателей Азии и Африки. Для нас одной из основных задач является распространение «Лотоса», реклама его, ибо каждый читатель, знающий английский, французский, арабский языки, может в журнале найти для себя интересные произведения о жизни народов этих двух континентов.

Был теплый, солнечный день. С балкона вместе с Фаиз Ахмад Фаизом, Моином Бсису мы смотрели на виднеющееся невдалеке Средиземное море и оглядывали сложный, кипящий, как муравейник, Бейрут. Моин Бсису сказал:

— Стоит посмотреть на этот Бейрут. Здесь были тяжелые бои, бомбардировки, разрушены целые районы.

И невольно вспомнились стихи Моина Бсису, опубликованные в прошлом году в «Огоньке»:

Счастлив поэт в аэропорту.
Счастлив читатель в аэропорту.
Был безопасен путь сюда,
к трапу, где стоит самолет
иностранный.
И все — о'кей.
И только мешок с песком
один
напоминает — это Бейрут.

Бейрут
не гибнет и не живет,
читает газетную статью:
справа — убитый,
слева — мертвец.
Газета читается — жизнь идет.
Счастлив поэт,
доволен читатель —
скоро отправится самолет.
А этот жалкий мешок с песком
не будет мозолить глаза.
И, однако, Бейрут живет
и умирает
в своих стенах.

Горький город.
Пули. Хлеб.
Вино. Развалины. Облака.
Корабль, выброшенный на мель.
Запястья в наручниках.
Интервал
между трупами. И мишень.
Изрешеченная доска.
Афиша, исхлестанная дождем.
Длинные пальцы твои дрожат
над клавишами ночей и дней.
И птица весенняя парит
над руинами.
Взрывы бомб.
Газету печатает кровь. И боль.
Газету читает ночь. И смерть.
Тем временем в аэропорту
читатель доволен, счастлив поэт.
И стюардесса раздает
посадочные талоны. Ура!
Тысяча метров.
Бейрут позади.
Как хорошо!
Бейрут позади.
Можно газету почитать.
В Бейруте налаживается жизнь.
Как приятно!
И все — о'кей.
Довольны все.
Бейрут позади...

...Вместе с работником АПН Владимиром Парузиным мы направляемся из шумного торгового приморского района в район города, сейчас безмолвный. Вскоре мы оказываемся среди развалин, где у моря поднялись стволы расстрелянных, без ветвей, пальм, возвышались полуразрушенные дома. Я вышел из машины. Но тут же услышал голос Володи:

— Садитесь в машину, здесь могут быть снайперы.

Мы отправились дальше. И снова — развалины, обожженные стены, груды кирпича и перешибленные напополам стволы безжизненных пальм. Когда ты видишь это своими глазами, все представляется тебе во всей драматичности, во всей сложности событий. Бейрут и сейчас активно торгует и даже строится в отдельных районах. Но безжалостные, опустошительные следы войны остались всюду. В те дни на страницах французского журнала «Монд дипломатик» появилась статья Селима Тюркье, в которой говорилось:

«Огромная гибкость ливанцев, их способность путешествовать, перестраиваться, в значительной мере ослабила удар, который они испытали. Но, конечно, не все сумели так дешево отделаться. Эта война, которую никто не выиграл, которая ни к чему не привела и которая еще не кончилась, дезориентировала целое поколение. В каждом из лагерей значительно увеличилось потребление «сильных» наркотиков. К жертвам войны необходимо отнести прежде всего все население, проживающее на юге от порта Сайды: в течение пяти лет оно вынуждено было раз десять покидать свои родные края, причем наиболее массовое переселение началось после израильского вторжения на юг Ливана в марте 1978 года. В последние месяцы этот район не только страдает от карательных операций Израиля, но и подвергается систематическим ежедневным бомбардировкам. Сегодня, в то время, когда остальная страна живет весьма относительной мирной жизнью, юг, покинутый своими жителями, продолжает разрушаться, при этом нет никакого проблеска решения его проблем».

...На другой день Моин Бсису сказал мне:

— Ты приглашен в Бейрутский университет, в зал имени Гамаль Абдель Насера для выступления на митинге, посвященном солидарности с палестинской революцией. Там будут выступать представители Ирана, Кубы, Египта, Ливана, Южного Йемена и, конечно, Палестины.

Когда мы подъехали к залу университета, на площади было уже очень много людей, ряды палестинских солдат в белых касках, броне-

---

Здесь шли бои. ● В центре Бейрута.

На развороте вкладки: Молодые палестинцы.

На площади перед Бейрутским университетом.

Митинг солидарности с палестинской революцией в зале имени Гамаль Абдель Насера. Выступает египтянка Азза Нагм.

ILVER CITY

OLIDARITY DAY IS THE DAY
Y OF THE PALESTINIAN REVOLUTIONARY
THE DAY OF DEFEAT OF RACIST
VISM. P.L.O.

машины с поднятыми в небо пулеметами и пушками. Гремело радио, слышался многоголосый говор. Здесь чувствовались решимость, мужество, воля к победе. Пробившись сквозь тесную толпу, мы вошли в зал, наполненный до отказа молодыми людьми. Вскоре начался митинг. Звучали песни, произносились горячие речи. На стене висел большой плакат: «Кровь наша не нефть и не вода. Она — соль земли во время пахоты и порох ее во время гнета».

Это были образные слова Ясира Арафата, который как-то сказал: «Кто живет в пору оков — не боится землетрясения».

На сцене появилась высокая женщина с распущенными косами. Это была египтянка Азза, жена египетского прогрессивного поэта Ахмада Фуида Нагма. Человек, представивший ее, сказал:

— Привет тебе, Египет Абдель Насера.

Девушка читала стихи, спела песню, говорила:

— Арабы поднимаются на борьбу против кемп-дэвидских предательских соглашений, против предательства Садата. Я — египтянка. Мы здесь среди братьев. Я прошу вас, не путайте два понятия: они — это они, а мы — это мы.

С прекрасными стихами выступил Моин Бсису. А когда я после выступления вернулся на свое место, ко мне протиснулись две девушки: одна светловолосая, другая — смуглая. Первая обратилась ко мне на русском языке:

— Мы рады, что в этот день вы вместе с нами.

В те дни в бейрутской газете «Ас-Сафир» было опубликовано интервью с премьер-министром Ливана С. Хоссом. В нем говорилось, что кемп-дэвидские соглашения полностью провалились. Они не могли дать Ближнему Востоку прочный и стабильный мир, так как игнорируют палестинскую проблему, отстранили от процесса ближневосточного урегулирования арабский народ Палестины и пытаются решить конфликт без решения проблем народов Ближнего Востока. Кемп-дэвидский сговор игнорируют и другие страны, и Советский Союз, без которого нельзя решать мировые проблемы.

...Недолго, всего три дня, мы были в Бейруте в декабре прошлого года. А в середине января этого года я снова летел в Бейрут по приглашению ливанского Союза писателей на их Первый объединительный съезд. В условиях сложной, запутанной, инспирированной агентами Израиля и ЦРУ обстановки, которая сложилась не только в самом Бейруте, но и во всей стране, литераторы Ливана решили объединить силы, создать единый Союз писателей. Все это было не так просто, небольшая часть ливанских литераторов не поддержала эту идею, но подавляющее большинство писателей подготовило съезд, открывшийся в одном из отелей Бейрута.

Со съездом ливанских писателей совпало первое заседание новой редколлегии журнала «Лотос». На заседание редколлегии и на съезд ливанских писателей прилетели живущий в настоящее время в Гаване генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки, южноафриканский писатель Алекс Ла Гума, индийский поэт из Калькутты Шубхаш Мукерджи и сенегальский поэт Мамаду Траоре Диоп...

Нам предстояло утвердить планы работы журнала на ближайшее время. В один из вечеров был устроен прием от имени Ассоциации и журнала «Лотос». Прием посетил Ясир Арафат.

— Я рад видеть вас всех вместе,— сказал Арафат.— Сравнительно недавно я был в Советском Союзе и полон впечатлений от встреч с советскими руководителями. Мы боремся. Борьба эта нелегка, но мы чувствуем поддержку всех народов Азии и Африки, всех прогрессивных людей во всем мире.

За несколько дней до этой встречи, выступая на митинге в лагере палестинских беженцев Айн-Хильва, расположенном неподалеку от города Сайда, Ясир Арафат говорил:

«Мужество и стойкость, проявленные палестинцами и ливанскими бойцами на юге Ливана в отражении сионистской агрессии, наглядно продемонстрировали Бегину, Картеру и Садату, этой троице Кемп-Дэвида, тщетность их замыслов покончить с Палестинским движением сопротивления и арабскими освободительными силами. Расширение борьбы палестинского народа, в том числе небывалый ее подъем на оккупированных Израилем территориях, обрекло на провал капитулянтские кемп-дэвидские соглашения, преследовавшие цель свести на нет палестинскую проблему и установить американо-сионистское господство во всем регионе. Перед волей палестинской революции оказалось бессильным даже современное американское оружие, щедро направляемое израильскому агрессору Соединенными Штатами».

...Обстановка в Бейруте снова обострилась. Люди жили в ожидании каких-то новых событий. По вечерам темно и малолюдно, ходить по улицам было небезопасно.

Прилетевший в Бейрут из Ливии египетский прогрессивный писатель, наш старый друг Абдаррахман аль-Хамиси сказал:

— Я предлагаю съездить вечером на побережье Средиземного моря, в рыбный ресторан, где мы сможем спокойно поговорить о том, что происходит здесь и в других местах мира.

— А не опасно?

— А что? Сейчас всюду опасно.

— Поехали.

Здесь продают обувь.

Новые дома.

Торговые ряды.

Раны Бейрута.

Для меня эта дорога была хорошо знакома. Не один раз в прежние времена мы направлялись по ней в Сайду, Тир, Набатию. Но тогда здесь был еще мир. С двух сторон лежали виноградники и цитрусовые сады. Люди работали в этих садах. Рыбачьи лодки уходили в море. Сейчас же была кромешная тьма, патрули, узкие проезды мимо набитых песком мешков, внимательный взгляд часовых, смотревших на номера машин, всматривающихся в лица пассажиров.

И вот мы уже в пустынном ресторанчике. Слышен тихий плеск волн. За окнами темнота. Поскольку вечером нам предстояла еще одна встреча, в половине десятого мы покинули ресторан. Где-то, совсем близ Бейрута, загремели автоматные выстрелы. Перед машиной пронеслись трассирующие пули.

— Здесь снова столкновение,— сказал спокойно Хамиси

На следующее утро мы узнали, что причина перестрелки была не слишком значительной. Столкнулись два автомобиля — водители схватились за пистолеты. В дорожный конфликт вмешалось несколько солдат, принадлежащих к разным политическим группам. Никто из стрелявших не пострадал. Тяжело ранен был лишь один прохожий.

...После обеда, устроенного в честь делегатов съезда министром просвещения Ливана, мы выходили из ресторана отеля, где все это происходило. Тепло попрощались с председателем Союза писателей Ливана Ахмадом Абу Саадом. Он провожал очень пожилого поэта, выступавшего на обеде с чтением своих стихов. Поэт сказал мне:

— Вы из Советского Союза? Мы рады видеть вас здесь, в Бейруте. Мы постоянно чувствуем вашу помощь и вашу дружбу. И я хотел, чтобы вы знали, что еще до вашей Октябрьской революции я написал стихи, в которых говорил о том, что рабочий класс победит.

Его старческая, сморщенная рука была сильной. Я пожелал ему здоровья. Он улыбнулся и сказал:

— Главное — наша победа.

Оказавшись в Бейруте во второй половине января, мы мгновенно почувствовали, что прогрессивные и демократические силы в Ливане и других арабских странах осуждают пропагандистскую шумиху, поднятую на Западе в связи с событиями в Афганистане. В лице революционных Афганистана и Ирана, указывала бейрутская газета «Ан-Нида», они видят источник силы в их борьбе против капитулянтских проектов ближневосточного урегулирования. Именно поэтому творцы кемп-дэвидской сделки — Вашингтон, Тель-Авив и Каир — взяли на себя постыдную миссию стать зачинщиками нынешней антисоветской и антиафганской кампании. Со своей стороны, американо-китайский военный альянс, создаваемый под лживым предлогом «советского вмешательства в дела Афганистана», нацелен также на то, чтобы нанести удар по национально-освободительному движению на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии.

Те же мысли высказывала палестинская газета «Аль-Канда»:

«Апрельская революция в Афганистане является подлинной революцией, совершенной в интересах трудящихся. В результате этой революции в стране осуществлен ряд прогрессивных преобразований, наиболее важными из которых являются аграрная реформа, индустриализация страны, сокращение безработицы, борьба с неграмотностью и другие. Одновременно апрельская революция нанесла сокрушительный удар по феодализму и реакционным элементам Афганистана. Не случайно поэтому, что международный империализм и внутренняя реакция увидели в этой революции серьезную угрозу для себя и с самого начала начали плести заговоры с целью ликвидировать ее и вновь ввести Афганистан в орбиту своего влияния. Для этого они собрали бежавшие в Пакистан феодальные и реакционные афганские элементы, объединили их в военизированные группировки, вооружили и обучили их ведению подрывных действий против законного революционного правительства Афганистана, имея своей конечной целью его свержение.

Доказательством этому служит то, что афганское правительство не раз демонстрировало образцы оружия американского, западногерманского и китайского производства, захваченного у членов бандитских антиправительственных группировок, проникших на территорию страны Пакистана.

В настоящее время эти страны развязали активную пропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы опорочить Советский Союз, оказавший народу Афганистана братскую помощь в борьбе с происками внешних сил. Однако эта пропагандистская шумиха ничего, кроме смеха, вызвать не может. Каждому мыслящему человеку ясно, что она направлена лишь на то, чтобы прикрыть криками «о советском вмешательстве» свое собственное неприкрытое вмешательство во внутренние дела Афганистана».

В эти же дни мы с интересом познакомились с интервью, данным Моином Бсису журналу для женщин «Миства» и опубликованным под заголовком «Бегин — шейх «аль-Азхар». Моин Бсису ответил корреспонденту на несколько вопросов.

«— Верите ли вы, что революция — основной источник вдохновения для поэтов? Или вы полагаете, что поэзия движет чувства людей к революции?

— Это единство глубоко диалектично. Поэзия влияет на революцию, и, наоборот, в свою очередь, революция влияет на поэзию. Я не могу представить себе революцию без поэзии, потому что поэзия — это истинная культура, рожденная революцией.

И подобно тому, как боец заряжает свою винтовку пулями для того, чтобы выстрелить их в лицо врагу, поэт заряжает эту винтовку не пулями, конечно, а... водопадами своей родины, ее горами, улицами, городами, короче говоря, поэт заряжает винтовку свою всей родиной, патриотизмом.

— Как вы относитесь к поэтам, которые довольствовались Ливаном лишь как оазисом красоты и покинули его в беде?

— К большому сожалению, те, кто спрятал в свое время авторучки и сбежал, сейчас мечутся от одной позиции к другой, громко разглагольствуя о высоком литературном и критическом уровне. Они готовы всегда защищать поэта-узника в той или иной стране, но когда дело доходит до защиты всего народа на поле брани, там не найдешь ни их пера, ни слова, ни лица.

Менахем Бегин стал сегодня шейхом аль-Азхара. Он выражает соболезнование по поводу того, что было совершено в Афганистане против ислама. Однако святая мечеть аль-Акса расположена в оккупированном Израилем Иерусалиме, а не в Кабуле.

Израильские вооруженные поселения сооружаются сегодня не на афганской земле, а создаются они в секторе Газа, Наблусе и Галилее.

По этому поводу я хочу написать стихотворение на броне советского танка на улицах Кабула.

На какой позиции стоят те, кто пишет и читает об этой надуманной проблеме? Им надо бы знать, что народ Афганистана целиком, без ножа и вилки, проглотит тех, кто клевещет на него, кто раздувает шумиху и публикует ворох бумаг. Они выступают псевдохранителями демократии и свободы. И это официальные чины, работающие в центральном аппарате, а не заурядные чиновники.

Мы же в некоторых случаях пытаемся с пеной у рта сгущать краски, отстаивая свободу и демократию. Все это развязывает руки американцам, сионистам и их приспешникам в борьбе против палестинского народа и его революции, а также ливанских национально-патриотических сил. Но кто из господ «миротворцев» и рыцарей свободы хотя бы открыл рот или протянул руку для защиты этой революции?

Некоторые поэты напоминают ловцов сардин на побережье моря. Они не способны противостоять той или иной системе. Прежде чем закинуть собственный невод, они сами оказываются в той или иной ловко расставленной сети. Однако перед этим они успевают раскрасить свои стихотворения и статьи словами свободы и демократии.

...Последний вечер в Бейруте. Мы поднялись в уже знакомую мне раньше квартиру нашего палестинского друга. Нас встречала его гостеприимная жена Сахба, сын-подросток Тауфик и дочка Малика. Моин Бсису был взволнован. Он сказал нам:

— Будет Ясир Арафат.

И действительно, вскоре раздался звонок, и в комнату вошел Ясир Арафат. Он сердечно поздоровался с нами, сел возле низенького столика и сразу начал говорить:

— Мы, конечно, сейчас озабочены тем, что положение в Бейруте, да и на юге Ливана, осложнилось. Ожидается нападение Израиля на юг Ливана и, конечно, израильские провокации в других местах.

Арафат помолчал, затем продолжил:

— Конечно, это уже бывало здесь. Пройдет и это. Но на палестинские войска падает особая ответственность...

Снова раздался звонок в дверь. Вошел человек в полувоенной форме. Арафат поднялся, вышел с ним в переднюю. Затем вернулся и сказал:

— Извините, но, как видите, положение не простое. Я даже с вами не смогу быть весь вечер.

Моин Бсису представил Арафату своих гостей.

— Это Шубхаш Мукерджи, он прилетел в Бейрут в очень хорошем настроении в связи с победой Индиры Ганди на выборах.

— Да, это действительно большая победа Индиры Ганди,— сказал Арафат.— Она вдохновляет всех нас. Индийский народ поддерживает палестинцев, идет вместе с нами, и мы это хорошо чувствуем.

Говорил Моин Бсису:

— Я хочу сказать своим друзьям — кто же такие палестинцы? Мы лишены своей земли, живем сейчас в Ливане, рассеяны по другим землям. Но мы — единое целое. И символом нашей борьбы является Арафат. Он не только вождь палестинцев, но и поэт, ибо палестинская революция — это поэзия.

Обычно хмурый в последнее время, не умеющий скрыть печаль и горькую думу о Египте, Абдаррахман аль-Хамиси как бы продолжил слова Бсису:

— Это действительно так. Все мы и те, кто живет на своих землях, и такие изгнанники ее, каким являюсь я, египетский поэт,— мы все кровью и сердцем с палестинской революцией, со всем тем, что объединяет и вдохновляет нас.

— Моя родина — Пакистан,— сказал Фаиз Ахмад Фаиз,— но я не могу сейчас жить там. Здесь же, в Бейруте, работая вместе с арабами, я чувствую прилив новых сил. Я верю в то, что будет свободной и моя родина — Пакистан. Я верю, что все, что в ней происходит,— это временно. Народ Пакистана не может долго терпеть ига поработителей.

Как всегда неторопливо говорил Алекс Ла Гума:

— Я сам южноафриканец, но не могу жить на своей родной земле. Поэтому для нас особенно важен пример Палестины. Она подает всем народам пример борьбы с империализмом, всем людям в Африке, Латинской Америке. Все видят, поддерживают и понимают борьбу палестинского народа. Поэтому эта борьба все больше объединяет и заставляет все более серьезно относиться ко всему, что происходит на арабских землях.

Мы высказали все, что чувствовали, и были глубоко взволнованы дружеской встречей с Ясиром Арафатом.

...Раздался снова звонок. Арафат, сидевший в это время с дочкой Моина Маликой, поднялся:

— Извините, но, к сожалению, я должен попрощаться с вами. Наступает ночь, время моей работы.

Он расцеловался с каждым из нас, крепко пожал руки и ушел.

И вдруг Сахба, жена Моина, сказала:

— Я ведь знаю его уже много лет. Еще на Варшавском конгрессе мира мы встретились с Арафатом.

В комнату вернулся Моин.

— Ясир Арафат впервые посетил мой дом. Он высоко оценивает огромную работу писателей стран Азии и Африки в борьбе за свободу и независимость.

...С каким-то особым чувством возвращался я на этот раз из Бейрута в Москву. Все было сложно там, все переплелось. Позади осталась многострадальная ливанская земля, которую еще ждет много испытаний. Но и за этот короткий срок мы снова увидели тех, кто сражается не на словах, а на деле с врагами свободы арабских народов.

Они победят!

Наталья МУРАШКО,
культработник
колхоза имени Гастелло

Когда мои девушки появляются на сцене, словно солнышко всходит. До чего ж хороши: крепкие, румяные, веселые... Лучше всех! Честное слово, на областных смотрах все коллективы сбегаются в зал, чтобы поглядеть на наш хор. Конечно, вы можете сказать, что я преувеличиваю, своих просто хвалю. Ничуть! Недавно в нашем колхозе была иностранная делегация, так одна пожилая дама, худенькая такая, с фотоаппаратом, зашла на нашу репетицию, посмотрела, послушала, а потом подошла к солистке и даже дотронулась до нее, будто хотела убедиться, наяву ли...

Ну, а если по порядку о себе рассказывать, то мне тридцать три года, а позади уже тринадцать лет работы в сельской художественной самодеятельности. И начали мы ее с мужем не в этом большом колхозе-миллионере, в нескольких километрах от Минска, а на Полесье, как говорят, в глуши, в районном Доме культуры. С той поры и по сей день наши обязанности так и разделились: муж — директор ДК, я — организатор и руководитель хора. Оба мы закончили музыкальное педучилище.

Не скажу, что были легкими, благополучными первые годы нашей с Игорем совместной жизни и работы. Негде было жить, с двумя малыми детьми перебирались из дома в дом, таскали их за собой на все репетиции и концерты: оставить-то не с кем. Никогда не забуду — выступаем мы как-то на полевом стане, вдруг сердце замирает: вижу, мой сынок прямо ко мне марширует, за юбку хватает: «Мамка, иди — чего скажу!» И смех и грех...

К тому же известно: одно дело — учеба, другое — практика. На своем опыте пришлось убеждаться, что стать специалистом в какой-либо области — одно, и совсем другое — передать свое умение людям, научить их, помочь, а в нашем деле — еще и выявить скрытые творческие резервы: они ведь есть в каждом человеке. Вот эти пять лет на Полесье стали для нас прямым продолжением учебы. Только теперь мы учились у самой жизни, у людей.

Может, поэтому именно нам предложили взять новый Дворец культуры, только что отстроенный колхозом имени Гастелло. Тогда, в 1972 году, председателем был Василий Павлович Шиманский, человек крутой, но хозяин прекрасный. Он сказал: «Не нужны мне практиканты и выпускники. Новым дворцом должны управлять люди искушенные, способные быстро наладить работу». В общем, в феврале мы приехали, а уже в мае наши первые самодеятельные коллективы дали первый концерт и вскоре стали лауреатами областного смотра.

Мы получили здесь трехкомнатную квартиру в новом двухэтажном каменном доме (таких много в колхозе). И это для меня явилось решающим доводом в пользу переезда. Почему говорю о столь «прозаичных» вещах? Вот почему. Многие, очень многие хозяйства теряют прекрасных работников только лишь из-за того, что мало заботятся об их устройстве, о бытовых условиях. А ведь нынче культработник на селе — человек далеко не последний. К нам недавно отдел культуры прислал методиста Марину Наседкину; девушка с отличием окончила институт культуры, много и увлеченно работает, а живет в общежитии сельхозтехникума, которое и так переполнено. И с большим трудом ей удалось эту-то койку добыть. Ну, предложи сейчас ей другую работу с квартирой,— ведь уйдет! И решать каким-то образом эту вечную проблему в конце концов надо. Почти повсеместная беда.

...Страшно нам было на первых порах браться за новое дело. На прежнем месте все под боком, люди рядом, деться им, кроме клуба, некуда. А в колхоз имени Гастелло входит несколько деревень, да еще и город совсем близко — столица! Много местных ребят работает на минских заводах, учится в институтах. В общем, сомневалась я, будут ли к нам ходить. У людей и так дел по горло, а в Минске театры, кино, да потом и здесь в каждом доме телевизоры. Но вышло, что боялась напрасно. Охотно, увлеченно пошла молодежь в свой новый, красивый дворец. Я в хор набрала шестьдесят человек. И не только из Сеницы — центральной деревни колхоза, где дворец находится, но еще из пяти деревень стали ходить. Автобусом приезжают, а чаще пешком: 4—5 километров. Меня одна доярка корила: «Дочка за месяц новые сапоги сносила!» И немудрено: школьники, например, весь день на ходу. Утром в школу, а она в Сенице тоже, потом идут домой делать уроки и обратно — во дворец на репетицию...

Обманывать не стану: в самодеятельности участвуют в основном молодежь, дети колхозников. Старшее поколение больше любит на концерты ходить (зал всегда набит) да аплодировать. Устают за день на фермах, на полях, к тому же дома хозяйство большое. Да что старшие. И молодые приходят на репетиции усталые. Час позанимаешься с ними, глядишь, сидит моя певунья, взгляд

И РАДОСТИ И БЕДЫ

отсутствующий, рта не раскрывает. Перестану дирижировать — она встрепенется: ой, что это я, вроде не пою? Однако ж без искусства все равно не могут. Иногда, особенно если предстоит много концертов по красным уголкам нашего колхоза или смотр какой, говорю: ладно, послезавтра не приходите, набирайтесь сил. А они: да что вы, Наталья Николаевна, мы не доживем!.. В первые годы нашего приезда репетиции были через день, так ребятам все равно было мало, еще и ко мне домой прибегали. Поставим самовар, напечем оладьев и — песни... Конечно, год от года состав коллективов меняется: парни уходят в армию, женятся, девушки выходят замуж, детей заводят, тогда уж совсем трудно вырваться в ДК. Но бывшие участники всегда следят за выступлениями нашими, даже замечания критические мне делают, ревниво так относятся: «А мы лучше пели!» Парни шлют письма: «Пока служу, никому мой концертный костюм не отдавайте, я в кармане записочку со своей фамилией оставил». А как не отдавать: давно уже новый «артист» в этом костюме выступает.

Само собой, не все сельчане активные. Есть и такие, которых в клуб надо на аркане тянуть: звать, увлекать. У нас танцевальным ансамблем и студией бальных танцев руководит Олег Янковский. Так он, большой энтузиаст своего дела, прямо на улице ловил парней: «Заходи, чего стоишь? Бросай свой «чинарик» и заходи!» Помню, одного хулигана затащил, давно на него рукой махнули все. И вот походил-походил тот парень в ДК, смотрим — что-то с ним произошло: присмирел, выпрямился, подтянулся, глядеть приятно. Вообще даже на обычных танцах, на вечерах отдыха парни из самодеятельности как-то лучше смотрятся. И танцуют красиво, не развязно, и на пол никогда ни окурка, ни бумажки не кинут, и девчатам больше нравятся. Кстати, давно уж повелось, что молодые встречаются, общаются друг с другом больше тут, во дворце. Однажды концерт субботний пришлось отменить, так из ДК расходиться не хотели, прямо осадой брали: давай музыку, танцы! Пришлось срочно самодеятельных музыкантов разыскивать... И старики тоже больше любят в кино именно пойти, а не по телевизору смотреть, и артистов слушать в клубе: мы часто приглашаем профессионалов.

Расписываю я тут прелести нашего житья, а кое-кто, поди, думает: ну ясно, колхоз богатый, рядом со столицей республики, всех гостей туда везут, значит, им всякие льготы и особые условия, как же, образцово-показательное хозяйство! Да, гостей к нам приезжает очень много: и фермы наши посмотреть и с культурным комплексом познакомиться. Да, хорошее хозяйство. Но только наша «образцовость» — ох, почему-то часто произносят это слово с некоторой долей иронии и недоверия! — не какими-то особыми льготами и привилегиями дается, а трудом людским. Нелегким, ежедневным трудом. И дисциплиной.

Не буду говорить об основном колхозном производстве, мясо-молочных фермах, а вкратце опишу наше, культурное хозяйство. Хотя сразу скажу: давно тесен стал нам дворец, мечтаем о какой-нибудь пристройке. Еще бы! В коллективах художественной самодеятельности, кружках и клубах по интересам, в народном университете культуры (в нем пять факультетов), в университете педагогических знаний занимается более полутора тысяч человек. У нас тридцать три кружка, которые работают в деревнях на общественных началах. Кружок фотолюбителей, изобразительного искусства, школьный драмкружок, а также вязания, кройки и шитья (из Минска регулярно Дом моделей к нам приезжает). При комбинате быта организован клуб молодых хозяек. Не говорю уж о спортивных секциях. Волейбол, теннис, баскетбол, лыжи... В них участвуют почти все жители колхоза — и молодые и старики.

Два года назад наш колхозный Дворец культуры стал районным, то есть перешел вроде как из рук в руки: в ведение районного отдела культуры. А это значит, наш ДК должен помогать и направлять работу еще двадцати сельских домов культуры всего Минского района. Так что двум методистам и инструктору работы через край. А казалось бы, какая тут особенно нужна работа: ну, есть где-то в деревне Дом культуры, работает в нем какой-никакой заведующий, время от времени крутит кино. Что с него спрашивать и зачем его контролировать? Для чего, положим, методисту по селам ездить, кому какое дело? Оказывается, есть дело! Есть. И не кому-нибудь, а самим сельчанам. Вы не представляете себе, сколько жалоб на плохие клубы приходит от местных жителей в отдел культуры! Люди т р е б у ю т культуры, рвутся к ней. И дворцы, подобные нашему, призваны обеспечивать духовные запросы людей. К сожалению, осуществлять это основное наше дело порой бывает очень и очень нелегко...

Не все, наверное, знают, что зачастую директором небольшого сельского клуба становится кто-нибудь из людей местных, без специального образования, так как хороший работник культуры оттуда, как правило, уйдет: нет жилья, да и зарплата, прямо скажем, невелика. Но это еще полбеды: не в том главная причина того, что культработник по призванию не задерживается долго на месте.

Расскажу одну историю. Случай из жизни. Прямо для юмористического рассказа пригодился бы, если б не был столь печальным и обыденным. Приехала девушка после окончания культпросветучилища в село — заведовать клубом. Для сведения: в небольшом и небогатом хозяйстве клуб строится и опекается отделом культуры, а не самим колхозом...

Так вот, приехала эта девушка «поднимать культуру на селе». И первым делом — в сельсовет: помогите, мол, отремонтировать клуб, деньги по смете уже выделил отдел культуры. Сельсовет отвечает: работников лишних нет! Но обещали подумать. В клубе печка никуда не годилась: надо было заново класть. Ходила девушка в сельсовет не раз и не два. А клуб пока закрыт, сельчане уже жалобы стали писать на нового заведующего: мол, приехала, а работы не видно. В конце концов, отчаявшись, вызвала девушка из города мать, вместе с ней привезла в деревню оконные стекла (их тоже не было), упросила кого-то вставить... Ну, а что с полом делать? Если кто в ДК войдет — провалится в дыру: она у самого порога. Кое-как забила ее девушка фанерой. Сразу же фанерка отлетела — под ногами первых любопытствующих посетителей. Девушка еще несколько раз пол чинила. А печь по-прежнему сломана. На улице зима. В клубе холодище. Народ не идет в клуб. Идут жалобы в отдел культуры. Через какое-то время директор замечает: пропадают кирпичи, что возле Дома культуры лежат для ремонта. К чему скрывать, бывает у нас еще и так: что плохо лежит, то мое!.. Лопнуло тут у девушки терпение, перетащила она оставшийся кирпич в свой кабинетик, замкнула клуб на замок. Сама стала рабочий день в фельдшерском пункте проводить: там хоть тепло. И телефон есть — можно звонить в отдел культуры и просить его о том, что он должен был сам давно сделать: заставить сельсовет заняться ремонтом, проследить за выполнением. Ведь далеко не каждый новый директор Дома культуры, особенно такой вот молодой и неопытный, умеет все делать в клубе своими руками, то есть владеет еще многими профессиями: столяра, печника, художника, плотника и т. д. И не каждый умеет сразу же, с ходу преодолевать человеческую инертность, уговаривая местных жителей заняться благоустройством своего клуба на добровольных началах ..

Короче, всех материальных невзгод страшнее равнодушие, наплевательское отношение к делу тех, кого оно непосредственно касается, для кого является святой обязанностью.

Немало еще претензий могут предъявить работники культуры своим ведомствам. Кажется, например, что у нас-то в колхозе дела идут прекрасно. Так то именно кажется! Правда, в первое время, когда начинали, мы всем были довольны. Но ведь любое дело требует развития, продолжения. Движения вперед. Вот возьму конкретно наш народный хор. Поначалу мы очень быстро составили репертуар, а в последнее время с большим трудом отыскиваем песни для исполнения. Ездишь в Дом народного творчества, копаешься в методическом кабинете, в библиотеке, а ничего, кроме старых куплетов или затасканных, примитивных сценариев для концертов и текстов для агитбригад, не найдешь. Ну почему бы и домам народного творчества и отделам культуры не обращаться почаще к хорошим авторам и композиторам, не собирать то ценное и интересное в профессиональном искусстве, что необходимо и нам? А то ситуация складывается такая: для самодеятельности все, мол, сгодится... Вот именно для самодеятельности и подавайте нам, товарищи музыканты, поэты, драматурги, самые лучшие стихи, самые хорошие песни, самые интересные концертные сборники. И чтоб все эти произведения нашу сегодняшнюю жизнь отражали, наши думы и дела!.. А вы, работники министерств, управлений и отделов культуры, позаботьтесь об этом!..

Пойду дальше: говорю ведь о том, что наболело. Если поначалу нашим ребятам вполне достаточно было ходить на репетиции, выступать перед своими же друзьями и соседями, то сейчас они хотят большего. С великим удовольствием поездили бы они (в нерабочие, разумеется, дни) по всему району с концертами: себя бы показали и других посмотрели, опытом обменялись. Но отдел культуры не может обеспечить транспортом! Бывает так: зрители в другом колхозе уже в зале сидят, ждут, артисты тоже готовы, а автобуса нет и нет. Концерт отменяется... По той же причине и к нам из других ДК не могут добраться тамошние самодеятельные коллективы... Мне могут возразить, что бывают областные и районные смотры самодеятельности, разве этого недостаточно? Отвечу: недостаточно! Редко они бывают. Кстати, на смотрах артисты уже не получают морального удовлетворения: слишком формально стали порой эти концерты проводить... Собирают ребята костюмы и инструменты, грузят в машины, едут за много километров, репетируют несколько часов, выступают и... после они вроде никому больше не нужны. Устроители смотров садятся в машины и уезжают, вместо того, чтобы собрать самодеятельных артистов после заключительного концерта, поговорить с ними, поблагодарить, разобрать выступления, поздравить или пожурить, посоветовать... Нет, усталые люди уныло грузят свои пожитки и — по домам! Правда, потом вслед грамота приходит, даже не всегда торжественно вручается, а именно вслед ее досылают.

Вряд ли сами участники самодеятельности в полной мере задумываются над всем этим. У них без того своих дел хватает. Но мы, культработники, должны постоянно думать об этом! Во дворец всегда люди должны идти в охотку, с огоньком, а не как по обязанности: мол, надо, Наталья Николаевна ждет на репетицию. Конечно, от каждого из нас, работников ДК, многое, очень многое зависит. Но все-таки нам хотелось бы видеть больше помощи, больше искренней заинтересованности от своих непосредственных руководителей. И... меньше случайных, равнодушных людей в сфере культуры, художественного творчества масс. Ведь мы имеем дело с людьми, которые вовсе не обязаны ходить в клубы, бросать дом, семью и в свой выходной день ехать за много верст с концертом. Потому-то любой работник культуры и должен гореть на своей работе, чтобы зажигать всех вокруг...

Счастье, что наш колхоз — и здесь я не могу не назвать председателя колхоза Е. Лифшица, секретаря парткома М. Тимошенко, председателя профкома В. Васильева — по-прежнему не забывает о нашем существовании. Колхоз гордится Дворцом культуры и внимательно относится к нашим трудностям. Всеми успехами мы обязаны прежде всего колхозу. Спасибо ему!

Я верю: человек, который чувствует и любит искусство, стремится к внутренней культуре, к творчеству, — добрый человек; он просто не может быть злым. И от нас, работников культуры, тоже зависит, насколько мир станет богаче на добрых людей.

По-разному начиналась дорога каждого из советских космонавтов к звездам. Путь дважды Героя Советского Союза Георгия Тимофеевича Берегового, депутата Верховного Совета СССР, начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, генерал-лейтенанта авиации, начался на фронтах Великой Отечественной войны, в боях с фашистами.

В отряд космонавтов он пришел в 1964 году, когда ему шел сорок четвертый год. Пришел, имея за плечами шестнадцатилетний опыт испытателя, а еще раньше — около четырех лет фронтовых боев.

В одной из боевых характеристик Г. Т. Берегового сказано: «В должности командира авиационной эскадрильи — с сентября 1943 года. За этот период эскадрильей совершено 1483 успешных боевых вылета. Ее экипажами уничтожено 92 танка, 118 повозок, 18 бензоцистерн, 22 артиллерийские батареи, создано 75 очагов пожара...»

Летчик Береговой в годы войны провел 186 боевых вылетов на самолетах-штурмовиках ИЛ-2, 132 раза он водил в бой группы от 6 до 18 самолетов. В годы войны он стал Героем Советского Союза, за боевые операции был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Богдана Хмельницкого и многими медалями.

В канун 35-летия великой Победы нашего народа корреспондент «Огонька» Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ встретился с Г. Т. БЕРЕГОВЫМ.

«МОЙ КОСМОС НАЧИНАЛС

* * *

— Георгий Тимофеевич, вы старейшина наших космонавтов и вместе с тем единственный из них, прошедший войну. Вы прожили большую жизнь в авиации, и потому кажется вполне логичным ваш приход в космонавтику. А как вы стали летчиком?

— Здесь не было ничего случайного. Семья наша жила в небольшом донбасском городе Енакиево. Мой старший брат Виктор работал инструктором в аэроклубе. А начальником аэроклуба был друг нашей семьи Василий Алексеевич Зарывалов. Сами понимаете, о чем больше всего говорили в нашем доме. Немудрено, что уже в раннем возрасте я много читал об истории русской авиации, о ее настоящем и будущем, о самолетах, летчиках. Да времена-то были какие! У всех на устах — имена Чкалова и героев челюскинской эпопеи.

В школьном авиамодельном кружке строил я планеры, причем летом во время каникул меня посылали в близлежащие пионерские лагеря делиться опытом. В общем, прививать мне любовь к небу не пришлось. Все получилось как бы само по себе, естественно, обдуманно. Так поначалу я пришел в аэроклуб. В 1938 году поступил в Ворошиловградскую школу военных летчиков.

16 декабря я прибыл в Ворошиловград. Направляясь в училище, на вокзале услышал по радио: «Вчера при испытании самолета разбился Валерий Чкалов». Так и осталась в моей жизни эта дата как начало личной летной биографии.

— И вот вероломное нападение фашистов...

— Я как раз только-только окончил училище, летал на бомбардировщиках. 25 июня был направлен в действующую армию. Нашу авиадивизию несколько раз перебазировали с одного аэродрома на другой. Летал на бомбардировщиках ББ-22. Потом, и, как оказалось, окончательно, на всю войну, сел за штурвал бронированного штурмовика ИЛ-2. Шел январь сорок второго года. Я был назначен на Калининский фронт.

— Когда вы получили первую боевую награду?

— Тогда же, на Калининском фронте. Мы штурмовали гитлеровские колонны. Однажды был получен приказ уничтожить эшелон на участке Великие Луки — Ржев, в районе станции Нелидово. Эшелон с танками и артиллерией был пущен под откос. На следующий день мне вручили орден Красного Знамени.

Причем это был первый полет после того, как пятью днями раньше я был сбит при атаке также вражеского эшелона. Пришлось тогда совершить посадку на густой лес — другого выхода не было. При этом самолет весь развалился, я же уцелел и четыре дня добирался до своего аэродрома.

— В дальнейшем вас сбивали еще?

— Да, дважды. А сколько раз в самолеты мои попадали пули и снаряды — этого не считал.

Второй раз сбили меня под Белгородом. Случилось тогда вот что. На нашем участке фронта появились новые истребители «Лавочкиныя», которые были очень похожи на немецкие «фокке-вульф-190».

После нанесения удара я собираюсь возвращаться на аэродром и набираю высоту. Видимость из-за дыма, как обычно, скверная, но мне все ж удается разглядеть справа и слева от себя два пестрых фюзеляжа. «Ну, порядок,— подумал,— прикрытие на месте». И только успел так подумать, как самолет хорошенько тряхнуло, и он загорелся.

Увернувшись от второго «фоккера», я направил машину к линии фронта. Одна мысль сверлила сознание: «Только бы дотянуть до линии, а там уж прыгнем».

Самолет пылает, вся кабина в дыму, а сзади, слышу, стонет мой стрелок-радист Петя Ананьев — у него горят сапоги и начал тлеть ранец парашюта. Вот-вот могут взорваться баки с горючим. В общем, я скомандовал: «Прыгай, Петька!» И прыгнул сам. Почти одновременно с хлопком парашюта услышал вверху оглушительный взрыв — мой самолет.

Приземлились мы с Петром рядом, на нейтральной полосе, не дотянув нескольких сотен метров до своих. Гул, пулеметная стрельба, пули свистят над головой. Видим и слышим — немцы стали к нам из минометов пристреливаться. Все ближе разрывы мин. Мы залегли в рытвине, не дышим. Все, думаю, сейчас накроют.

И тут увидели: вихляя по ухабам, крутыми зигзагами, чтобы не дать немцам к себе пристреляться, к нам на полном ходу мчит «виллис». Не доехав сотню метров, остановился в ложбине. Из машины выпрыгнул огромных размеров старшина-танкист, подбежал к нам, мы оттащили Петьку к машине и понеслись. Позже я узнал фамилию старшины — Рыцин Федор Николаевич. К сожалению, больше с ним увидеться мне не удалось, он погиб вскоре после войны.

— И вот вы у своих. Снова в бой?

— Конечно. Там, на Курской дуге, мы делали по нескольку вылетов в день. Нередко перерывы между ними были по двадцать — тридцать минут. Порой мы даже не покидали кабин, пока самолет заправлялся и снаряжался боеприпасами. И снова взлетали.

Особенно тяжелые бои проходили в районе Томаровки, где гитлеровцы проводили мощный контрудар. Подлетаешь к Томаровке и еще за много километров до цели видишь сплошное черное облако, подсвеченное десятками, сотнями вспышек. И ты ныряешь туда. Почти вслепую.

— Вы тогда были командиром эскадрильи?

— Нет, заместителем. До того дня, когда погиб мой комэск Ремезов. Мы получили тогда приказ нанести удар по участку между Ахтыркой и Богодуховом. Первую шестерку ИЛов вел Ремезов, я — другую. Спикировали, нанесли удар. Нас встретил невероятной силы огонь.

Когда развернулись и стали собираться в группу, выяснилось, что в моей шестерке сбито четыре, у Ремезова три самолета, в том числе и машина самого комэска. В дыму и пылу боя никто из нас, уцелевших, не видел, как он исчез. И никому из экипажей сбитых машин не удалось спастись.

— Вы вступили в партию на фронте?

— Да, на Курской дуге. Все в деталях помню. Это было, когда я вернулся из последнего в тот день вылета.

Присутствовал весь летный состав полка. Комиссар Иван Тимофеевич Сотников рассказал о текущей обстановке на нашем участке фронта, о предстоящих задачах. Затем достал из папки несколько заявлений.

Дошла очередь до меня. И тут, чувствую, волнуюсь, как ни в одном бою. Обсуждение было недолгим: война на все накладывала свой отпечаток. Возражений против моей кандидатуры не было. Вскоре решение первичной партийной организации было утверждено парткомом дивизии.

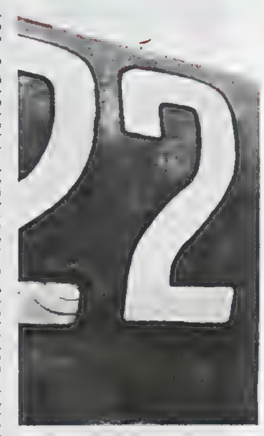
— Однажды я беседовал с человеком, который бок о бок прошел с вами значительную часть войны. Так вот, генерал Кумсков говорил мне, что все ужасы войны, гибель друзей, невероятные переплеты, в которые вы многократно попадали и всякий раз чудом оставались живы,— что все это вас как будто совершенно не выбивало из равновесия, не пугало...

— Вы хотите спросить, знакомо ли мне чувство страха? Конечно. Если и бывает бесстрашие — подчеркиваю: в буквальном смысле этого слова,— то в моем понимании оно сродни бесшабашности. А бесшабашному ничего не стоит погубить задаром и себя и других. Важно другое — уметь всегда, даже в критическую минуту, не потерять способности мыслить трезво и молниеносно, уметь действовать раскрепощенно, мобилизовать в нужный момент знания, опыт, интуицию. Я так понимаю «бесстрашие».

— Но как быть спокойным и хладнокровным в критическую минуту? Возможно ли такое?

— Невозможно и недопустимо. Особенно истребителю или штурмовику. Я знавал летчиков, погибших именно из-за флегматичности характера.

— Может быть, эта раскован-

Таким был Г. Т. Береговой на фронте.

Я НА ФРОНТЕ»

ность мышления и действий и сохранила в конечном счете вам жизнь?

— Может быть. Но если б мы, солдаты войны, думали прежде всего о том, чтоб остаться в живых, разве праздновали бы мы День Победы?

Вот участвовали мы в так называемой Львовско-Сандомирской операции. Нам предлагалась свободная «охота» — поиск и уничтожение вражеских эшелонов. Летали без прикрытия в плохую погоду. Поэтому приходилось снижаться буквально к самой земле. Кругом аэродромы, сплошной заградительный огонь. Над станцией же лучше не пролетать—обязательно собьют. А эшелоны уничтожать нужно. И вот не было случая, чтоб экипаж не привозил фотографий, фиксирующих поражение цели. А возвращался примерно один самолет из трех. Очень многих мы тогда недосчитались. Люди всегда знали, что

шансов остаться живыми мало. Что можно просто пройти где-то над лесом, отстреляться и сесть — все без особого риска. Но такого не было. Именно поэтому, именно так выиграл войну наш народ. Такова была цена Победы.

— Где вы ее встретили?

— В Чехословакии. Мы стояли около Брно, когда получили приказ участвовать в уничтожении группы Шернера, которая отходила на запад в расчете сдаться американцам. И после подписания фашистским главнокомандованием акта о безоговорочной и полной капитуляции группа Шернера продолжала оказывать сопротивление. Так что для нас война продолжалась до 12 мая. Вы представляете себе, чего стоили эти три лишних дня войны, когда и мы и гитлеровцы понимали, что все решено, что нет ничего более бессмысленного? Три лишних дня! За эти дни в нашем сознании, в нравственной оценке событий произошли крутые, резкие перемены. Когда люди гибли до восьмого — девятого мая,— жалко, тяжело, но понимали: что поделаешь — война. Но когда мы теряли людей десятого, одиннадцатого, двенадцатого мая — эти потери воспринимались уже совершенно поиному. Здесь мы открыли для себя нечто новое, по-новому стали оценивать, что такое жизнь человека. А какие это были жизни! Ребята в 22—24 года. И их нет.

— После войны вы остались в авиации, стали летчиком-испытателем, провели еще около двух тысяч часов в воздухе. Вы пришли в космонавтику, а космический полет — это прежде всего испытание новой техники, это риск. Опять риск...

— Не будем искать далекие сюжеты, вспомним хотя бы полет на станции «Салют-6» — полугодовую экспедицию Ляхова и Рюмина. Полгода на орбите, они сделали все как положено, выполнили всю программу. И вдруг перед самой посадкой — непредвиденное: не полностью отделилась антенна субмиллиметрового радиотелескопа от станции, поставив под угрозу все дальнейшие с ней работы. У нас на Земле потекли бессонные ночи — что делать? И вот сами космонавты предложили: нужен выход в открытый космос. Никто от них этого не посмел потребовать. Все понимали: люди находятся на пределе своих физических возможностей. Но мы согласились. И они вышли и провели серию сложнейших операций как высокого класса специалисты. Это ли не подвиг? Уверен, что, окажись такие люди на фронте... Впрочем, я думаю, все ясно.

— Георгий Тимофеевич, несколько слов о вашем полете. Находясь на борту своего космического корабля «Союз-3», вы, наверное, пролетали над теми местами, где некогда воевали?

— Пролетал, искал и узнавал те места. Удивительно, но годы не стирают из памяти ничего. Я, может быть, забываю кое-что из того, что было со мной до войны или после нее. Но всю войну помню отчетливо, в деталях. Дорого она далась нам. И знаете, о чем я еще думал, кружа над планетой? О том, что планета — это почти целиком океан, что земли-то на Земле совсем чуть-чуть. И как же нелепо, чудовищно, что есть еще люди, которым мало того, что пережило человечество. Которым непременно снова нужна война на этой земле, над которой светит солнце. На которой играют и смеются дети.

СОХРАНЮ НАВЕКИ

Этот портрет Юрия Гагарина напечатан в Париже в 1961 году.

В моем журналистском архиве есть несколько дорогих реликвий — это письма и открытки 1961 года, имеющие непосредственное отношение к Юрию Алексеевичу Гагарину. Мне довелось быть в числе тех, кто помогал первому космонавту разбирать почту — нескончаемый поток восторженных поздравлений со всего мира. Поздравления лились беспрестанно — многие десятки тысяч из десятков стран на десятках языков. Сколько непосредственности, искренности, радости было в каждом послании! О четырех из них хочется сейчас рассказать.

Юная англичанка старательно написала страничку, приложила свою фотокарточку. А текст вот какой:

«Если бы Вы могли написать мне хотя бы несколько слов, я была бы очень тронута, даже если бы Вы написали по-русски. Я бы купила русский словарь, чтобы обойтись без переводчика! Я очень счастлива за Вас, такие, как Вы, и сами должны быть счастливы. Я хотела встретиться с Вами, да и кто не хотел бы? Заканчиваю свое письмо, так как чувствую себя недостойной писать герою государства и первому космонавту. Привет Вам! Сюзанна».

Конечно, Сюзанна получила ответ от самого космонавта. Возможно, она даже увидела его: ведь Юрий Гагарин побывал в ее родном городе Манчестере.

Второе письмо, точнее, открытка. Зеленый город на берегу моря. Южная растительность. Волны, набегающие на широкий пляж. Таррагона. Испания. Франкистская Испания. На обороте открытки дата: 15.4.61. А ниже — по-русски:

«Сердечно поздравляю Вас с успехом! Будьте добры, черкните мне, пожалуйста, пару слов. Сохраню их навеки! Уважающий Вас J. Gäell i Socias». Затем еще одна фраза: «Напишите, пожалуйста, не прямо но мне, а моему другу (следует адрес города Рочестера в графстве Кент в Великобритании). И почтовый штемпель — английский: «Рочестер, 24 апреля 1961».

Юрий Алексеевич прочел открытку, задумчиво посмотрел в окно, словно хотел за далью увидеть Таррагону, откуда нельзя послать весточку непосредственно в Москву. С тех пор многое изменилось: Таррагона, как и вся Испания, стала гораздо ближе. Может быть, эти строки попадутся на глаза испанцу, отважившемуся в шестьдесят первом поздравить советского космонавта? Может быть, он поведает, как дошла до него драгоценная «пара слов» Юрия Гагарина?

С почты ежедневно привозили тяжелые мешки. В одном из них была открытка из Камеруна, на которой запечатлена центральная площадь города Дуала. Жак Канс писал:

«По случаю первого полета первого советского космонавта Юрия Гагарина я присоединяю свой голос к голосу молодых камерунцев, стремящихся к миру и справедливости. Торжественно поздравляю с необыкновенным достижением советской науки, поздравляю вас, отстаивающих дружбу всех народов без различия цвета кожи. Да здравствует мир во всем мире! Да здравствует Юрий Гагарин, совершивший величайший подвиг века! Да здравствуют ученые Советского Союза!»

Еще одно письмо, из Франции. Открытка с портретом Гагарина была напечатана в Париже. Улыбающийся Юрий Алексеевич сидит в салоне пассажирского самолета, смотрит прямо на вас — кажется, сейчас услышишь и его голос, голос, который уже 12 апреля стал знаком и близок всему миру. В руках Юрия Алексеевича развернутый журнал «Авангард», в заголовке статьи набранное крупно слово «космонавт», а на обложке он — Гагарин. В те дни корреспондент «Юманите» сообщил мне, что спрос на портрет Гагарина был так огромен, что сразу было решено издать специальную открытку. Ее выпустил Союз коммунистической молодежи Франции очень большим тиражом. И тем не менее она была раскуплена мгновенно!

Я бережно храню дорогую, историческую реликвию, вновь и вновь перечитываю приветствие парижанина:

«Горячо поздравляю с замечательным подвигом, неопровержимым доказательством превосходства социалистической системы. В Вашем лице я поздравляю все народы Советского Союза, строящие коммунизм. От всего сердца надеюсь увидеть Вас вскоре, увидеть, чтобы выразить Вам свое восхищение».

Вот такие они — четыре послания из многих, многих тысяч. Четыре послания из шестьдесят первого года. Они — не только история. Они — послания в наш день, в будущее. Послания о подвиге, сияние которого никогда не поблекнет.

Вл. РУДИМ

ПОБЕДИТЬ И ВСТРЕТИТЬ

«Только бы победить и встретиться с тобой». Во многих письмах, что пришли в адрес «Летописи Великой Отечественной», есть такие строки. Строки о любви, о верности, о надежде на встречу с самым дорогим человеком. Сквозь все муки войны пронесли люди свою нежность, преданность любимым. И это тоже было подвигом, подвигом души и сердца — ждать пропавших без вести, верить, что они живы и что встреча обязательно будет.

1941 — 1945
ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Зоя Николаевна Варламова и Милий Николаевич Селюков познакомились в 1936 году, а 31 декабря 1940 года они поженились. В мае сорок первого полк, где служил лейтенант Селюков, выпускник Подольского артиллерийского училища, выехал в летние лагеря на нашей западной границе. Палатки стояли в полутора километрах от нее. В ночь на 22 июня к лейтенанту приехали жена и мать, а в 4 часа 30 минут начались обстрел и бомбежка. Женщин отправили на зимние квартиры, а Селюков и его товарищи вступили в бой. Вечером 22 июня ему удалось послать коротенькую записку жене и матери.

Следующее письмо от мужа Зоя Николаевна получит только через полтора года. Вот оно.

7.II.42 г.

Здравствуй, моя дорогая Зока!

Сегодня такой великий день, а мы не можем вместе отпраздновать, ты обо мне ничего не знаешь, и я не уверен, что увидеть смогу тебя в живых.

Уже 15 дней, как нахожусь на территории, освобожденной от немцев, а ровно 16 месяцев был глубоко в тылу врага и уничтожал всякую нечисть, которая топтала советскую землю.

Как вас с мамой проводил, то сразу же через три дня столкнулся с фашистами, а 27-го между Белостоком и Волковыском был ранен, 29-го вторично. В руки им даваться не хотелось, все же рассчитывал жить и быть полезным для Родины... Не терял надежды перейти через фронт.

22 июля недалеко от Орши наскочил на карательный отряд и вместе с мирными жителями был взят. 20 сентября 1941 г. бежал с Брест-Литовска. С наступлением весны вышел в партизаны и вот до сих пор действовал против гитлеровцев, полицаев и прочих.

В скором времени жду назначения в часть или в тыл врага на работу. Получил новое звание — капитан.

Все же странно устроена жизнь человека. Когда я находился глубоко в тылу врага, то моей мечтой было: «Только ступить на освобожденную территорию». А вот сейчас появилась другая мечта — быть хоть один день с тобой, обнять и тогда снова идти куда угодно, на какое угодно задание.

Вот когда начинаешь ценить жизнь и видеть все замечательное в жизни.

Впереди еще много испытаний, страданий и неожиданностей. Как удастся пройти этот сложный путь? Удастся ли выйти живым?

Хорошо, что я тебе сообщил — жил это время хотя и у врага, но не в пользу его, а против, выполняя свой долг перед Родиной.

Прощай, моя милая Зойка!

Твой Милка никогда тебя не забывал и, пока живет, всегда будет помнить.

* * *

9.5.44. Милые мои Зока и Сережка!

Скоро будет три года, как мы, Зока, живем надеждой на скорую встречу. Видимо, если придется вновь встретиться, то сын отца с матерью поведет на футбол. Какой он, наш Сережка? Пришли хоть какую-нибудь фотографию.

У меня здесь жизнь идет «весело». Фриц сегодня, например, задал такой концерт, что стены ходили ходуном. Я дал ответный дуэт, и пока все смолкло.

Вот уже глубокая ночь, луница вовсю запузыривает, и вспоминаются те милые деньки, когда мы были вместе.

Ну, спокойной ночи, а мне караулить фрица — мы с ним соседи (1 км) и, конечно, охотимся друг за другом.

Целую крепко.

Твой М.

30.5.44. Родная моя!

Получил горестное для нас известие, оно как гром свалилось на нас. До сих пор я не могу прийти в себя. Неужели у нас больше нет нашего милого Сережки?..

Мне не хочется даже верить. Значит, теперь, если меня убьют, то уже никого не останется наследника Селюковых и Варламовых. У меня все из рук валится. Ничего не могу делать и только с каждой минутой увеличивается злоба на эту войну.

Не отчаивайся, Зока. Только одно прошу: не забывай Милку, а он всегда любил и любит свою Зойку.

Береги себя, тогда и сын у нас будет, которого мы сможем сберечь и вырастить.

Целую крепко. Всегда твой М.

8.VIII 44 г. Милочка, любимый!

У нас сегодня лампа горит, так я и радуюсь, что хоть посидеть можно подольше, да и с тобой поговорить. А керосину чуть-чуть, на донышке. А так посидеть хочется, почитать. Так хочется, чтобы ты был тут, рядом. Ты знаешь, что я сейчас читаю? Горького «Детство». И снова и снова восхищаюсь его отточенным языком, его знанием всего. Господи, как хорошо пишут наши русские писатели! Вот подожди, родной, ты тоже будешь все перечитывать, ведь классиков наших можно читать без конца, и поймешь еще лучше всю красоту их произведений.

Пиши хоть почаще, ведь беспокоюсь.

Зоя.

8.VIII.44. Мой родной!

У нас дождь, ветер, холод — брр! Пальто все еще шьется, и я зябну в крохотной жакеточке.

О тебе думаю все дни. Милка, любимый, хороший! Люблю тебя! Не забывай это.

Много читаю Маяковского и о Маяковском, о Блоке, о моем любимом Пастернаке.

Береги себя, мое солнышко! Как хочется обнять тебя крепко, крепко. Ты у меня такой сильный, черномазый, так хорошо с тобой.

Вот приедешь, ну тогда заживем! Завидовать будут. Помнишь, как нас считали за брата с сестрой? И мы ходили дружно, и мне всегда было радостно за тебя.

Крепко целую.

Твоя жена Зоя.

8.8.44 г. Родная моя, славная Зока!

Сегодня исполнилось 8 лет нашей дружбы! Теперь я нахожусь далеко, далеко, в глубокой Польше, вблизи от Варшавы. Но как ни велико расстояние, а любовь к тебе с каждым днем все больше и сильнее. Такую дружбу, как наша, можно редко встретить. 8 лет назад я встретил мою милую девчонку, и как дорога она стала для меня. И вот теперь, когда я стал солдатом, борцом за освобождение Родины, эта девчонка милая, всеми любимая, стала матерью, женой и другом моим.

Годы тяжелой разлуки, тяжелые годы испытаний не только не отделили нас, а, наоборот, еще больше сблизили, сроднили.

Многие могут завидовать нам. В боях за г. Брест-Литовск я имею благодарность Верховного Главнокомандующего.

Мало пишу я, Зока, но это не значит, что любовь моя уменьшается, наоборот. Знай, что Милка всегда и везде только с Зойкой своей.

Целую крепко. Всегда твой друг муж Милка.

26.VIII.44. Милый мой, здравствуй!

Август кончается, какая жалость! Занятия у нас начнутся с сентября. Я упросила дать мне только пятые классы. Останется время на библиотеку, на подготовку к госэкзаменам.

В библиотеке у меня ничего стало, уютно. Развесила везде портреты писателей.

Родненький мой, знаешь, у меня каждый день бывает такое состояние: вот уйду куда-нибудь и думаю: «Вдруг ОН приехал, сидит, ждет меня». Я так уверю себя в этом, что бегу, как сумасшедшая, дорогу не замечаю. Бегу и боюсь, что ты пойдешь меня встречать, и мы разойдемся дорогой. Ох, Милка, до чего же может фантазия разыграться!

Я занялась изучением трудов Белинского, огромнющий томище нужно осилить, но моего желания и терпения хватит.

Солнышко мое, далеко ты, так холодно без тебя! «Скоро будем вместе» — это ты говоришь. Все это я знаю, но как еще долго ждать этого «скоро»! «Вместе» — какое замечательное слово, правда!

«Будем вместе, милый, вместе!
Знают все, что мы родные» — это Ахматова. Я еще больше люблю ее за стихи, так правильно выразившие мое состояние.

А тебя, милый, люблю, люблю за богатый внутренний мир, который дал мне, за то, что толкаешь меня вперед, не даешь погрязнуть в пустоте и безличной жизни.

Обнимаю и целую. Всегда твоя Зоя.

4.9.44. Любимая моя Зока, здравствуй! Очень и очень благодарен тебе за все твое внимание, любовь. Веет такой теплотой. Я горжусь тобой, Зока!..

Я у Варшавы, на переднем крае. Каждый метр приходится брать с боем. Пишу из глубины окопа, на поверхность сейчас пока вылезать нельзя — бьет из пулеметов, минометов, орудий, да еще «мессера» прижимают.

В общем, фриц не хочет отдавать Варшаву, но мы все равно ее скоро возьмем!

Буду жить, приеду, и тогда тебе придется потрудиться, чтобы образовать меня.

СЯ С ТОБОЙ

Зоя Николаевна Селюкова. Снимок 1941 года.

Милий Николаевич Селюков. Май 45-го, на Эльбе.

Целую крепко. Всегда твой Милка.

28.VIII.44. Милый мой!

Каждый раз, как начинаю писать тебе, так мне хочется найти то слово, «которое бы все сказало», хочется по-новому сказать о любви своей. «Как бедна у мира слова мастерская! Подходящее откуда взять?»

Я тебя избалую, ты будешь уверен в моей чрезмерной пылкости и еще разлюбишь, чего доброго. Тогда убей меня сначала, потому что я и живу только мыслями о твоем возвращении, о любви твоей, о спокойной хорошей жизни (господи, как я устала все-таки!).

Мила, ты ведь друг мне? Так вот, по-дружески прошу твоей помощи (помнишь, ты говорил, чтобы я обо всем говорила, что меня волнует и смущает?). Я прошу, чтобы ты поругал меня, что ли, подбодрил. У меня совсем нет сил ни на что, а ведь я должна держаться теперь, ведь ученики у меня.

6.9.44. Любимая моя родная Зока!

Для меня сегодня большой радостный день — сразу четыре письма твоих. Зока, милая, как много я благодарен за твою любовь! Сколько безрадостных дней проходит, и как только получено от тебя письмо, то сразу изменяется все кругом. Весело и хорошо на душе, и, так же, как ты, я начинаю сходить с ума от радости.

Перед тем, как прийти твоим письмам, меня прикрыло от разрыва снаряда землей и легко ранило. Но только увидел твои милые строки, всю боль как рукой сняло.

Живу, Зока, только для того, чтоб встретиться, обнять тебя, и тогда уж что угодно пускай будет. Люди со мной вместе живут и погибают на глазах, а от меня все отскакивает. Это значит, твоя любовь, верность и настоящая человеческая дружба оберегают меня.

Целую крепко мою любимую дорогую Зоку.

Твой муж.

8.IX.44.

> *«Единственной целью жизни стало ожидание почты, и вся энергия уходила на то, чтобы найти в себе силы дождаться».*
>
> *Ромен Роллан*

Как все это точно, милый! Единственный мой, родной!

Пришло письмо от Галки и в нем 2 твоих открыточки. Они еще раз убедили меня в силе твоей любви. Так мне ясно все это вспомнилось: пасека, хмурый Вовка, твои ласковые руки, как мы пели песни, лазали за черемухой. Господи, как хорошо, что вас «занесло» тогда с Сашкой на велосипеде. А вот не приехали бы, и кто знает, как бы все обернулось! Да нет, конечно! Не будь этой пасеки, было бы другое, но все равно были бы вместе с тобой.

Русская мудрая пословица говорит: суженого конем не объедешь. А ведь ты бегал от меня, помнишь, чертенок? И краснел — вспомни-ка. Так это все ясно в памяти, как хорошо было. А в кино были с Галкой на «Кондуите», ты догнал меня, и ходили по улицам, держались за один портфель, сидели где-то в тумане, на сырой лавочке... А зимой уши морозил (неудобно, видите ли, шапку надеть, надо пофорсить в фуражке, это в сорок-то градусов мороза!). И весны чудесные, а лето, лес, шалаш, коровы, которых я всегда боялась. Разве все перечислишь! Вся жизнь связана с тобой, и это так замечательно!

Если бы кто-нибудь прочел это письмо, сказал бы: «Какая она дурочка!» Ну и пусть! Я рада, что никакие испытания и трудности, разлука с тобой не лишили живости характера и чистоты чувства к тебе. Любовь к тебе не даст мне погрузиться в обывательщину и мещанство.

Тебя радуют мои письма? Я не глупости пишу? Да ответь же, увалень! Напиши мне, за что ты меня любишь. Сядь и пиши, мне это очень важно знать.

Твоя Зоя.

15.IX.44.

Милый мой!

У нас так холодно, что спешу писать тебе, мое солнышко. Сразу как-то теплее на душе. 17-го тебе будет 26 лет. Старикашка!

Мама напророчила мне на картах письмо и радость. И на тебя разложила — хлопоты, какая-то бумага и повышение по службе.

А я обложилась методиками по русскому и литературе, да еще Горький...

Мама пророчит мне скорую встречу с тобой, чуть ли ты уже не в дороге. Уж эта мама!

Ты, мой родной, будь, пожалуйста, осторожнее. Просто молиться бы стала, если б умела и верила, чтобы прошло все благополучно.

Но я так ВЕРЮ в наше будущее счастье. У меня сейчас странно так бывает: проснусь ночью, и никак не могу больше уснуть, читаю, читаю, а сама жду — вот заскрипит калитка, стук в дверь — и ты заходишь. Ты, ты, ты... Без конца, все дни.

Твоя Зоя.

* * *

22.9.44.

Любимая моя, родная Зока!

Бесконечно рад: сразу три письма, не знаю, как описать мою радость. Показалось, что это не письма, а ты сидишь со мной на коечке в блиндаже и мы вспоминаем о прошлом после долгой разлуки.

Никто не получает таких писем, какие приходят мне, и поэтому я еще и еще тысячу раз радуюсь, как ребенок.

Ты чудная, Зока, спрашиваешь, за что я тебя люблю? Просто теряюсь даже. Не приходилось по-другому любить, а люблю я тебя, Зока, всем своим существом, душой. Люблю, Зока, за все прошлое, за твою искреннюю любовь ко мне, за простую человеческую дружбу. Не мастер я в этих описаниях.

Только что кончился налет. Мой блиндаж выдержал. Чуть-чуть поцарапало мне правую руку, а поэтому пишу так косо.

Твой друг и любящий муж Милка.

* * *

27.IX.44.

Как я рада, что мой муж оказался таким человеком, который нужен мне: чтоб слушался меня (ха-ха! Я все еще эгоистка), чтобы поругал, когда следует, чтобы любил, как я (это, мне кажется, есть с избытком), чтобы воспитал меня в своем духе. Мне кажется, последнее ты сможешь с успехом. Так долго находился в строгой, опасной обстановке, она наложила свой отпечаток на твой характер. Ты стал тверже, серьезнее, умнее — я преклоняюсь перед вашим превосходством, товарищ командир! А теперь приказывай — все исполню.

* * *

3.10.44.

Милая моя, родная Зойка, здравствуй!

Чем больше дней разлуки, тем ближе и родней становишься ты. Твои письма настолько жизненны, что если б я уже при смерти был, то и тогда бы улыбнулся счастливой улыбкой и умер бы с этой улыбкой.

Но, Зока, ты не пугайся, я вовсе не намерен умирать, а, наоборот, думаю жить так, как никогда еще не жил.

Главная задача — зайти на территорию Германии, дать почувствовать всем этим фашистам гадам, что такое русский, и войну можно кончать.

Твой Милка.

* * *

21.11.44.

Милая моя родная Зока!

На дворе за окном темная, темная ночь, а я сижу за столиком в своей земляночке и слушаю концерт для фронта. Заиграли танцмузыку, и когда я услышал «Монтанину», то невольно представил Клавку, патефон и печь, на которой вы втроем так удобно устраивались.

А помнишь, как ты трясла меня, когда я спал и на тебя вели «наступление» коровы? Да разве можно забыть те дни?

Вот заиграли «Под крышами Парижа». Эх, и музыка! После этого не хочется даже и думать, что идет война.

В скором времени придется вступить в самую жестокую битву, и если уж из нее выйдем целыми, то, значит, вернусь, и опять повторятся неповторимые дни.

Крепко целую. Твой Милка.

Сегодня я как именинник. Почтальон принес твое письмо, еще через какие-нибудь полчаса вызвали в штаб и стали поздравлять с правительственной наградой — орденом Александра Невского. Не успел выйти, как объявили: прибыла кинокартина «Свадьба» — по Чехову! Так весь вечер был днем радости.

Зока, родная, не обижайся на мои грубости. Это не Милка твой писал, а исстрадавшаяся душа солдата по любимой подруге.

Спокойной ночи, моя любимая единственная Зока!

* * *

Поздравляю, мое солнышко! Только, дорогой, очень прошу, без

излишней скромности сообщи, за что тебя наградили орденом Александра Невского. Да подробнее, пожалуйста!

Ты не представляешь, как я обрадовалась за тебя.

И радуюсь вместе с тобой всегда и печалюсь вместе. И я попрежнему ложусь спать с твоим именем, как с молитвой, и карточку целую твою — это мое святое самое.

Все же хорошо, что я сейчас работаю в школе. Это развивает смелость. А то все же раньше я в некотором роде «тютя» была.

Никогда (клянусь!) не дам тебе скучать со мною, потому что все, что во мне есть хорошего,— это результат моей собственной работы над собой и это все для тебя делается.

Ложусь спать. Люблю.

Всегда твоя Зоя.

* * *

25.12.44.

Зойка, родная, здравствуй!

Несколько часов назад был на своей огневой, и как раз наступила темнота, а затем вылезла хорошая луница. А воздух морозный такой, и мы с моим помощником вспомнили прежние мирные времена. Немножко помечтали о том, как в такую погодку хорошо гулять по улицам — бродить, как это обычно делали мы с тобой, целоваться на морозе, а затем идти домой с легким сердцем, но с обмороженными ушами.

Шел на наблюдательный пункт и всю дорогу представлял, как бы это было хорошо, если бы по этому густому лесу шел вместе с тобой. Вспомнилась прогулка в лесу, а затем поход в цирк.

Вернутся ли эти времена?

Эх, дорого бы отдал за несколько таких дней...

Я живу снова боевой жизнью, снова визг пуль и свист мин и снарядов. Сейчас я совершенно здоров, давно уже оправился после последней основательной встряски в последних тяжелых боях, за что и получил «Александра Невского».

Будь здорова. Целую.

Твой Милка.

* * *

12.XII.44.

Здравствуй, солнышко!

Вчера ходила в институт и узнала, что на госэкзамены будут вызывать числа 14-го. Набрала столько книг, что не могла утащить, и пришлось зайти к Леле за веревочкой и санками. Увезла на санках по курсу русской диалектологии, русского языка девять томов, да еще 11 толстенных книг по истории русской литературы. Голова кружится! Но, как говорится, «глаза боятся, руки делают». Вот напишешь мне огромное письмище, поругаешь, что трушу таких пустяков, похвалишь, что все же не отчаиваюсь, «благословишь», ну я и оживу и с удовольствием и энергией примусь за дело.

Береги себя. Для меня, для Сережки... будущего.

Я люблю тебя, милый. Это я могу повторять тебе без конца.

Я никогда вслух (даже с мамой) не вспоминаю о Сереженьке, но мне все тяжелее и тяжелее с каждым днем. Как вспомню, как он лежал, хорошенький, как живой, но холоднее мрамора... Или еще: как я пришла в больницу кормить его, а мне сказали, что умер. Какие силы нужно иметь, чтобы пережить все это и даже не плакать. Ты меня понимаешь, дружочек мой.

Прости. Тебе больно, что вспоминаю все это. Но у меня такой камень в душе. Эх, Мила, дорогой мой, ради нашего будущего береги себя. Я люблю только тебя, и это у меня на всю жизнь.

Твоя Зоя.

* * *

15.12.44.

Родная Зойка, здравствуй! Поздравляю с Новым годом и твоим днем рождения. Думаю, что этот Новый год принесет счастье и спокойствие, которого тебе так долго не хватало.

Вчера с друзьями произвели обмытие «Александра Невского», после чего он и был водружен на место. Это была не просто выпивка, а клятва в том, что русское оружие не будет посрамлено в предстоящих боях. Вечер завершил «джаз-оркестр», состоящий из гитарки, кружек, ложек и бутылок.

Часто, очень часто вспоминаем свою родную землю и своих родных русских людей. Мне очень запомнились строки одного твоего письма «Я русская женщина...», а поэтому я гоню прочь всякие сомнения и подозрения.

Будь здорова и счастлива в Новом году.

Твой друг Милка.

* * *

22.XII.44.

Мой любимый!

Конец четверти. Работы много, читать надо много, огня нет. Просто измоталась совсем. Только и отдыхаю ночью, когда под подушкой твои письма.

Как же не хватает тебя, милый!

Мамочка читает газеты. Она вслух прочла стихотворение Степана Щипачева. Одно я тебе переписываю. Мне кажется, оно верно отражает твой душевный мир в настоящее время.

Твоя Зоя.

3.3.45.

Здравствуй, родная!

Итак, мы шагаем по фриц-земле! Не так давно фашисты имели мечту покорить всю Европу, но теперь эти вояки покорно опускают руку с шапкой и склоняют голову в низком поклоне. Они уже почувствовали на себе в полной мере весь вкус своего «нового порядка». Он им, этот порядок, на всю жизнь запомнится. Они убегают, но это пока еще есть куда бежать, а дальше? Боятся, что им дорого, очень дорого придется платить за все, что они натворили.

Передо мной, Зоя, репродуктор, и я слушаю оперу «Иван Сусанин». Редко такие удовольствия бывают. На улице вьюга, ветер воет, как стая волков.

Милка твой.

* * *

23.3.45.

Родная моя! Итак, я у моря и вижу его, но подойти не имею возможности. Осталось совсем ерунда, а враг не пускает пока, но мы ему подсыпали основательно, недолго ему осталось тут цепляться.

Справа несколько км до Данцига, а слева столько же до Гдыни. Бои идут жаркие. Наши соколы особенно сегодня разлетались и долбят так! Правда, и фриц пытается отвечать, но мы его буквально давим.

Вот кончим с этой группировкой, немного отдохнем и снова — уже в окончательную и решающую битву.

Твой Милка.

10.5.45.

Любимая моя, здравствуй! Итак, война закончена, и я остался жив! Готовлюсь в скором времени встретиться со своими любимыми и родными. Для меня капитуляция Германии не была неожиданной, но мог быть убитым или покалеченным в самый последний момент.

Четыре дня назад я с машиной попал в такой переплет, но фортуна счастья (а точнее то, что моя Зойка ждет меня домой) пока на моей стороне. Берлин у меня слева сзади, а напротив американцы в полутора км на другой стороне Одера. Вчера в честь победы выпили вместе нашего русского спирта. Хотя и мало понимали друг друга, но общий язык нашли, остались друг другом вполне довольны.

До сих пор не верится, что уже все кончено, не стреляют, не нужно пригибаться от пуль и снарядов.

Все же, как ни тихо и спокойно, а скорей бы на родину.

Живу, конечно, хорошо. Но за время этой войны пропала моя прежняя живость и веселье. Но ничего! Вернусь, и все постараемся восстановить. Только вот с грамотешкой дело обстоит плохо, а потому, Зока, на тебе лежит огромная задача. Теперь готовь как можно больше литературы, за которую я и возьмусь.

В общем, ожидай, скоро встретимся!

Твой Милка.

11.5.45.

Ну, вот, наконец-то дождались радостного светлого дня — праздника Победы. Горячо, горячо поздравляю, мой любимый! Твоя мама сидит сейчас напротив меня и просит передать, чтобы ты поскорее ехал домой.

Поздравляю тебя с новым орденом, с новым званием, с новой благодарностью т. Сталина. Я пила за тебя, милый, с мамой твоей и моей. Пиши поскорее, мой хороший, мама тебя крепко целует. Я тоже, но еще крепче поцелую, когда приедешь.

Солнышко мое! Так стало легко после того, как исчезла эта тяжесть. Приезжай скорее, моя гордость и любовь. Будем жить, будем петь, будем растить Сережку.

Твоя Зоя.

Эти письма прислали из города Чайковского Пермской области Зоя Николаевна и Милий Николаевич Селюковы. Они пишут: «Мы решились отправить в редакцию письма, которые свято храним все эти годы, потому что думаем — в них история не только нашей семьи, а многих семей, переживших войну. Пусть молодые люди узнают: если любовь настоящая, то семью не может разрушить даже война».

Зоя Николаевна — первый директор школы рабочей молодежи, а затем старший преподаватель техникума. Недавно ушла на пенсию.

Милий Николаевич работал на строительстве Воткинской ГЭС, а теперь — начальник лаборатории Госстандарта СССР в городе Чайковском. У них двое сыновей, трое внуков — Ирина, Дима и Ванюшка.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НОМЕР «ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ»

Г. МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР

«Убежден, что партийные, советские и хозяйственные организации используют полнее резервы, которыми располагает Дальний Восток, и будут приумножать богатства нашей страны, досрочно выполнят задания пятилетнего плана». Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева стали эпиграфом журнала «Театральная жизнь» № 5, целиком посвященного театральному творчеству коллективов Дальнего Востока.

Номер открывается статьей заместителя начальника Управления театров Министерства культуры РСФСР И. Хамазы «Горизонты творчества», дающей общую картину деятельности театров этого края: их репертуар, идейно-художественный уровень, проблемы...

Край огромен. Владивосток, Уссурийск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Южный Сахалин... Такова география, таковы и маршруты театральных обозревателей. Мне, актеру, особенно интересно было узнать, как и чем живет сегодня дальневосточная сцена, особая, овеянная романтикой этой необъятной земли; узнать, насколько живительны и тесны контакты между актером и зрителем, в каких условиях творит актер, что играет, чем занят творчески.

Примечательно, что обо всем этом рассказывают не только сами деятели искусств и критики, познакомившиеся с работой дальневосточных театров, но и партийные работники, непосредственно осуществляющие идеологическое руководство искусством. Они говорят о необходимости повышения идейного качества искусства, о воспитании людей в духе коммунистических идеалов. Большой интерес представляют выступления первого секретаря Приморского крайкома КПСС В. Ломакина «...Тот квадратный метр», секретаря Хабаровского крайкома КПСС В. Степанова «Сердец невидимые нити», председателя исполкома Комсомольского-на-Амуре городского Совета народных депутатов М. Тищенко «Истоки подвига»...

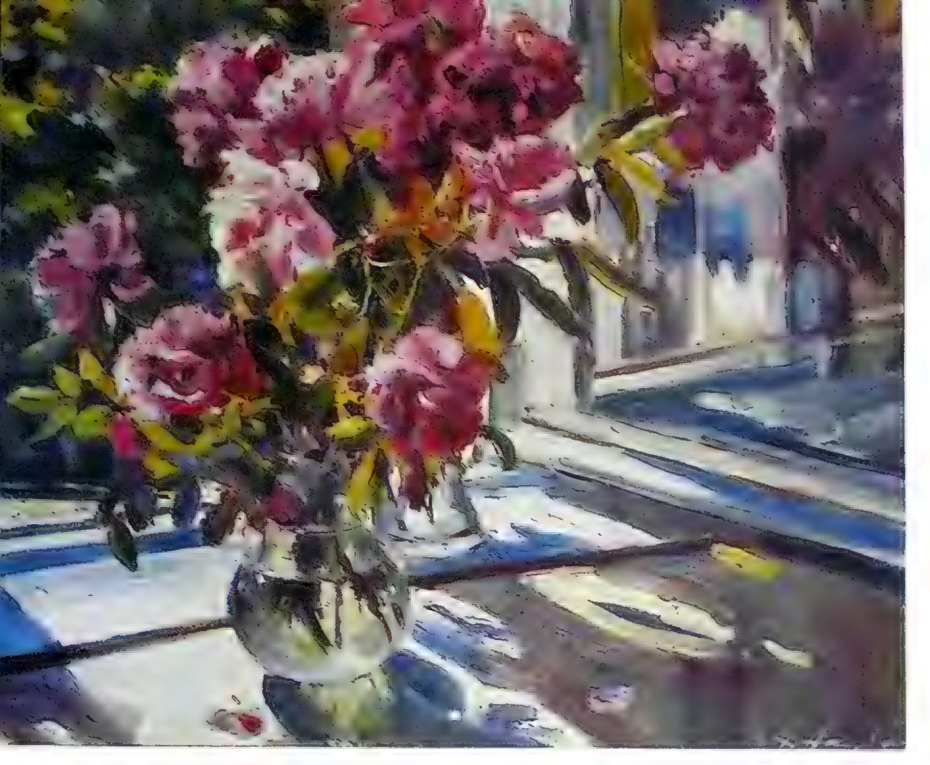
Живое представление о Петропавловске-Камчатском, о театре и городе дает очерк В. Иванова «Здесь начало земли русской».

Самому молодому театральному коллективу Дальнего Востока — Биробиджанскому камерному еврейскому музыкальному театру — посвящает Оксана Корнева свою статью «Без корней не вырасти дереву»: здесь анализ работы недавно возникшего театра, раздумья о путях становления.

Думаю, что журнал «Театральная жизнь» сделал хорошее дело, позволив читателям приобщиться к сложной и многообразной творческой жизни коллективов сцены Дальнего Востока.

А. Васильев. Род. 1911. ПОРТРЕТ СЫНА. 1978.

Д. Налбандян. Род. 1906. НАТЮРМОРТ. «ПИОНЫ». 1978.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

ПОЭТ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Стихи на фронте рождались как письма, в передышках между боями. Они шли с войны в долгожданных солдатских треугольничках, а то и просто читались автором соседу по окопу или траншее. Добрые люди хранили эти стихи как реликвии, а после победы стали с благодарностью возвращать их автору.

Так создавались циклы стихов Владимира Жукова, составлялись поэтические книги, читая которые ощущаешь горький привкус жестоких военных лет.

Мы встретились с известным советским поэтом Владимиром Жуковым в дни его шестидесятилетия в его родном городе Иванове. Он автор книг «На уровне сердца», «Подорожная» и многих других, получивших признание. А за сборник стихов «Иволга» автор был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

В его скромном рабочем кабинете многое напоминает о молодости поэта. Особое внимание привлекают редкие фотографии друга юности — погибшего на войне поэта Николая Майорова и портрет самого Владимира Жукова, выполненный художником Николаем Шеберстовым. На портрете — молоденький русоволосый лейтенант с двумя боевыми орденами на гимнастерке. В глазах — боль и смертельная усталость «чернорабочего» войны и радость вернувшегося домой солдата...

Именно этот двадцатипятилетний Владимир Жуков, бывший командир пулеметного взвода, смог в те дни написать редкие по напряженности и трагизму стихи:

С железных рукоятей пулемета
он не снимал ладоней
в дни войны...
Опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть
со стороны

Такое под силу лишь большому поэту. Не случайно Владимира Жукова назвал «поэтом переднего края» его земляк и боевой друг Герой Социалистического Труда Михаил Дудин.

Большинство стихов и поэм В. Жукова автобиографичны. «Моя биография сейчас работает на меня, на мое творчество», — неоднократно полушутя-полусерьезно вставляет он в разговор.

Нам было нелегко. Нам было
надо
пройти по всем дорогам
до конца
и, до предела напрягая нервы,
все выстоять и все перетерпеть.
Нет, мы не начинали в сорок
первом,
в тридцать девятом видевшие
смерть,—
мы продолжали...

Это действительно было так. Владимир Жуков принял боевое крещение в войне на Карельском перешейке. Более того, за день до перемирия пулеметчик Жуков получил тяжелое ранение, после чего попал в число «белобилетников», то бишь списанных навечно из рядов армии. Но когда грянула Великая Отечественная, не захотел электрик Ивановской мануфактуры, совмещавший работу с учебой в местном пединституте, спрятаться за «бронь». И в октябре 1942-го с маршевой ротой прибыл на Северо-Западный фронт, чтобы полностью хлебнуть все тяготы ратного труда пулеметчика. Он, не раз смотревший смерти в глаза, имел потом полное право сказать историку и себе:

Не умаляй ни радостей,
ни горя,—
ведь ложь — она как гвозди
в сапогах.

Или в стихотворении «Послесловие 1945 года»:

Оступились войны
на друзьях моих
Мертвые спокойны
за живых.

Много уже лет минуло с той победной войны, но и сегодня она главная тема в творчестве Владимира Жукова, пишущего о солдатском подвиге, а точнее, о цене подвига. Он справедливо утверждает: «Для солдатской славы мертвых нет» («Дорога мужества»).

Корни творчества Владимира Жукова неразрывно связаны с его родным Ивановом. Живя постоянно здесь, Владимир Семенович ведет большую общественную работу. Он бессменно вот уже на протяжении двадцати лет возглавляет областную писательскую организацию. Жуков — депутат горсовета, неоднократно избирался членом Ивановского обкома партии.

Родина высоко оценила труд поэта, прибавив к его боевым наградам ордена мирного времени. А недавно за заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения Владимир Семенович Жуков награжден орденом Октябрьской Революции.

Н. ПАЛАКИН

Иваново.

ОТЧЕГО МЫ ТАКИЕ РАЗНЫЕ?

Известная поэтесса обратилась к прозе. Причем, сразу скажем, к прозе весьма обычной. Взялась писать о своих впечатлениях об Англии, где ей довелось прожить ряд лет. Сколько наша литература знает подобных опытов. Велик соблазн поделиться впечатлениями о непривычной для русского человека жизни. И всяк на свой лад делился — и классики и современники. Есть высокие примеры, но есть и, увы, немало опытов неудачных. Все объясняется просто. Писательские впечатления тогда интересны, когда автор не только понял чужой народ и, конечно, представил его читателю, но и тогда непременно, когда увидел он эту жизнь через свой национальный и патриотический опыт, прочно зная и понимая законы своего общества. В противном случае плодятся безликие литературные опыты типа банальных туристических заметок.

С книгой Ларисы Васильевой дело обстоит совершенно иначе.

Тревожащая автора идея живет в ней естественно, бередит душу читателя и может быть определена примерно так: «Отчего мы такие разные?». Мы — это два мира, два народа, два существующих ныне социальных уклада. Разделенные не только территориально и политически, но самой историей, самим временем, народы наши живут своими законами. Жизнь каждого полна своеобразных черт и тают неистребимое отличие.

Тайну этого отличия и попыталась понять Лариса Васильева.

Люди Альбиона, граждане Англии. Писательница всматривается в лица английских знакомых, пытается понять, чем они живут и как. Всматривается и с удивлением и долей горечи свидетельствует, что сходства мало. Наплывают воспоминания: детство, морозные зимы, семейные вечеринки, сценки московской жизни, друзья и родные. Все это так свежо в памяти и так не похоже на весь прочно устроенный, рассчитанный на ежедневное благополучие и равновесие английский мир.

Вся книга Ларисы Васильевой исполнена авторского стремления понять типичные, наиболее характерные черты облика Альбиона. Живое ощущение английской истории, приходящее от знакомства с твердынями стен замка Саттон, с химерическими ликами на стенах Круглой церкви тамплиеров, с книгами, хранящими давнюю память о родстве и противостоянии России и Англии через дом Владимира Мономаха, в сватовстве Иоанна Грозного к английской принцессе, в скрупулезной пристрастности этнографического очерка Джона Флетчера о России.

История отразилась в характерах англичан.

Вот, скажем, художница Пегги Грант. Молодая, целеустремленная, она не чурается социальной борьбы, придерживается прогрессивных суждений, открыто критикует английский образ жизни и производит впечатление человека раскрепощенного, свободного от предрассудков. Однако в характере Пегги таится кристаллический холод английского консерватизма.

Чем живут англичане? Может, быт, своеобразный, традиционный английский быт создает особые характеры? Может, он причина национального своеобразия?

Быт разный. Магазины, пабы, автомобили, званые обеды, светские рауты, моды... Конечно, все непохоже на привычное, домашнее, но, кажется, и здесь нет никакого ответа. Быт, скорее, происходит из особенностей национального характера, дополняет его, но никоим образом не складывает. Да, трудно представить единый облик Альбиона! Облик представить трудно, но образ постепенно формируется. Сложный, многомерный и точный образ нации, культуры и человека. Редкая доверительность обращения к читателю, отсутствие писательского апломба и пристрастное, неравнодушное сравнение своего с «тамошним» помогают созданию этого образа.

И все же в чем тайна Альбиона и загадка времени? На это писательница отвечает с определенной непосредственностью:
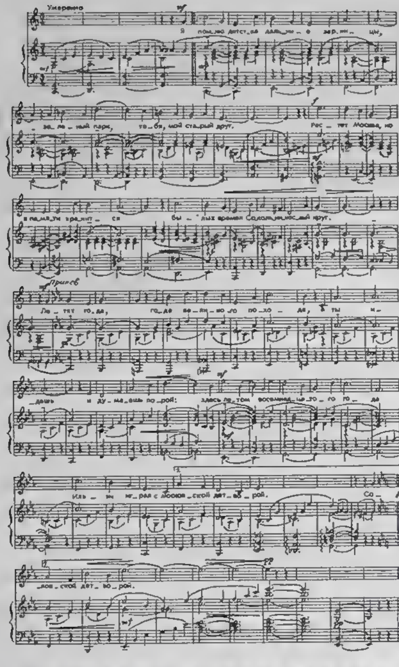
«К чему... эта тайна? До нее ли занятому человеку. И правы те, кто говорит, что нет ее вовсе и быть не может, а есть жизнь...»

Лариса Васильева не приняла объяснение, данное в письме-завещании «типичного патриота» мистера Вильямса, что все дело в мистической несхожести двух великих народов, в том, что народ России молод, тогда как народ Англии дряхлеет год от года.

Не приняла потому, что она увидела туманный Альбион глазами человека, преданного Родине, любящего и помнящего все, что связывает с ней. Увидела мир глазами патриота.

Сергей ЛЫКОШИН

Лариса Васильева. Альбион и тайна времени, М., «Современник», 238 стр.

СОКОЛЬНИЧЕСКИЙ КРУГ

Музыка С. КАЦА

Стихи М. ВЕРШИНИНА

Я помню детства дальние
зарницы,
Зеленый парк, тебя,
мой старый друг.
Растет Москва, но в памяти
хранится
Былых времен Сокольнический
круг.

Припев:
Летят года,
Года великого похода,
А ты идешь и думаешь порой:
Здесь летом восемнадцатого
года
Ильич играл с московской
детворой.

Сокольники — вчерашняя деревня,
Сегодня ты — растущая Москва,
И старые встречают нас деревья,
И новая колышется листва!

Припев.

И новые взлетают соколята,
Которым все преграды нипочем!
И дедушками стали те ребята,
Которые играли с Ильичем!

Припев.

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР

Игорь КОБЗЕВ

ПОЭМА

КТО ОН?

Я сейчас вспоминаю, как с первым же днем
Освоения космоса, с первой ракеты,
Все мы жадно шептались тогда об одном:
Кто принес это праздинство людям планеты?
На глазах наших «лунники» резали тьму,
Путь орбит объявлял репродуктор,
Но годами неведомым был никому
Их создатель, их Главный Конструктор.
Его имя, что в бронзу теперь отлито́,
Затеняла незримая дымка,
Все гадали о нем, но не видел никто —
Как в кино «Человек-невидимка»...
Может, он выходил погулять на проспект,
Брел, неузнанный, в давке движенья,
Зашифрованный, словно военный объект
Неизвестного предназначенья.
И в часы, когда город справлял торжество,
Славя новые «звезды» в зените,
Может, где-то в толпе оттирали его:
— Эй, вы там, гражданин, отойдите!
Сколько громких восторгов Гагарин снискал!
Вмиг был признан любимцем планеты!
А того, кто пилота в полет запускал,
Не спешили прославить поэты.
Он на снимках печатался только спиной,
Безымянной, загадочной тенью,
Ибо помнили все: для разведки иной
Был он очень желанной мишенью.
«Совершенно секретно!» — гриф могучих
работ,
Утверждавших величье и силу державы,
Не позволил в те дни, чтоб родимый народ
Озарил его сполохом славы.
Лишь пустые колосья излишне шумны.
Все большое не вдруг проявляет значенье.
Есть у подлинной славы, как у ясной Луны,
Фаза смутного, «пепельного», свеченья.
Вот когда он свой путь прошагал до конца
(Как в кино «Человек-невидимка»),
В тот же миг все черты волевого лица
Проступили с газетного снимка.
Я гляжу на него — и у сердца щемит:
Много ль счастья изведал он в жизни?
Не унес ли с собой неоплатность обид
Он, так славно служивший Отчизне?
Я хочу оценить: не печалился ль он
Оттого, что весь век — и в дороге и дома —
Он от взглядов людских строго был отдален,
Как укрытый в степях полигон космодрома?
Я смотрю на лицо его, прямо в упор,
И с портрета на глянцевой, плотной бумаге
Светит мудрый и все понимающий взор,
Полный русской, веселой и дерзкой отваги!

НАЧАЛО

Вечно душу поэта романтика манит...
Кто же был романтичнее, чем Королев?
Пусть хотя бы на миг его образ предстанет
На экране моих увлеченных стихов!
Мне бы взглядом пройтись по годам
его детским,
Проследить его юность — рост размашистых
крыл...
Был ли практиком он иль мечтателем
дерзким?
Был ли он честолюбцем? Иль скромнягою
слыл?
Честолюбцы не тянутся к мудрости мира,
Их идейный багаж незатейлив и прост:
Им блестящими пуговицами мундира
Представляются искры светящихся звезд.
А ему по ночам не спалось от загадок:
Испытующий разум разведать хотел,
Чем и как утвержден круговой распорядок
На орбитах небесных таинственных тел?
Многих смолоду косит житейская косность:
О рублях, о квартире, о должности речь.
А ему подавай не жилплощадь, а космос!

Он не люстры, а спутники жаждал в небе
зажечь!
Политехникум в Киеве, гидропланы в Одессе,
Коридоры столичного МВТУ —
Это все словно лестница в даль занебесья,
Где любая ступень приближала мечту...

Как не вспомнить далекие дни в Коктебеле,
Где сражались за лавры планеристы страны,
Где над вспененным морем летали и пели
И на сказочных скалах палили костры?!
Этой стаей крылатой время может гордиться:
Тихонравов, Жемчужин, Люшин и Толстых!..
На планеры их — «Гриф», «Гамаюн» и
«Жар-птица» —
В страхе чайки глядели с прибрежий морских.
Чуть застенчивый, вдумчивый и молчаливый,
О мечтах и победах взахлеб не трубя,
Был средь них Королев схож с рекой
небурливой,
Что ручьи и притоки вбирает в себя...
Полуночною темью, по-ямщицки усталый,
Заглядевшись, как звезды нижут жемчуг
кругом,
Забирался Сергей на орлиные скалы
С некичливым, как сам он, закадычным
дружком.
Сотни сложных проблем перебрав
в разговоре,
Друг спросил Королева: — Зачем ты мудришь?
Для чего ты, Сергей, на пластичном планере
Реактивный двигатель громоздишь?
Утонувши глазами в космической шири,
Королев отозвался, как будто не в тон:
— Слишком много загадок еще не решили
Ни Коперник, ни Кеплер, ни Фламмарион.
Почему луч от Марса такой красноватый?
Почему нам Венера из-за туч не видна?
По какому расчету — точно диск
циферблата —
Лишь одной стороной людям светит Луна?
Друг сказал, по плечу Королева похлопав:
— Ты в чужие проблемы не путайся, брат,
Чай, премудрые старцы в очках телескопов
Эти тайны без нас как-нибудь разрешат.
— Нет, нам надо поближе суметь
подобраться
К заповедным орбитам далеких планет,
К полыханию солнечных протуберанцев,
К колдовскому полету хвостатых комет!
Как бы ни было мощно Земли притяженье,
Но оно, несомненно, имеет предел,
Значит, нужно, чтоб «скоростью
освобожденья»
Смелый разум конструкторов завладел!
Я и сам авиатор. Невзирая на это,
Утверждаю: лишь взлет реактивных ракет
Приоткроет для нас вековые секреты
Мировой инженерии звезд и планет.
Сразу станет реальностью замысел дерзкий —
Испытать, сколь догадка фантастов права:
Верно ль шел Циолковский? Не ошибся ль
Чижевский?
Есть ли в космосе мыслящие существа?..
Пораженный той речью, улыбался приятель,
Слушал так, словно в опере тенор поет.
А потом заключил: — Ну, Сергей,
ты мечтатель!
Настоящий Жюль Верн, а не просто пилот!..

НАХАБИНСКИЙ ЛЕС

В ту эпоху пилоты выходили в герои!
Он был тоже пилот! Так чего же еще?
Вся страна за крылатых стояла горою
И гордилась и славила их горячо!
А притом еще Туполев, строгий учитель,
Предрекал ему самую видную роль:
— Это будет большой самолетостроитель,
Он не зря Королев! Он и вправду —
«король»!
Только сам он был витязь космической эры!
В небывалую даль он поверить дерзнул.
И ушел от заманчивой летной карьеры,
От перкалевых крыльев в сторонку шагнул...
Крутолобый мечтатель, в полинялой рубахе,
Он к себе примагничивал странный народ —
Фантазеров с сердцами безумной отваги,
Что «на ветер транжирили» весь свой доход.
Вот уже он конструктор. А после...
Что после?..
К тем работам сегодня большой интерес...
А когда-то об их «недоказанной пользе»
Долго помнил и знал лишь Нахабинский лес.
Под чащобною мглой, часто прямо
с рассвета,
Собирал Королев свой шумливый актив...
Остроклювым птенцом ввысь тянулась ракета,
И тревожились «гирдовцы», дух затаив.
Как поверить глазам, что становится былью
Самых гордых умов вековая мечта,
Что вот эту «трубу» — без винта и без
крыльев, —
Как конфетку, покорно сглотнет высота?!
Опираясь на острое, зыбкое пламя,
Вдруг на миг оживала тяжелая сталь,
Накренясь, зависала над их головами
И, ревя, уносилась в туманную даль.
Рокотало над чащей пугливое эхо
И смолкало, случайную тайну храня,
Чтоб тех важных трудов заповедная веха
Не открылась до срока, до нужного дня.
Но уже кое-где распалялись чинуши:
Дескать, пользы не будет от этих затей!
«Безнадежное дело!» «Пустые баклуши!»
«Озорная забава несерьезных людей!»
Никому не даря ни наград, ни признаний,
Те ракетные вспышки в дремучей глуши
Отзывались лишь бурной волной ликований
В бескорыстных мечтах чьей-то светлой души.
Здесь мечтали и спорили смело и крупно!
Жаром бойких идей полыхал разговор!
Им казалось, что завтра уж станет доступной
Столбовая дорога в занебесный простор!
Эти пылкие грезы космических странствий
Королев остужал строгим ритмом труда:
— Тем, кто только мечтает о межзвездном
пространстве,
В реактивный полет не попасть никогда!
В полутемном подвале московского ГИРДа
Командир Королев ввел железный режим:
Здесь считались вредней табака или спирта
Фантазерская ересь с фразерством пустым!
И друзья, опьяненные вымыслов брагой,
Бредя близким, победным, космическим
днем,
Про себя командира звали «трезвым
трудягой»,
Прозаическим «практиком» и «сухарем»!..

МЕЧТА И ДЕЛО

Ну, так кто же он был: теоретик
иль практик?
Увлеченный романтик или гений труда?
Будь он тем иль другим, коль признаться
по правде,
Не взошла б над Землей новой эры звезда!
Мир давно переполнен томами «утопий»,
Перегружен ученьями многих людей.
Беспощадное время безжалостно топит
Паруса этих призрачных кораблей.
Сколь подобных «фантастов» и ныне известно:
Пошумят, потрезвонят, понапишут бумаг,
А важнейшее дело, как и прежде, ни с места,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.
Но и всем мастерам — без таланта
прозренья, —
Что шагают вслепую, немного дано!
Лишь тому, в ком спаялись мечта и уменье,
Двери в новую эру открыть суждено.
Личный опыт научным трудам не соперник!
Теоретик Мичурин был и сам садовод.
А вникавший в созвездья великий Коперник
Создавал во Фромборке водопровод.
Седовласый мечтатель, фантазер Циолковский,
Предрекавший, что «время покидать
колыбель»,
Строем цифр облекал каждый замысел
броский,
Сам, своими руками готовил модель.
Светлой правдою грезили сто поколений,
Но вовек не дождаться б счастливой судьбы,
Если б мудрый ученый по имени Ленин
Не добавил в теорию опыт борьбы!
Вот такая ж удача двадцатого века
Проявилась в конструкторе мощных ракет,
Сочетав в нем глядящего вдаль человека
С настоящим умельцем, твердо знавшим
предмет!
«Фантазерский» снаряд над Нахабинским
лесом
Был сурово и прочно испытан войной,
Обернувшись гремучей лавиной «эр-эсов»,
Заслонивших Отчизну горячей стеной!
От задорных мечтаний, от дерзких усилий
Потянулись цепочки высоких орбит:
Загремели басы боевых эскадрилий,
Что лихие пилоты взметнули в зенит.
Где он? Что с ним? Порой и родные не знали..
А кругом уж не только Нахабинский лес —
Всю страну рокотаньем громов оглашали
Реактивные лайнеры, гости небес.
А их главный пророк, в телогреечке мятой,
Объявлялся откуда-то, бледен и хмур...
И — как с первой ракетой возился когда-то —
Строил в пыльной степи космодром Байконур.
Каждый помнит былину: как тягой земною
Был раздавлен и смят богатырь Святогор!
Но опять, но опять с темной силой шальною
Человек затевал неуступчивый спор!
Что миражем мерещилось Свифту с Уэллсом,
Что Жюль Верну ночами являлось, как сон,
Королев отгружал по грохочущим рельсам,
Воплощал в алюминий и железобетон.
Неполадки. Заторы. Промашки. Просчеты.
Надо все одолеть, про успех не трубя!
Так и следует жить: чтобы горы работы
До конца, до предела взвалить на себя!
Ветер знойных пустынь теребил ему ворот.
Обжигала лицо раскаленная сталь.
Королев, как прораб, строил сказочный город,
Запускающий «звезды» в туманную даль.
И уже не виденьем мечты дерзновенной,
Не лукавым наброском чертежных лекал,
Байконур вырастал — как транзитный
вокзал —
На путях сообщения со Вселенной.

НА ОРБИТЕ

Вспомним праздник начала Космической эры!..
Каждый был именинником, если он смог
Увидать, как, превысив земные пределы,
Мчит в холодном пространстве живой огонек.
А потом на орбиту взметнулся Гагарин,
Словно сбылся заветный прекраснейший миф!
Как весь мир был за это ему благодарен,
Никогда не забуду, доколе я жив.
Клокотала Москва, вся в цветах и знаменах.
Речи, лозунги, песни, улиц праздничный вид.
И счастливые лица светились в колоннах,
И казалось, разбуженный космос звенит!
Не желал бы я встретить в дни счастья такого
Критиканов, врагов, отступивших во тьму,
Что в былые года, не признав Королева,
Клеветали, вредили, мешали ему!
В эти дни нам все флаги рукоплескали!
В эти дни все народы стали выше навек!
И не смерить ничем, на каком пьедестале
Оказался советский трудовой человек!
Даже айсберг Америки — с теснотой
небоскребов,
С затонувшим подпольем людской нищеты, —
Не пытаясь скрывать удивленье и робость,
Слушал звон наших гимнов, что гремел
с высоты.
Сразу понял весь мир: не сравнить,
не исчислить,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И такого большого подарка Отчизне
Мы не знали с победных салютных огней!
Все мечты стали явью! Даже мнится
как будто —
Больше в мире преграды уж нет никакой!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали своей великанской рукой.
Все упорнее щупая космос антенной,
Светляки наших спутников в небе снуют,
Ищут нефть и железо, ловят звуки Вселенной,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Прорубая сквозь тайны могучую трассу,
Обживая пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы к Венере и к Марсу
И к лучистому Солнцу подбирают ключи.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет нивой шуметь необъятный Юпитер,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
Пусть всегда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Опять пришла весна…

Виктор **ПИКАЛОВ**

Новелла

Там, где стальные нити рельсов, складываясь веером, переходят в четыре главных, на выходе из большого города, чьи-то добрые и чуткие к красоте души рядом с железнодорожным полотном посадили плакучие ивы. И поднялись из тоненьких, слабеньких былочек целые фонтаны изумрудной красоты, брызжущие речной свежестью, поражающие глубиной и чистотой красок. И слились они в одну клубящуюся, лепечущую стену. И когда электричка врезается в нее, то кажется, что ты на корабле и смотришь в нижний иллюминатор, а рядом проносится, отваленная форштевнем, стена голубовато-зеленой морской воды.

...Здесь издавна были и есть огороды — небольшие заплатки земли, приткнувшиеся между железнодорожной насыпью и заградительной лесополосой. Сейчас они сливаются с зелеными волнами ив. А когда ивы еще только посадили, огороды были как на ладони.

Ивы, конечно, очень красивы. А огороды — они как все огороды. Что же тогда заставляет задолго до этого места припадать к окну?

...Они как два крохотных белых облачка в бездонной синеве неба. Я их видел не раз. Как-то они сажали картошку. Он, высокий и прямой, в серых, застиранных до белизны брюках, в белой рубахе навыпуск, с шелковистыми и очень легкими, рассыпающимися от каждого малейшего дуновения остатками волос, копал лунки. Долго и старательно нажимал на лопату с длинным черенком, выбирал немного землицы. Затем еще и еще. Она, тоже вся беленькая — белые пряди из-под белой косыночки, белая кофта, светлая юбка, — гнулась до самой земли...

А однажды видел, как они отдыхали у межи. Два белых голубка после огромного перелета, имя которому — жизнь.

Потом — прополка. Почти не сгибаясь, дедушка ударял тяпкой: раз, два, три. И — все. Отдыхал. А она согнулась над рядком и больше руками, руками, чем тяпкой.

И в конце — уборка. Самое ее завершение. Не спеша носили небольшими охапочками ботву, жгли ее и грелись, протягивая ладони к костру.

Многие постоянные пассажиры заметили их и на подходе к станции приникали к окнам. Однажды, в особенно жаркий июльский день, снял старичок рубаху и маечку, и все мы горестно покачали головой. А у кого-то вырвалось протяжное: «Да-а-а»... От шеи, через всю грудь — молниеобразный шрам, темно-фиолетовый, давний. Как если бы шашка не дошла до головы и соскользнула вниз, все круша и перепахивая на своем пути...

Та весна была стремительной, буйной: с ветрами и грозами, с особенно ранним и обильным цветением абрикосов. Повсюду на огородах трудились люди. Только один прямоугольничек земли темнел пустынно. Я каждый день — утром и вечером — припадал к стеклу. Никого. В мае обильно покрылась земля свежей травой — никого. Июль. Август. Сентябрь... Только лес бурьянов колыхался и вызванивал: «Моя победа, моя по-бе-да, бе-да, бе-да, беда»...

И опять пришла весна — никого. И вдруг, когда уже все надежды были потеряны, ожила полоска. Потихоньку, вся в черном, как грачонок, копошилась старушка — выбирала клубни из мешка в корзину. Электричка остановилась у светофора, и мы рассмотрели, что бабушка стала еще меньше, еще суше. А в центре огорода споро взлетали две лопаты: крепкий, все мышцы так и играют, молодой мужчина и под стать ему женщина копали лунки. У межи, одной рукой обняв окрепший ствол ивы, а козыречком второй заслонившись от солнца, стоял и смотрел в нашу сторону мальчишечка лет пяти-шести.

Весь вагон глубоко и облегченно вздохнул. Гудок — и вновь запенились в окнах нежные-нежные струи ив.

Будет картофель, будет хлеб... Будут легко трепетать ивовые струи. Вечно будут люди на земле.

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ЛЮДЯМ

Сцена из спектакля.

Песню затянули тихую, неспешную, раздумчивую, «Ой, туманы мои, растуманы...» — поют женщины. Мелькают спицы в руках. Вяжут женщины варежки для фронтовиков. Много их, солдаток, вдов, невест приволжского села Завидово, собралось под одной крышей: вместе и работа спорится, и не так одиноко на душе, войне-то конца-края не видать... Тут и девчонка еще совсем — Настя в исполнении артистки Т. Торчинской, и разбитная Маша Соловьева А. Евдокимовой, и скорбная Степанида Луговая Г. Кирюшиной, тут и Феня Угрюмова — Н. Вилькина.

Это к ней, Фене, тянутся люди, это ее нарекли они Ивушкой неплакучей за то, что не гнется, когда ветры буйные к земле клонят... Выстоит, выдюжит, еще тверже духом станет главная героиня нового спектакля Государственного академического Малого театра СССР «Ивушка неплакучая», созданного по одноименному роману известного советского писателя Михаила Алексеева (инсценировка В. Крымко, постановка А. Матвеева).

С Феней мы впервые встречаемся на ее свадьбе, а расстаемся в трагический день: только что вернулась она домой после похорон единственного сына... Тридцать лет между этими двумя жизненными вехами — и каких!..

А. Н. Толстой сказал: «Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота».

Трогательно-чиста, так вся и светится юная Феня-невеста в первой картине. Свадьба — всегда ожидание счастья. Душа у Фени отзывчивая, к людям устремленная: привыкла она много отдавать другим, меньше — брать. Чужие горести — ее горе, людские радости — ее радость. Натура активная, деятельная — «воительница», как назвал ее однажды М. Алексеев, — за общее дело она в огонь и в воду.

...Отгремела, наконец, война, да ведь и после победы трудностей было не занимать, в том числе и нравственных; узлов-то сколько война понавязала на судьбах человеческих, попробуй развяжи! А Феня — всем своя, к ней — и с благой вестью и с бедой. Человеку-то полегчает, а у Фени горькая дума глубже заляжет. Такой рисует свою героиню Н. Вилькина.

В одной из лучших сцен спектакля, которую психологически тонко ведут три актрисы — Н. Вилькина, Г. Кирюшина и Т. Торчинская, — Степанида рассказывает о гибели своих детей, а Феня на глазах у зрителей становится старше, мудрее. Несчастная же Степанида потихоньку оттаивает, согревается ее душа.

В заключительной сцене жизненно реальный образ Угрюмовой поднимается до высот образа героического. Потеряв многих близких, так сполна и не испытав того счастья, что зовется личным, разделив с односельчанами радость любви к земле родной, с полным основанием может сказать эта труженица и печальница, что хлеб Отчизны «светел, чист и свят»... В финале нота трагическая звучит торжественно-утверждающе.

Задушевной песней о стойкости и человеческой красоте русской женщины стал новый спектакль Малого театра.

Играя доминирующую роль в спектакле, судьба Фени Угрюмовой вписана в широкое полотно жизни народной: ведь назван он «народной драмой». Судьбы героев самобытны: актерам удается иногда даже и небольшую сценическую жизнь «прожить» ярко, броско. Режиссерски удачно поставлены массовые сцены: проводы на войну, свадьба, встреча фронтовиков после Победы, — где каждый персонаж оказывается как бы в центре внимания, потому и звучат эти сцены на большом внутреннем накале.

Нельзя не отметить мягкое и лиричное музыкальное решение темы (композитор В. Лебедев). Выразительно, со вкусом оформил спектакль художник Ю. Вентцель.

Л. НАТОЧАННАЯ

Фото Н. Ефимова

БЕРЕЖЛИВОСТЬ — ЗАБОТА КАЖДОГО...

ЧЕРСТВОЕ ОТНОШЕНИЕ К СВЕЖЕМУ ХЛЕБУ

К. БАРЫКИН

В очень давнем сочинении встретил главу, которая называлась: «О вреде горячего хлеба и пользе его запаха». В тридцатые годы нашего века в специальном издании: «Свежий и даже теплый хлеб значительно вкусней, чем черствый...». А совсем недавно в журнале «Хлебопекарная и кондитерская промышленность» было написано: «Потребительская свежесть хлеба — важный показатель его качества».

Много лет специалисты пытаются со стопроцентной определенностью ответить: полезен (или нет?) горячий, прямо из печи хлеб? Не знаю, участвуют ли в дискуссиях работники «Мосхлебторга», но на практике они нередко исповедуют торговлю черствым хлебом, в этом я сумел убедиться. Может, мне просто не везло, но почти ежедневно повторялась одна и та же история. Возвращаясь с работы, я заходил в ближайшую от дома булочную и на заметно опустевших полках находил хлеб весьма несвежий.

Пытался выяснить: отчего так? Наутро позвонил заместителю управляющего «Мосхлебторга» Людмиле Алексеевне Бурмакиной. «Черствый хлеб? Случается, но редко. Собираетесь писать? Не советую, не советую...» «Почему?» — спросил я. Но тов. Бурмакина была очень занята, от беседы сегодня или завтра отказалась. И пообещала: «Потом». Начал дозваниваться Зинаиде Васильевне Белоусовой, управляющей «Мосхлебторга». Зинаида Васильевна, как я понял, уже знала о моем несостоявшемся разговоре с Людмилой Алексеевной; однако это не помешало ей тотчас согласиться на встречу. И на вопрос: «Когда можно приехать?» — гостеприимно, но не без настороженности пригласила: «Да хоть сейчас!»

Когда я вошел в кабинет Зинаиды Васильевны, то там была и очень занятая Людмила Алексеевна.

...Не назову наш разговор весьма оживленным. Я сказал, что, по моим наблюдениям, торговля черствеющим, а то и черствым хлебом становится в большинстве булочных едва ли не правилом. Но собеседницы утверждали (не приводя, правда, доказательств), что я не прав, что мягкий хлеб всегда есть, а когда его нет, то виноват в этом транспорт. «Как они нарушают сроки доставки! Вы об этом лучше напишите...»

Словом, ушел, выяснив далеко не все; тов. Белоусова пообещала, однако, ответить на мои вопросы письменно, и еще через день я получил две странички текста за подписью тов. Бурмакиной.

Спасибо ей! Но так как справка, понятно, не ответила на вопрос, почему в булочных преобладает хлеб черствый, пришлось снова поехать по адресам, известным многим, кто покупает хлеб. В булочной на набережной Шевченко из представленных сортов два оказались отменно черствыми. Ситуация повторилась в булочных на улице Вишневского, в 1-м Дмитровском проезде, на Садовом кольце, на Вятской улице и улице Толбухина... Если и были отличия, то незначительные.

Вообще-то говоря, есть сроки реализации, по прошествии которых работники булочных могут (должны!) хлеб, не распроданный в отведенное ему время, убирать с прилавка. Но что-то не встречал я булочников, которые исправно исполняли бы эту обязанность. Черствый хлеб, конечно, покупается (куда денешься, если другого на прилавке нет?), но, и это обстоятельство известное, не съедается. Ломоть вечером, кусочек утром. А затем летит остаток в бачок для отходов — и пропал хлеб.

В «Мосхлебторге» мне сообщили, что «черствяк» (найти бы того, кто пустил это словечко в оборот, поставив его рядом со словом «хлеб»!) булочные заводам не отвозят, что «практически весь хлеб раскупается». И только 0,16 (ноль целых шестнадцать сотых процента) идет в возврат.

— Может, не берут предприятия зачерствевший хлеб? — спросил я у начальника управления Министерства пищевой промышленности СССР В. В. Кочергина. И узнал: берут, охотно берут; получается из него отличный панировочный сухарь, продукт качественный и нужный...

Значит, если не возвращают позавчерашний хлеб магазины, то с тем, чтобы избежать хлопот и, видимо, некоторого ухудшения показателя своей работы?

В булочные хлеб приходит мягкий, это факт. Из печи хлеб черствым не выходит. И замечу, противореча прежде сказанному, свежий хлеб в булочных есть почти всегда. Но факт, что его не торопятся выкладывать на прилавок. Чаще действуют по такой схеме: хлеб разгружается, и лотки с ним лежат в подсобке, в помещении, как правило, тесном, для хранения хлеба никак не приспособленном.

Разгрузили хлеб, и он томится в ожидании. Ждет, когда разойдется хлеб вчерашний (случалось отметить, как торговали и позавчерашним, выдавая его за «вечерний», — удобная формула придумана!). Похоже, что из лексикона работников булочных исчезли два слова: «свежий» и «черствый». В тех булочных, где я пытался узнать: «Свежие булки?» — в ответ говорили «вечерние», «ночные» или, но реже, «утром привезли». Никто и нигде не ответил на мой вопрос прямо. Словно, повторюсь, забыты эти определения — «свежий» и «черствый». Вместе со словами ушла и забота о хлебе свежем, хрустящем, час-полтора как из печи.

В результате попадает в наш дом черствый, потерявший во вкусе хлеб. Браним мы пекарей (за что?), браним булочную, понимаем, что грешно и расточительно хлеб выбрасывать. Но выбрасываем...

Ну, скажите, для того ли растил хлебороб зерно, для того ли пекарь стоял у печи? Безжалостно и повседневно уничтожается уже испеченный хлеб. Нет выхода? «Пока не наладят работу транспорта...» — повторяют в «Мосхлебторге». Дескать, почти стихия, мы бы рады, да вот шоферы подводят. Видимо, в какой-то мере так, подводят. Но я знаю две булочные, в которых есть всегда свежий хлеб. У них что, свои автомобили? «Да откуда? — всплеснула руками заведующая одной из этих булочных. — И зачем? Позаботься о хлебе, и вся недолга!» В этой булочной хлеб, который все же попал в подсобку, разложен аккуратно, лотки укрыты большими и чистыми полотнищами или листами пленки, оградившими продукт от сквозняков. Да и завозят хлеб по графику в те булочные, руководители которых ведут дело с полной ответственностью.

Значит, можно найти выход? Но скажем все же — это временное, хотя и неплохое решение. Основная беда в том, что сами булочные, их оборудование отстают от нынешних объемов торговли. И вместо того, чтобы главной своей заботой посчитать оснащение магазинов необходимым оборудованием, возрастающий план товарооборота покрывается иным путем. Все меньше просто булочных, все больше «булочных-кондитерских», в которых шестидесятикопеечному брикетику «жвачки» или рублевому кексу уделяется внимания больше, чем 7-копеечной «городской» булочке. Они плану дают десятки и сотни рублей, а хлебными копейками соберешь ли нужную сумму?

Главный вариант сохранения свежего хлеба — контейнеры. Эти в общем-то простые приспособления буквально спасают хлеб не только от быстрого зачерствения, но и от небрежных и неаккуратных перевалок. Загрузил этакий контейнер едва ли не у печи, закатил его в кузов автомобиля, а из него вкатывай в торговый зал. И нигде не прикоснется к хлебу невнимательная или равнодушная рука, что тоже благо; нигде хлеб минуты лишней не задержится. Еще и потому, что места для контейнеров в подсобках не выделено, место им в торговом зале. Хочешь не хочешь, а подавай свеженький хлеб в зал, пускай в продажу, не маринуй его в подсобке. Мне все время казалось, что такой способ хорош и для самой торговли. Ведь если что не так сделали хлебопеки, их вина тут же обнаружится, хлеб-то только с завода.

В тресте «Торгмаш» Министерства торговли РСФСР, на одной из столичных автобаз, в Научно-исследовательском институте пищевой промышленности Грузинской ССР и во Всесоюзном научно-исследовательском институте хлебопекарной промышленности разработаны конструкции таких контейнеров. Многие из них прошли необходимые проверки и испытания. Подтвердились самые оптимистические предположения: хлеб черствеет в несколько раз медленнее. Тбилиси и Донецк уже привыкают к контейнерной перевозке хлеба. Довольны и хлебопеки, и хлеботорговцы, и покупатели. Позволю сказать: доволен и сам хлеб!

Но не довелось повидать мне в московских булочных контейнеры в работе. Хотя отметим, в решении Мосгорисполкома читаю об ускорении проведения «работ в 1975 году (это не опечатка — в 1975-м! — К. Б.) по переоборудованию 150 магазинов для внедрения контейнерной перевозки и продажи хлеба в них». Минули годы. Много хлеба за это время высохло. Передо мной еще один документ, тот самый, что мне вручили в «Мосхлебторге», подписанный заместителем управляющего Л. Бурмакиной: «Завоз хлеба в контейнерах и реализация хлеба из контейнеров в настоящее время не производится». И тут же следует ссылка на приказ Главторга № 166 — им-де предусмотрен перевод на контейнерную систему торговли 30 магазинов — в 1980—1981 годах. Дескать, такой приказ сверху.

Кто, когда, почему отменил решение исполкома Моссовета — достаточно полного объяснения в справке «Мосхлебторга» тому нет. Ведь не знала тов. Бурмакина, что я такой «злопамятный», что у меня уже пять лет хранится то самое решение Мосгорисполкома.

«Контейнеров пока нет, — снисходительно, мягко, чтоб я понял, объясняют мне. — Их не изготовили, даже рекомендуемой для всех конструкции уже не существует...» Но ведь в приложении № 2 к тому же пятилетней давности решению был пункт № 3. Позвольте и его привести полностью, документальность в нашем разговоре не помешает: «Обеспечить применение во всех торговых предприятиях полиэтиленовых или хлопчатобумажных чехлов для замедления черствения хлебобулочных изделий». Если контейнер в общем-то более или менее инженерное сооружение (хотя и простое донельзя), то чистое полотно — трудное ли это дело? Видел я такие, напомню, в булочной на Ленинском проспекте.

...Все еще ищу объяснения черствому отношению к свежему хлебу и не могу найти ничего, что заменило бы слова «равнодушие» и «бесхозяйственность».

Думаю, каждый из нас помнит ленинские слова о том, что социализм начинается с бережного отношения к каждому пуду хлеба, угля и железа. Но прежде всего хлеба. Хлеб назван первым. Не случайно же это.

...Итак, нынче тонны испеченного хлеба растрачиваются в быту попусту, проще говоря, выбрасываются. И по нашей к нему небрежности и по вине торговли, продавшей нам сухой хлеб.

Директор МДТЗК В. Д. Трубин.

МНОГО ЗАБОТ ВПЕРЕДИ

Наверно, далеко не все москвичи, любители театра, завсегдатаи спортивных состязаний, смогут без труда, вот так, с ходу, ответить на вопрос: что такое МДТЗК? Действительно, как бы часто мы ни ходили в театр, как бы легко или сложно ни доставались нам билеты, мы всегда имеем дело с маленьким кассовым окошком, кассиром, его настроением, его отношением к нам. И как-то не приходит в голову, что существует большая, сложная система распространения билетов, что существует организация, которая занимается этим вот уже пятьдесят пять лет. Да, в апреле Московской дирекции театрально-концертных и спортивно-зрелищных касс исполняется 55 лет — дата не совсем круглая, но весьма уважаемая.

Наш корреспондент В. Пронин встретился с директором МДТЗК **В. Д. ТРУБИНЫМ.**

— Валентин Дмитриевич, несколько слов об истории билетной службы

— Дирекция театрально-концертных и спортивно-зрелищных касс — название не совсем удобное для запоминания и произнесения, но тем не менее оно точно отражает суть нашей деятельности. Существуем мы с 1925 года. Время сложное, страна переживала большие трудности, казалось бы, до театров ли было! Но и тогда, как и всегда, москвичи тянулись к искусству, причем эта тяга была самой массовой.

Нашей организации выделили небольшое помещение на нынешней улице Горького, весь штат составлял несколько человек.

— А сегодня?

— Сегодня у нас работает более трехсот кассиров. Это немало, рискну сказать, что это целая армия. В Москве действует двенадцать крупных межрайонных касс, которые объединяют более ста кассовых павильонов. Мы стараемся охватить как можно большее количество населения, открываем кассы в новых районах, заботимся, чтобы и приезжие, гости нашего города, тоже могли без труда приобрести билеты на концерты, в театры, на спортивные состязания. Именно поэтому тринадцать касс расположены вблизи железнодорожных вокзалов, более шести десятков кассовых павильонов установлены на станциях метро или рядом с ними.

· Если сопоставить масштабы вашей деятельности в том же 1925 году и в 1980 году?

— Сопоставлять трудно, учитывая условия жизни тогда и теперь, количество театров, стадионов, масштаб цен на билеты. Вот что касается нынешнего года, то цифры таковы... У нас ежевечерне заполняется примерно восемьдесят театрально-концертных помещений. От Большого театра до больших Дворцов культуры. Это около восьмидесяти тысяч мест. В общем же годовой оборот МДТЗК составляет 22 миллиона рублей.

· И все-таки проблема «лишнего билетика» остается?

— Да, как и прежде, как и везде, попасть на популярные спектакли, на концерт известного, любимого в народе певца, ансамбля, на интересное спортивное состязание действительно сложно. И, наверно, так будет всегда. И вряд ли в этом явлении нужно видеть только что-то плохое. У нас много талантливых творческих коллективов, и очень хорошо, что так много людей стремятся их увидеть. Другое дело, что нужно совершенствовать систему продажи билетов, избавляться от так называемых «нагрузок»...

Наше предприятие не только коммерческое, но и творческое. У нас постоянно проводятся встречи с актерами, режиссерами, композиторами, художниками, наши кассиры могут не только продать требуемый билет, но и посоветовать, грамотно и со знанием дела порекомендовать тот или иной спектакль, концерт, выступление. Так что нередко случается, что «нагрузка» оказывается не менее значительным в художественном отношении представлением.

— Говорят, сейчас появилась новая система продажи билетов — абонементная?

— Да, мы решили попробовать распространять абонементы, составленные с учетом самых различных вкусов, требований. Мы уже предлагаем зрителям театральные, театрально-концертные, только концертные, детские абонементы. Первые отклики самые положительные. Более того, поступили пожелания включать в абонементы спортивные зрелища, состязания популярных, сильных команд в самых различных видах спорта.

— Кстати, о спорте. Приближается Олимпиада-80. Ваша организация утверждена единственным распространителем билетов на олимпийские состязания... Расскажите, пожалуйста, об этих ваших заботах

— Заботы предстоят большие. Мы впервые сталкиваемся с проблемой такого масштаба. По решению Международного Олимпийского комитета город — организатор Игр вправе взять себе треть билетов на состязания. Но и эта треть оказывается весьма значительной. Нам предстоит распространить два с половиной миллиона билетов на Олимпийскую программу и столько же билетов на программу культурного плана. Распространяться билеты будут по предприятиям, организациям, учреждениям, их средняя стоимость составит около двух рублей. Причем заметьте, они различаются по четырем показателям: вид спорта, день состязания, время состязания, стоимость. Все эти показатели закодированы, и не запутаться в них самим, не запутать любителей спорта — это, откровенно говоря, сложная задача. Но я думаю, что все будет в порядке, мы справимся.

Валентин Дмитриевич, огоньковцы еще раз поздравляют вас с юбилеем. Желаем с честью выйти из тех почетных испытаний, которые ожидают вас олимпийским

Новое — хорошо забытое старое. Англичанин Кристофер Монк, историк, сконструировал этот инструмент, познакомившись с музыкальной культурой прошлого. Созданный им «орган», отличающийся, по свидетельству меломанов, приятным, необычным звучанием, приобрел популярность — он включается в состав оркестров, используется для озвучивания кинолент. А Монк, забросив науку, открыл собственную мастерскую. Тоже старая история...

Старая история

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

Ледяной скульптор

Михаил Галактионович Литвиненко, житель города Хмельницкого, по профессии повар-кондитер. Ледяные фигуры — его «хобби». Каждый год, помня о древней народной традиции отмечать проводы зимы гуляньями, оживляет он парки и площади города своими «памятниками» — ледяными Дедами Морозами, Снегурочками и т. д. Однако, считает умелец, даже эти сказочные персонажи должны идти в ногу со временем. В этом году ледяной компании пришлось потесниться. Шестиметровый олимпийский Мишка занял по праву принадлежавшее ему место в парке, а Дед Мороз надел новую шапку с олимпийской символикой.

Михаилу Галактионовичу 50 лет. За свое мастерство повара-кондитера он отмечен бронзовой медалью ВДНХ. А за ледяные фигуры его от всей души благодарят ребята и взрослые — все, кто приходит в парки города Хмельницкого.

А. КЛИМЕНКО
Фото автора

ОЛИМПИЙСКАЯ

Марию Московиу, актрису Национального театра Афин, в Греции сегодня знает каждый. Соотечественники о ней говорят: «Мария молода, красива и умна — как и подобает верховной жрице Олимпа». Уже двенадцать лет ей принадлежит этот почетный титул. Вот и в полдень 19 июня она поднимется во главе торжественной процессии на площадь в самом центре легендарной Олимпии, где под звуки фанфар вспыхнет пламя в символической чаше. «Верховная жрица» зажжет факел от чаши и передаст его первому из бегунов, которым предстоит донести огонь до столицы Олимпиады-80.

Олимпийский огонь вспыхнет ровно за месяц до ее начала. О том, как он будет доставлен в нашу столицу, рассказали на недавней пресс-конференции в Москве представители национальных олимпийских комитетов Греции, Болгарии, Румынии и Оргкомитета Олимпиады-80.

— Впервые во время торжественной церемонии на родине олимпийского движения прозвучит гимн Советского Союза, — сказал член греческого НОК Ахиллес Паппас. — Я убежден, что Московские игры будут иметь успех

От Олимпии до Москвы 4982 километра. Тысячи бегунов из четырех стран примут участие в эстафете. Ее маршрут вы можете проследить по карте: Олимпия, Афины, Патры, Коринф, Фивы, Салоники — в Греции, София, Пловдив, Шипка, Плевен — в Болгарии, Бухарест, Плоешти, Фоксаны, Яссы — в Румынии. На советскую землю она вступит 5 июля в молдавском поселке Леушены и пройдет через Кишинев, Киев, Харьков, Белгород, Курск, Орел, Тулу. За эти четырнадцать дней будет проведено около 50 праздников

Звонкий поцелуй прямо в нос запечатлел своему хозяину пес Люмпи — победитель конкурса на титул «самой забавной собаки», состоявшегося в Винтертуре (Швейцария). Этим буйным проявлением радости он окончательно покорил зрителей.

«Чтобы носить такие усы — 1,5 метра длиной,— нужно потратить не менее двух часов в день для ухода за ними»,— говорит их обладатель Карна Рамдхин из города Джайсалмер в Индии.

ЭСТАФЕТА

встречи олимпийского огня — спортивные соревнования, массовые гулянья, конкурсы, концерты.

Информация для москвичей: к столице эстафета подойдет 18 июля по Симферопольскому шоссе, свернет на кольцевую магистраль и по Можайскому шоссе, проспектам Кутузовскому, Калининскому выйдет на площадь 50-летия Октября. Отсюда после церемонии встречи огонь будет доставлен в здание Моссовета, где и будет храниться до следующего дня — дня открытия Олимпиады. Факелы, зажженные от олимпийского огня, в ночь на 19 июля отправятся в специальных железнодорожных вагонах в Ленинград, Киев, Таллин и Минск. Кто внесет огонь на главную олимпийскую арену, стадион имени Ленина в Лужниках, пока секрет. Это будет сюрпризом Оргкомитета Олимпиады-80 для ее участников и гостей.

Идет подготовка к эстафете. Японская корпорация «Мизуно» поставила формы для бегунов. На заводах в Горьком, Риге, Львове снаряжается специальный транспорт для группы сопровождения. Готовится к отправке в национальные олимпийские комитеты первая партия факелов, изготовленных по проекту ленинградских инженеров.

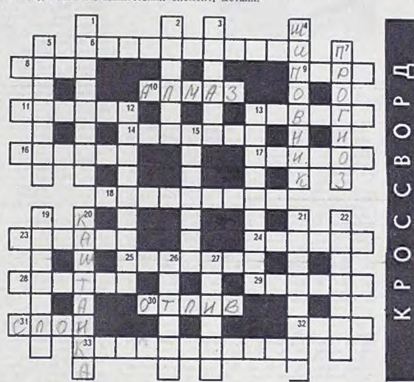
Факел я держал в руках. Изящный конус из серебристого металла и пластика весит 900 граммов. В рукоятку вставляется капсула с газом, легкий поворот тумблера — и газ подается к горелке. Она сконструирована так, что огонь не гаснет под самым сильным дождем — испытания проводились... под душем.

Совсем скоро двинется в путь вечный огонь Олимпии.

Б. ЛАБУТИН

По горизонтали: 6. Род оперной или балетной увертюры. 8. Одно из пяти внешних чувств. 9. Советский ученый в области радиотехники, академик. 10. Искусственный драгоценный камень. 11. Специалист, исследующий месторождения полезных ископаемых. 13. Роман Э. Золя. 14. Композитор, автор оперы «Вильгельм Телль». 16. Сочетание стихотворных строк. 17. Фотографии. 18. Международное совещание по научному вопросу. 23. Балет Ф. Яруллина. 24. Узбекский и таджикский духовой инструмент. 25. Итальянский скрипач, композитор, педагог XVIII века. 28. Часть зрительного зала в театре. 29. Хлебный злак. 30. Периодическое понижение уровня моря. 31. Шахматная фигура. 32. Порт на Азовском море. 33. Агрегат для автоматического поддержания определенной температуры, влажности, чистоты воздуха в помещении.

По вертикали: 1. Советский поэт, баснописец. 2. Один из героев трилогии А. Дюма. 3. Таджикский и персидский поэт. 4. Декоративный кустарник семейства розовых. 5. Нефтепромысловый центр в Румынии. 7. Предсказание погоды. 12. Прибор для измерения ускорения силы тяжести. 13. Обсуждение определенной проблемы, спор. 15. Транспортное средство для передвижения по воздуху. 19. Крупная перелетная птица, обитающая на болотах. 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Первое представление пьесы, концерта или цирковой программы. 22. Музыкант. 26. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 27. Химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 2. Багульник. 6. Пломба. 8. Ракета. 10. Крашенинников. 11. Мелисса. 13. Палитра. 15. Новатор. 16. Гараж. 17. Лазер. 18. «Коновалов». 19. Рубка. 21. Либих. 24. Деление. 25. «Арктика». 28. Вратарь. 31. Аккомпанемент. 32. Фаэтон. 33. Тербий. 34. Дальномер.

По вертикали: 1. Платье. 2. Баланс. 3. Лисициан. 4. Кряква. 5. Штопор. 7. «Максимка». 9. Коврижка. 11. Маргарита. 12. Андромеда. 13. Прокофьев. 14. Астрахань. 20. Контракт. 22. Имитатор. 23. Дерматин. 26. Руслан. 27. Кокаид. 29. Реестр. 30. «Родник».

На первой странице обложки:
А. Соколов. «САЛЮТ-6». ОТДЕЛЕНИЕ АНТЕННЫ.

На последней странице обложки: Ученица Сеницкой школы Анжела Романовская. ★ Хореографическая сюита «На молочной ферме». ★ В торговом центре колхоза имени Гастелло. ★ Вечером у Дворца культуры. ★ На сцене — колхозный ансамбль песни и танца. ★ Преподаватель музыкальной школы А. Пархимович. ★ Л. Согулко — студентка сельхозтехникума. ★ Кондитерский цех столовой.
(См. в номере материал «Наши радости и беды».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27. Отделы: Репортажа и новостей — 250-58-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.03.80. Подписано к печати 8.04.80. А 00450. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 783. Заказ № 2120.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Театр

НА СЦЕНЕ — АНИ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Березки посреди зала Московского Камерного музыкального театра не удивляют: к подобным режиссерским приемам публика привыкла. Не удивляет, что действующие лица впервые появляются не перед лицом зрителя, а у него за спиной и проходят по центральному проходу меж кресел на сцену, где и будет разыгрываться действие оперы «Луна и детектив» (по мотивам повести Виля Липатова), сочиненной молодым ленинградским композитором А. Журбиным и поставленной народным артистом СССР Б. А. Покровским. И все-таки поначалу тебя, зрителя, что-то вроде бы смущает. Скорее всего это недоверие или даже предубеждение, потому что деревенский детектив Анискин, поющий оперные арии, заранее может, пожалуй, вызвать некую скептическую улыбку. Но она исчезнет с первыми же звуками музыки, при первой же встрече с оперным вариантом Анискина — давно полюбившегося героя В. Липатова, деревенского милиционера, которого уже сыграл в кино М. И. Жаров.

Оперный вариант совершенно неожиданно оказался таким естественным и жизненным, таким впечатляющим и убедительным, что сразу вызывает зрительское восхищение.

В роли Федора Ивановича Анискина талантливый певец И. Парамонов завоевывает право на существование своего героя не какими-то особыми актерскими приемами, а более всего душевностью, глубокой искренностью исполнения, проникновением в характер. Вспоминая хорошо всем знакомого по экрану Анискина — Жарова и сравнивая этих двух «детективов», мы находим в них прежде всего общие черты — это неналгранная, органическая НАРОДНОСТЬ. Конечно, Анискин И. Парамонова, как и положено оперному герою, пожалуй, более поэтичен: артист почти не акцентирует детективные способности своего Анискина, да ведь и опера, впрочем, тоже не столько об украденном аккордеоне, сколько о жизни людей русских на этом дивном берегу Оби. Они словно и не могут быть злыми, потому что дружны, спаяны и живут среди такой красоты, а декорации ночной реки, созданные Н. Хренниковой, опять-таки убеждают в этом.

Но, конечно же, всякое случается. Попадаются и здесь те, кто диссонирует с окружающим миром, вызывает недоумение, а то и резкий конфликт. В опере это братья Паньковы, Володька и Семен, в исполнении В. Белых и А. Подболотова. Но опера, конечно, не о них! Они просто повод для знакомства с другими персонажами, для которых композитор находит всегда особые, выразительные краски. Так, образ Верки Косой прочерчен в музыке какой-то нервной, беспокойной нотой, зато партия Евдокии Прониной лирична, обстоятельна, напевна. Детской непосредственностью отличается характер Виталькн...

Вереница человеческих характеров проходит перед нами. И каждый из них и вылеплен точно и удивительно близок к жанру, стилистике Виля Липатова.

Рассудительность и ум Анискина, любовь к своей земле, к родному селу заразительны. Слушая его, мы забываем, что находимся в тесном просмотровом зальчике; нам так же, как герою, хочется вдохнуть полной грудью свежий речной ветер, почувствовать его на своем лице... Сцена «дежурства» на ночной Оби Анискина и Праздникова — незадачливого директора клуба, у которого братья Паньковы украли аккордеон,— пожалуй, одна из самых удачных в опере.

Поэтическая и вместе реальная атмосфера спектакля делает восприятие происходящего близким, доступным: зритель ощущает себя в этом маленьком зале как бы действующим лицом.

В театре Б. А. Покровского, думается, сохранился дух студийности. Видно, что сами актеры сильно увлечены тем, что делают: спектакль идет на большом эмоциональном подъеме, равнодушных здесь не встретишь.

Образ современника, как и самой современности, стремительно врывается на оперную сцену. Потому, наверное, спектакли музыкального театра идут с аншлагами.

Художественный руководитель театра народный артист СССР Б. А. Покровский говорит:

— Над современностью в опере всегда смеялись. Не верили в возможность ее творческого воплощения. Кажется, мы победили это предубеждение. Мы надеемся, что спектакль принесет зрителям радость узнавания нашей сегодняшней жизни, ее людей.

Сознавая силу воздействия своего искусства, коллектив находится в беспрерывном поиске. Ищут не только новые приемы в актерском, режиссерском, сценографическом искусстве, но и авторов. Удачный результат такого поиска — премьера «Луна и детектив». Она написана Александром Журбиным совместно с драматургом Ю. Димитриным именно по заказу театра. Кстати сказать, авторы необычайно чутко уловили и сохранили в либретто не только стиль, но и язык первоисточника.

Театр Покровского давно вышел за рамки эксперимента: его место в искусстве завоевано прочно. Очень хорошо, что театр этот «начинается», как и положено в искусстве, с вешалки, а «продолжается» в фойе, с любовью оформленном макетами декораций, куклами, рисунками детей... Во всем этом тоже чувствуется любовь коллектива к своему Камерному, да и зрителю дает возможность сразу ощутить творческую атмосферу театра, какая бы опера ни шла на сцене. А репертуар Камерного обширен и разнообразен. На афише «Директор театра» Моцарта, «Нос» Шостаковича, «Не только любовь» Щедрина... Интересы театра широки. Забытые оперы, попадая на здешнюю сцену, свежеют.

А. ЗВЯГИНА

Идет спектакль.

Опера А. Журбина «Луна и детектив». Анискин — И. Парамонов и Праздников — Б. Дружинин.

Финал оперы А. Холминова «Коляска».

СКИН И ДРУГИЕ

Художественный руководитель театра — народный артист СССР Б. А. Покровский.

Комическая опера И. Гайдна «Аптекарь».

ISSN 0134-0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663